

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПРОСТРАНСТВЕ

ШОС

Издательство «Весь Мир»

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПРОСТРАНСТВЕ

ШОС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока РАН

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПРОСТРАНСТВЕ**

ШОС

Москва
Издательство «Весь Мир»
2017

УДК 327.7
ББК 66.4 (2Рос)
П78

Рецензенты:

д.воен.н. *А.В. Болятко*, к.полит.н. *П.Б. Каменнов*

Ответственный редактор

д.и.н. *С.Г. Лузянин*

Редактор-составитель

Л.Е. Васильев

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0688-1

© ИДВ РАН, 2017
© Издательство «Весь Мир»,
оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Р.К. Алимов</i>)	6
РАТС ШОС. Опыт строительства региональной международной организации (<i>Е.С. Сысоев</i>)	8
Россия и Китай в ШОС 2017 года: глобальные и региональные измерения безопасности (<i>С.Г. Лузянин</i>)	19
Проблема региональной безопасности и некоторые пути ее решения при реализации стратегии развития ШОС до 2025 года (<i>А.Ф. Клименко</i>)	27
Борьба с терроризмом на пространстве ШОС (<i>Л.Е. Васильев</i>)	45
Перспективы сотрудничества в сфере международной безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (<i>В.Б. Кашин</i>)	66
Информационная война и применение США иных средств воздействия на государства ШОС (<i>Ю.В. Морозов</i>)	74
Экономическая дипломатия Китая в Северо-Восточной Азии как фактор безопасности ШОС (<i>Е.И. Сафронова</i>)	96
О некоторых задачах ШОС в сфере безопасности в контексте китайской инициативы «Один пояс, один путь» (<i>С.В. Уянаев</i>)	116
Современная повестка энергетической безопасности на пространстве ШОС (<i>В.А. Матвеев</i>)	129
Взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках ШОС в сфере обеспечения мира, безопасности и стабильного развития стран-участниц (<i>А.В. Шлындов</i>)	150
Об авторах	164

Р.К. Алимов
Генеральный секретарь ШОС,
доктор политических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процессы глубинной трансформации, активно разворачивающиеся в современных международных отношениях, наглядно демонстрируют их все более усложняющуюся структуру. В нынешних условиях актуальные еще в конце прошлого столетия концепты и взгляды на международное сотрудничество постепенно уходят в историю, на смену им приходят новые, призванные обеспечить широкое взаимодействие во имя развития и процветания.

По историческим меркам молодая Шанхайская организация сотрудничества, отметившая в 2016 г. свое пятнадцатилетие, поступательно воплощает в своей деятельности передовые взгляды и подходы к межгосударственному взаимодействию. Лидеры государств-основателей ШОС, впервые собравшиеся вместе в июне 2001 г. в Шанхае с целью создания новой организации, явили миру пример сбалансированного сотрудничества, основанного, прежде всего, на принципах равноправия больших и малых стран, взаимного уважения и взаимной выгоды, заинтересованного диалога культур и цивилизаций, предвосхитив тем самым всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации современных международных отношений.

Благодаря такому подходу за истекшие полтора десятилетия в центре Евразийского региона удалось сформировать режим открытости, доверия и взаимного уважения, консолидироваться вокруг концепции общей безопасности, основанной на принципе взаимности и отказа от конфронтации, преобладании общих интересов над индивидуальными.

Ключевым приоритетом ШОС были и остаются вопросы обеспечения региональной безопасности и стабильности, совместного противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму, борьбы с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. Актуальность такой работы в современных условиях приобретает особое значение. За 15-летний период Организации удалось

разработать нормативную базу, отладить и запустить основные механизмы практической деятельности, что позволило добиться существенных результатов. Без преувеличения можно констатировать, что сегодня пространство ШОС характеризуется высоким уровнем состояния безопасности, обеспечивающим совместное поступательное социально-экономическое развитие, что, несомненно, наряду с другими, является конкретным показателем эффективности ее работы.

В то же время изменение характера современных вызовов безопасности, их взаимопереплетение, появление новых, еще более опасных угроз, чем прежние, призывают ШОС неизменно держать в фокусе своего внимания положение в сфере безопасности в регионе и в мире, анализировать и изучать новые явления и новые тенденции развития международной обстановки, оперативно реагировать и адаптироваться к новым условиям. В этой непрерывной эволюции кроется потенциал жизнестойкости ШОС, умение Организации работать на общий солидарный результат.

Вышеперечисленные особенности ШОС и конкретные плоды ее деятельности все чаще привлекают внимание политиков, дипломатов, ученых и исследователей из разных стран мира. В процессе анализа сильных и слабых сторон модели сотрудничества в рамках ШОС большинство экспертов сходятся во мнении, что ШОС сегодня представляет собой объединение нового типа, которое, проходя различные этапы своего развития, неизменно доказывает свою эффективность и востребованность, прежде всего в сфере обеспечения безопасности и стабильности на обширном пространстве Евразии.

В этом контексте сборник «Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС» – новый совместный труд российских ученых – призван внести свой вклад в комплексные исследования роли и места Организации в обеспечении безопасности в Евразии, прежде всего в свете последних тенденций региональной и международной обстановки, а также усиления старых и появления новых вызовов и угроз региону ШОС.

Представляется, что палитра мнений и взглядов, учет различных точек зрения на протекающие процессы, как внутри ШОС, так и за ее пределами, их обобщенная оценка будут способствовать накоплению актуальных знаний, полезных в практической деятельности Организации.

Е.С. Сысоев
Директор Исполкома ПАТС ШОС

РЕГИОНАЛЬНАЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА.

Опыт строительства региональной международной организации

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности Шанхайской организации сотрудничества по борьбе с международным терроризмом в Центральной Азии. В ней рассмотрены особенности деятельности региональной антитеррористической организации ШОС, проанализированы основные итоги ее работы за последнее время, а также обозначены основные направления совершенствования деятельности ПАТС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), международный терроризм, региональная безопасность, Региональная антитеррористическая структура ШОС (ПАТС).

Evgeny S. SYSOEV

REGIONAL ANTI-TERRORIST STRUCTURE OF THE SCO.

Experience in the Construction of Regional International Organizations

Abstract. The article analyzes the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the struggle with international terrorism in Central Asia. It considered the characteristics of the activities of the Regional Anti-Terrorist Structure of the SCO (RATS SCO), as well as analyzed the main outcomes of its work for the last time. In the article it is also mentioned the basic directions of improvement of activity of the RATS SCO.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization (SCO), international terrorism, regional security, Regional Anti-Terrorist Structure SCO (RATS SCO).

История создания и становления Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества тесным образом связана с произошедшими в конце XX в. глобальными геополитическими изменениями, связанными с распадом СССР и мировой социалистической системы, которые обусловили крушение биполярного миропорядка.

На постсоветском пространстве особую актуальность в 1990-е годы приобрели вопросы обеспечения безопасности и укрепления внешних границ новых суверенных государств, а также налаживания механизмов противодействия транснациональной преступности, в том числе в Центральной Азии. Ответом на эти объективные потребности стало подписание Казахстаном, Китаем, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном 24 апреля 1996 г. в Шанхае Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы и 24 апреля 1997 г. в Москве – Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Проводимые в течение ряда лет ежегодные совещания глав указанных пяти государств позволили создать организационную основу для решения в последующем и иных задач, выходящих за рамки изначальной повестки и представляющих взаимный интерес. Это нашло отражение в Совместном заявлении участников Алма-атинской встречи от 3 июля 1998 г., Бишкекской декларации от 25 августа 1999 г. и Душанбинской декларации от 5 июля 2000 г.

Участники Душанбинского саммита, в котором в качестве наблюдателя принял участие Президент Республики Узбекистан, пришли к единому мнению о необходимости сохранения накопленного потенциала. Дальнейшее развитие отношений сотрудничества привело к подписанию 15 июня 2001 г. в Шанхае президентами Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана Декларации об образовании Шанхайской организации сотрудничества.

Уже на этапе создания ШОС борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом была выделена в числе приоритетных направлений взаимодействия. Именно поэтому наряду с Декларацией об образовании ШОС была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а годом позже в Санкт-Петербурге – Хартия Шанхайской организации сотрудничества и Соглашение о создании специализированного органа ШОС в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – Региональной антитеррористической структуры (далее – РАТС)*.

* Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002 г.

Официальное открытие штаб-квартиры РАТС в Ташкенте состоялось 17 июня 2004 г., в период проведения очередного заседания Совета глав государств – членов ШОС в столице Узбекистана.

В соответствии с Соглашением РАТС является постоянно действующим органом ШОС и предназначена для содействия координации и взаимодействию компетентных органов государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В число ее основных задач и функций входят: содействие в подготовке и проведении оперативно-разыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; осуществление международного розыска лиц, подозреваемых в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера; сбор и анализ информации; содействие в подготовке и проведении антитеррористических учений; содействие в подготовке специалистов для антитеррористических подразделений; разработка предложений о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; формирование и ведение специализированных банков данных о международных террористических, сепаратистских и экстремистских организациях и т.д.

Органами РАТС являются Совет РАТС (далее – Совет) и Исполнительный комитет РАТС (далее – Исполнительный комитет).

Совет определяет порядок осуществления основных задач и функций РАТС, принимает решения обязательного характера. В состав Совета, заседания которого проводятся два раза в год, входят представители государств – членов ШОС – заместители руководителей уполномоченных органов (члены Совета):

- Комитета национальной безопасности Республики Казахстан;
- Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики;
- Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики;
- Федеральной службы безопасности Российской Федерации;
- Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан;
- Службы национальной безопасности Республики Узбекистан.

Указанные компетентные органы являются головными ведомствами, координирующими взаимодействие государств – членов ШОС с РАТС.

Исполнительный комитет функционирует на постоянной основе и оказывает содействие взаимодействию и координации

государств – членов ШОС в решении задач по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму.

Структурно Исполнительный комитет состоит из пяти направлений: координационно-оперативная деятельность, международные контакты и связи, информационно-аналитическая деятельность, правовое обеспечение, административно-финансовая деятельность.

Директор Исполнительного комитета является высшим административным должностным лицом, назначаемым Советом глав государств – членов ШОС по рекомендации Совета РАТС из числа граждан государств-членов сроком на три года без права продления, на ротационной основе.

Штат Исполнительного комитета состоит из дипломатического (30 единиц) и технического персонала. Дипломатический состав формируется с учетом долевых взносов стран в бюджет ШОС (РК – 6, КНР – 7, КР – 3, РФ – 7, РТ – 2, РУ – 5).

Для обеспечения представительства и интересов государств – членов ШОС в РАТС, непрерывного функционирования Совета, оперативного согласования вопросов сотрудничества и обеспечения взаимодействия Исполнительного комитета с государствами-членами учрежден институт постоянных представителей государств – членов ШОС при РАТС ШОС, разработан Порядок взаимодействия Исполнительного комитета с компетентными органами государств – членов ШОС.

В целях согласования проектов документов, вносимых на рассмотрение Совета, подготовки предложений по конкретным вопросам взаимодействия государств – членов ШОС в рамках РАТС действуют 6 экспертных групп:

- группа правовых экспертов, осуществляющая подготовку и оценку материалов для рассмотрения на Совете;
- группа технических экспертов, осуществляющая рассмотрение вопросов в сфере технического обеспечения деятельности РАТС;
- группа пограничных экспертов, осуществляющая рассмотрение вопросов пограничного взаимодействия в сфере противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму;
- группа по обмену оперативной информацией в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- группа по координации совместного противодействия деятельности террористических, сепаратистских и экстремистских организаций;
- группа по противодействию кибертерроризму.

На первоначальном этапе становления РАТС основное внимание было сконцентрировано на разработке организационно-правовой основы, определяющей принципы и направления сотрудничества, а также обеспечение надлежащего функционирования ее рабочих органов – Совета и Исполнительного комитета.

В этих целях разработаны и подписаны (утверждены):

- главами государств и правительств следующие Соглашения: о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий; о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности; о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений; о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; о подготовке кадров для антитеррористических формирований; сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам; о банке данных РАТС и др., а также Регламент Исполнительного комитета;
- Советом РАТС: Правила процедуры Совета РАТС и Порядок взаимодействия Исполнительного комитета с компетентными органами.

Это позволило в последующем направить усилия на выработку и апробацию механизмов многостороннего сотрудничества по нейтрализации конкретных вызовов и угроз.

Так, Советом были утверждены и компетентными органами реализуются совместные меры по:

- противодействию вызовам и угрозам, исходящим от международной террористической организации «Исламское государство»;
- противодействию деятельности международной организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»;
- выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц в регионы с повышенной террористической активностью для участия в террористической деятельности;
- предотвращению террористических актов с использованием террористов-смертников;
- противодействию вербовке в террористические и экстремистские организации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы;
- предотвращению распространения радикальной религиозной идеологии;

- предупреждению и пресечению использования или угрозы использования в террористических, сепаратистских и экстремистских целях компьютерных сетей;
- меры в отношении лиц, возвращающихся после участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических, сепаратистских и экстремистских организаций.

В интересах осуществления розыска лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, в Исполнительном комитете ведется Единый розыскной реестр (внесено более 2800 человек).

В целях обмена оперативной информацией в отношении иностранных боевиков-террористов, принимающих участие в боевых действиях на стороне международных террористических организаций, в 2015 г. разработана и ведется Таблица учета указанной категории лиц (внесено более 1800 человек).

Кроме того, в Исполнительном комитете ведется Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств – членов ШОС (внесено 73 организации).

Указанные комплексные меры позволяют компетентным органам в двустороннем, а при необходимости и многостороннем формате вести работу по установлению, задержанию, привлечению к уголовной ответственности и экстрадиции граждан, причастных к террористической и экстремистской деятельности, осуществлять превентивные и профилактические мероприятия.

Так, только в 2016 г. задержано значительное количество лиц, намеревавшихся выехать в Сирийскую Арабскую Республику для участия в боевых действиях в составе международных террористических организаций, а также предотвращены террористические акты, готовившиеся гражданами государств – членов ШОС, возвратившимися из зон вооруженного конфликта в страны исхода.

В частности, компетентными органами Республики Казахстана, Кыргызской Республики и Российской Федерации задержаны девять членов террористической группы, планировавшей совершить теракты в г. Москве, в том числе в период празднования Дня Победы.

Совместными с ГКНБ Кыргызской Республики и СНБ Республики Узбекистан мерами на территории Казахстана задержаны и депортированы в Кыргызстан два гражданина этой страны, члены МТО «Жаннат Ошиклари», которые были направлены из Сирии для совершения терактов в странах Центральной Азии.

По ориентировкам Комитета национальной безопасности Республики Казахстан кыргызскими, российскими и таджикскими партнерами были задержаны и переданы в Казахстан семь граждан этой республики, направлявшихся на «джихад» в Сирию через территорию Кыргызстана, России и Таджикистана.

На территории Казахстана задержаны и переданы в Узбекистан два гражданина этой страны, разыскиваемые СНБ Республики Узбекистан за причастность к террористической и религиозно-экстремистской деятельности.

На территории Кыргызстана задержаны и переданы правоохранительным органам Таджикистана разыскиваемые ими по подозрению в причастности к террористической деятельности двое иностранных граждан, прошедших диверсионно-террористическую подготовку в лагерях боевиков МТО в Северном Вазиристане Исламской Республики Пакистан, а также один гражданин Республики Таджикистан, причастный к организации экстремистского сообщества.

Принимая во внимание расширение практики использования международными террористическими организациями сети Интернет в своей преступной деятельности, начиная от распространения идеологии терроризма и вербовки новых сторонников до подготовки и проведения террористических акций, РАТС активизирована работа по укреплению взаимодействия компетентных органов в сфере выявления, предупреждения и пресечения использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях.

В целях совершенствования механизмов совместного реагирования на киберугрозы в октябре 2015 г. на территории Китая проведено первое в рамках ШОС учение по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях «Сямынь-2015». Результаты учений, позволившие изучить правовые аспекты, организационные и технические возможности, а также отработать алгоритм действий, получили высокую оценку со стороны руководителей компетентных органов государств – членов ШОС и наблюдателей.

В 2016 г. компетентными органами пресечена деятельность свыше 100 тыс. интернет-ресурсов, содержащих 900 тыс. материалов террористического и экстремистского характера, в том числе 2500 видеоматериалов, 10 тыс. фото и 300 аудиофайлов, ограничена работа более 20 мобильных приложений.

Начиная с 2008 г. другим важным направлением деятельности РАТС является обеспечение безопасности крупных международных мероприятий, проводимых в государствах – членах ШОС. В этих целях создан постоянно действующий механизм координации дей-

ствий компетентных органов, впервые запущенный для оказания содействия компетентным органам КНР по обеспечению безопасности Олимпийских игр. В последующем данный механизм был задействован более 50 раз, в частности, при подготовке и проведении празднования 65-й и 70-й годовщин Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, 70-й годовщины Победы китайского народа в антияпонской войне (Китай), саммитов глав государств и правительств стран – участниц ШОС, СНГ, СВМДА, ОБСЕ, а также «Большой двадцатки», выборов глав государств, Олимпийских и Параолимпийских игр, Универсиады, Азиатских игр и других важных общественно-политических и спортивных международных мероприятий.

Кроме этого, в рамках РАТС ведется большая целенаправленная работа по повышению антитеррористического потенциала государств-членов, организуются и проводятся совместные практические мероприятия.

Одной из наиболее эффективных форм на данном направлении является организация ежегодных совместных антитеррористических учений, в ходе которых осуществляется практическая отработка механизмов реагирования и взаимодействия компетентных органов по нейтрализации террористических угроз.

За 13 лет своего существования РАТС организовано и проведено 13 антитеррористических учений, в том числе два оперативно-стратегических («Волгоград-Антитеррор-2008» и «Саратов-Антитеррор-2010» в Российской Федерации), пять оперативно-тактических («Восток-Антитеррор-2006» в Узбекистане, «Тянь-Шань-№1-2006» в Китае, «Иссык-Куль-Антитеррор-2007» в Кыргызстане, «Норак-Антитеррор-2009» в Таджикистане, «Тянь-Шань-2-2011» в КНР и др.), пять командно-штабных учений («Восток-Антитеррор-2012» в Узбекистане, «Казыгурт-Антитеррор-2013» в Казахстане, «Восток-Антитеррор-2014» в Узбекистане, «ЦентрАзия-Антитеррор-2015» в Кыргызстане, «Сотрудничество-2016» в Таджикистане), а также одно штабное учение по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях («Сямынь-2015» в КНР).

В качестве наблюдателей на учения приглашались представители международных организаций (АТЦ и СКПВ СНГ, ОДКБ, ООН, ОБСЕ), а на отдельные – официальные представители спецслужб и дипломатических миссий США, Франции, Германии, Италии, Ирана, Афганистан, Индии и др.

В процессе организации учений накоплен значительный опыт их планирования, подготовки и проведения, выработаны подходы

и методы. В основу разработки замысла учения положен принцип максимального приближения его сценария к реальным условиям оперативной обстановки, складывающейся на пространстве ШОС, и тактике действий террористов.

Отдельным направлением практической отработки механизмов реагирования на террористические угрозы является проведение совместных пограничных операций на внешних и внутренних участках границ государств – членов ШОС.

Так, в рамках РАТС организовано и проведено четыре совместных пограничных операции («Восток-2013», «Восток-2014», «Восток-2015», «Единство-2016»), в ходе которых совершенствовались формы и способы взаимодействия между пограничными ведомствами по обеспечению пограничной безопасности, отрабатывались задачи по выявлению и нейтрализации бандформирований.

В 2017 г. антитеррористическое учение ШОС планируется провести на территории Российской Федерации, специальную пограничную операцию – на участках государственной границы Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также киберучение – на территории Китая.

Важной задачей в совершенствовании системы противодействия террористическим угрозам является повышение кадрового потенциала антитеррористических структур.

В этой связи РАТС осуществляется работа по содействию координации подготовки и повышения квалификации кадров для антитеррористических подразделений компетентных органов государств–членов ШОС. За эти годы в образовательных учреждениях компетентных органов Российской Федерации и Китайской Народной Республики на потоках подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации было организовано обучение более тысячи сотрудников компетентных органов.

В целях повышения эффективности и консолидации усилий по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму РАТС развивает и укрепляет сотрудничество с компетентными органами государств-наблюдателей при ШОС и государств-партнеров по диалогу ШОС, а также международными и региональными организациями. В частности, подписаны акты о сотрудничестве (намерениях) РАТС с КГБ Республики Беларусь, МИД Афганистана, Антитеррористическим координационным советом Монголии, Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности, Антитеррористическим центром и Координационной службой Совета командующих пограничными войсками государств – участников СНГ, Интерполом, Евразийской группой по противодей-

ствию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, Центральнoазиатским региональным информационным координационным центром по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Особо стоит отметить развитие сотрудничества с Организацией Объединенных Наций, закрепленное резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/65/124 от 13 декабря 2010 г. «О сотрудничестве между ООН и ШОС» и А/RES/71/14 от 21 ноября 2016 г. «Сотрудничество между ООН и ШОС», призванными способствовать дальнейшему наращиванию взаимодействия между универсальной глобальной и региональной организациями, а также формализацию отношений с профильными подразделениями ООН – Управлением ООН по наркотикам и преступности и Исполнительным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН.

Кроме этого, ежегодно с 2013 г. в рамках РАТС проводятся научно-практические конференции по вопросу сотрудничества в противодействии международному терроризму и экстремизму. В их работе принимают участие представители компетентных органов и дипломатических миссий государств-членов ШОС и государств-наблюдателей при ШОС, вышеуказанных международных и региональных организаций.

В ходе конференции участники обмениваются мнениями о новых вызовах и угрозах в сфере безопасности, связанных с ростом террористической и экстремистской активности в различных регионах мира, об усилиях по их нейтрализации, предпринимаемых на национальном, региональном и международном уровнях, обсуждают вопросы организации противодействия использованию сети Интернет и информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях, пути дальнейшего совершенствования практического взаимодействия компетентных органов, а также международных организаций в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Участники отмечают практическую значимость формата конференции для совместного анализа динамики расширения террористической активности в мире, обмена передовым опытом организации антитеррористической деятельности, совершенствования взаимодействия в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, укрепления сотрудничества с профильными структурами международных организаций в сфере борьбы с терроризмом.

Итоги деятельности РАТС ежегодно подводятся на Совете РАТС и докладываются Совету глав государств–членов ШОС. На состоявшемся в июне 2016 г. в Ташкенте юбилейном, 15-м заседании

Совета глав государств—членов ШОС деятельность РАТС получила положительную оценку.

Подводя итоги изложенному, можно констатировать, что Региональная антитеррористическая структура прошла проверку временем, показала свою жизнеспособность и эффективность, наличие у нее достаточного потенциала для принятия адекватных мер по содействию обеспечению региональной безопасности.

Наработанный в шанхайском формате многолетний опыт содействия координации противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму свидетельствует о том, что достичь значимых результатов в борьбе с этими угрозами можно лишь путем последовательной и системной работы, совместными и слаженными усилиями.

В ближайшем будущем РАТС предстоит решать поставленные Советом глав государств—членов ШОС новые задачи. В их числе организация надлежащей деятельности в расширенном формате с учетом ожидаемого принятия в ШОС Индии и Пакистана и предоставления статуса партнера по диалогу ШОС Азербайджану, Армении, Непалу и Камбодже. Планируется также продолжить процесс расширения партнерской сети и формализации отношений с региональными организациями, активнее использовать площадку международного сотрудничества для консолидации усилий в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Кроме того, будет продолжена работа по совершенствованию взаимодействия компетентных органов государств — членов ШОС, разработке дополнительных мер, реализация которых позволит придать импульс и усилить практическую составляющую антитеррористического сотрудничества. Важное место будет уделено дальнейшей гармонизации национальных законодательств в области борьбы с терроризмом.

Несомненно, данная деятельность еще более укрепит возможности РАТС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, позволит более эффективно решать задачи по безопасности и стабильности на пространстве ШОС.

С.Г. Лузянин
д.и.н., проф.,
директор Института Дальнего Востока РАН,
проф. МГИМО МИД РФ

РОССИЯ И КИТАЙ В ШОС 2017 ГОДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье проведен анализ современной геополитической обстановки в Центральной и Южной Азии, а также дан прогноз возможных вариантов ее развития. Рассматриваются направления сотрудничества России, Китая и Индии, их взаимодействие в Шанхайской организации сотрудничества в части мер, направленных на обеспечение безопасности и стабильности на пространстве этой организации.

Ключевые слова: геополитика, Центральная и Южная Азия, Шанхайская организация сотрудничества, Россия, Китай, Индия, региональная безопасность, Экономический пояс Шелкового пути.

Sergey G. LOUSIANIN

RUSSIA AND CHINA IN THE SCO 2017: GLOBAL AND REGIONAL DIMENSIONS OF SECURITY

Abstract. The article analyzes contemporary geopolitical realities in Central and South Asia and provides a forecast of the possible variants of their development. It considers possible areas of cooperation between Russia, China and India and their collaboration in the Shanghai Cooperation Organization with regard to the measures aimed at security and stability in the organization's region.

Keywords. Geopolitics, Central and South Asia, the Shanghai Cooperation Organization, Russia, China, India, regional security, the Silk Road Economic Belt.

Российское измерение 2017 года

Российская экономика, исходя из текущих показателей, похоже, постепенно выходит из кризисной фазы развития, адаптируясь

к внешним и внутренним экономическим вызовам. Экономика России не была «разорвана в клочья», как предрекали отдельные западные политики и «эксперты». Наоборот, фаза испытаний явно пошла на пользу российскому государству и обществу. Возможно, впервые после 1991 г. в народном самосознании сформировалась идея сохранения и укрепления *единства российского народа* и восстановления былого величия России.

Ровно десять лет назад автор этих строк написал книгу «Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток”»¹, которая вызвала тогда некоторый скептицизм и обвинения в «имперских фантазиях» со стороны отдельных экспертов. Сегодня, в 2017 году, без всякого скептицизма мы можем констатировать, что изложенный прогноз подтвердился и возвращение России на Восток состоялось. Причем состоялось не в имперской форме, а в ходе развернувшейся беспощадной войны Российской Федерации с международным экстремизмом и терроризмом, в условиях применения против России политики стратегического сдерживания со стороны отдельных стран Запада и НАТО.

При этом российское руководство успешно строит в Евразии новое геоэкономическое пространство «неамериканского мира» — через взаимодействие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), проектов «Россия—Индия—Китай» (РИК), БРИКС и других.

Российско-китайское сопряжение

На фоне сохранения антироссийских западных санкций, смены президентской администрации в Вашингтоне, обострения обстановки на Ближнем Востоке (Сирия) Россия продолжает наращивать всеобъемлющее взаимодействие с Китаем, активно развивая сотрудничество с ним во всех областях, включая взаимодействие в Шанхайской организации сотрудничества.

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. сказано: «Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности»².

Дополнительным стимулом укрепления и расширения «Большой Евразии» стала поддержка Китая и подписание в 2015 г. российско-китайских документов на высшем уровне о запуске процессов *сопряжения* между ЕАЭС и «Экономическим поясом Шелкового пути» (ЭПШП).

Специфика российско-китайского и центральноазиатского «сопряжения» (*дуй цзе*) содержит ясные географические контуры и, помимо прочего, достаточно подробные указания на задачи отдельных регионов Китая и России в реализации проекта. Хотя среди российских и китайских ученых существуют различные маршрутные «расклады», в целом логистика и общая направленность представленных маршрутов в принципе совпадают. Причем данная сеть в КНР получила уже некую концептуализацию: «*дунвэнь – бэйцян – нанься – сицзинь*» (东稳 北强 南下 西进): «*стабилизироваться на востоке – укрепляться на севере – спускаться на юге – продвигаться на западе*». Данную формулу можно интерпретировать как долговременную стратегию экономического выхода за пределы Поднебесной, активно реализуемую председателем Си Цзиньпином.

Для России актуальной представляется фраза «укрепляться на севере», что означает, скорее всего, желание Китая постепенно и надолго создавать в России (на севере) транспортно-логистические центры, инвестировать капиталы в инфраструктурные проекты, что отвечает и российским интересам.

Очевидно, что одних китайских ресурсов явно недостаточно, чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы международного терроризма, особенно с учетом проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и потенциальные зоны прохождения Пути. Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов Пояса и Пути находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. Риски и вызовы китайская экспертиза оценивает вполне адекватно, но способы управления и их нейтрализации пока видятся в самом общем виде.

ШОСовское измерение 2017 года

Просматриваются формирующиеся региональные и глобальные факторы и тенденции на ШОСовском направлении, связанные со сферой безопасности Организации и новыми внутренними и внешними акцентами, связанными с ее расширением. Очевидно, что эти акценты должны быть точно расставлены руководством ШОС в интересах всех ее членов, без перекосов, на основе взаимного доверия и открытости.

Индия и Пакистан в ШОС. Возможно, что Исламабад будет пытаться осторожно использовать Организацию для интернационализации «кашмирской проблемы» и расширения числа участников дискуссии, против чего решительно выступит Индия, которая считает, что этот вопрос находится исключительно в сфере двусто-

ронных отношений. Говоря о формате и перспективах этого процесса, для ШОС целесообразно полностью уйти от данного дискурса и не поощрять вынесение чувствительных тем двусторонних отношений на обсуждение в многостороннем формате, сохраняя баланс интересов и коллективный подход.

Страны-участницы ШОС, в связи с расширением Организации, также должны избегать гипотетического усиления отдельных неформальных пар: Китай—Пакистан, Россия—Индия и других. Представляется, что подобная «диверсификация» / «поляризация» абсолютно не выгодна ни Организации в целом, ни отдельным государствам в частности. И новым (Индия, Пакистан), и «старым» постоянным членам необходимо отойти от традиционных политических ориентаций. Единственный выход — работа всех в ШОС на равных основаниях, без исторических пристрастий или антипатий, в рамках «Шанхайского духа» коллективизма и равноправия.

Индия и Китай. Хотя обе страны, кроме ШОС, являются участниками и таких форматов, как БРИКС и РИК, интеграция Индии в Организацию объективно может теоретически стать причиной некоторого скрытого соперничества в ШОС. Перспективы сохранения стабильности косвенно осложняет и фактор Пакистана. Оказываемая Пакистану военно-техническая помощь Китая вызывает, как известно, у Индии отрицательную реакцию, так же как и нерешенность пограничных вопросов между этими двумя государствами.

В этих условиях официально озвученные российские предложения о военных поставках равных по качественным характеристикам новых систем ПРО Индии и Китаю, несомненно, снижают степень взаимного недоверия в данной сфере. Одновременно, развитый и сбалансированный трехсторонний формат «Россия—Индия—Китай» (РИК) после вступления Индии в ШОС может более эффективно работать на дальнейшее выравнивание балансов в делах ШОС и дальнейшее сглаживание китайско-индийских «нестыковок», сохранение общих (коллективных) интересов в Организации. Фактически, после завершения юридического оформления Индии в качестве постоянного члена произойдет институционализация формата «Россия—Индия—Китай» в Организации. Позитивный опыт трехстороннего сотрудничества РИК, накопленный с момента образования данного диалога, может и должен быть успешно инкорпорирован в текущую повестку ШОС на 2017 и последующие годы*.

* После известного высказывания Е.М. Примакова о необходимости создания стратегической оси «Москва—Дели—Пекин», в 2001 г. Институт Дальнего Востока

Прием новых членов позволяет включить в фокус внимания ШОС не только традиционный регион Центральной Азии, но и Южную Азию. Подобное расширение рамок активности Организации, возможно, не всеми членами ШОС может приветствоваться. При этом особую актуальность приобретает соблюдение равноправных условий членства в Организации, которая превращается в гораздо более мощную силу в мировой политике, чем еще 3–4 года назад. Сохранение правила обязательного консенсуса в ШОС позволит малым странам чувствовать себя более уверенно в Организации.

Афганский фактор. После вывода американских войск из Афганистана и обострения ситуации в Сирии, в условиях расширения экспансии ИГИЛ и других экстремистских движений велика вероятность дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе в целом. Данная тенденция потенциально может отрицательно сказаться на реализации китайского проекта ЭПШП на отдельных его участках, включая и процесс сопряжения. Внешняя угроза экстремизма может дестабилизировать общее пространство ШОС, повлиять на внутреннюю обстановку в отдельных государствах Центральной Азии и сопредельных регионов – как входящих, так и не входящих в ШОС.

В условиях неопределенности афганского фактора и других террористических вызовов, видимо, назрела необходимость осторожной *военно-политической эволюции ШОС*. Усиление силового компонента Организации будет выгодно всем государствам-членам. Развитие сложившихся институтов (РАТС, военные учения «Мирная миссия», совещания министров обороны) и создание новых форматов (миротворческого контингента, комитета по военному сотрудничеству) дает возможность повысить потенциал сотрудничества в рамках Организации. При этом в условиях углубления кооперации ШОС и ОДКБ целесообразным представляется сохранение сложившейся двухуровневой структуры региональной безопасности. Данная модель должна строиться исключительно на оборонительной доктрине защиты и упреждения внешних угроз безопасности и территориальной целостности стран-членов ШОС.

РАН инициировал трехсторонний проект в формате «второй дорожки» МИД трех стран, проводя ежегодно (с 2001 по 2017 г.) форумы ведущих ученых в Москве, Дели и Пекине. Нарботанный экспертно-аналитический материал был использован в ходе проведения трехсторонних встреч министров иностранных дел, премьер-министров и глав государств России, Индии и Китая. На сегодняшний день у экспертов трех стран имеются разработки по всем чувствительным вопросам отношений в системе РИК, отвечающие интересам России, Индии и Китая.

Аспект безопасности в зоне ШОС и в Евразии в целом, по словам известного эксперта-синолога И.Е. Денисова, является самым непроработанным, причем именно с этой стороны и возможны наибольшие риски. Они связаны не только с неопределенностью вокруг будущего Афганистана, активностью в регионе экстремистских сил, наркотрафиком и трансграничной преступностью, но и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль ЭПШП, а также с политической нестабильностью в ряде этих стран.

Данный набор узких мест, похоже, многими не принимается во внимание, хотя одного взгляда на линии маршрута транспортных коридоров, пересекающих почти весь евразийский материк, включая Центральную Азию и Ближний Восток, достаточно, чтобы стало ясно, что авторы проекта должны были в первую очередь подумать о риск-менеджменте³.

Экстремистская организация «Исламское государство» (ИГИЛ), как отмечают многие китайские эксперты, стала главной террористической угрозой, организацией, противопоставившей себя традиционному миропорядку последних десятилетий. Наблюдается накал общей обстановки и учащение беспорядков на Ближнем Востоке, что стало благодатной почвой, благоприятным пространством для развития терроризма в общем и целом⁴.

Проблема ядерного нераспространения. Центральная Азия является свободной от ядерного оружия зоной. Возможно, что для ШОС станет сложнее поддерживать инициативы в области нераспространения, сторонниками которых выступают Россия и Китай. Индия и Пакистан, как известно, отказались в свое время от присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Однако присоединение Индии и Пакистана к ШОС можно считать очередным шагом к созданию новой системы коллективной безопасности в Азии. Основные азиатские игроки, которые де-факто обладают ядерным оружием, оказываются в составе одной организации, которая таким образом расширяет зону своей ответственности до южноазиатского региона и Среднего Востока. При этом Организация, которая неофициально ориентируется (де-факто) на формирование «неамериканского мира», должна учитывать, что вступление Индии будет означать, в том числе, возможность косвенного влияния США (через Индию) на те или иные действия ШОС. Однако в условиях возможного частичного восстановления в ближайшей перспективе российско-американских отношений данная тенденция (влияние США через Индию на ШОС), скорее всего, не выглядит критической.

Наоборот, обновленная повестка расширенной «ШОС – 2017» объективно несет элементы (возможности) кооперационного потенциала, работающего хотя бы на частичное возобновление отношений сотрудничества с Западом. Ресурсы и потенциал Организации, особенно в сферах региональной безопасности, транспортного, инвестиционного, энергетического сотрудничества, способны адекватно отвечать задачам восстановления конструктивного диалога с «американским миром».

Россию и Китай также беспокоят скрытые конфликты в отношениях ряда государств Центральной Азии, вопросы территориального размежевания Каспийского моря, распределение водных и гидроэнергетических ресурсов в регионе.

Судя по всему, для Центральной Азии подтверждается гипотеза проф. А.Д. Богатурова о том, что в современных условиях масштабные энергетические и транспортные проекты будут постоянно провоцировать международные конфликты, чью географическую конфигурацию сложно прогнозировать в отрыве от анализа политических рисков вдоль маршрутов пролегания транспортных коридоров и трубопроводов. Не исключено, что новые газо- и нефтепроводы в нынешнем веке дополнительно обострят и без того нестабильную ситуацию в регионе Центральной Азии и других зонах пролегания трубопроводов и новых транспортных маршрутов⁵.

Для ШОС сохраняют актуальность и «старые», традиционные вызовы и риски. Остаются на повестке дня следующие задачи:

1. Поиск эффективных механизмов многостороннего торгово-экономического, инвестиционного, транспортного сотрудничества, значительно отстающих в развитии от двусторонних форматов политического взаимодействия.
2. Усиление кооперации в сфере региональной безопасности в свете вывода войск западной коалиции из Афганистана, нарастания афганского вызова, угроз со стороны движения «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).
3. Создание Банка развития и резервного фонда, включая и альтернативные варианты интеграции банковского капитала КНР в Евразийский банк развития.

Реализация повестки Организации в 2017 г., скорее всего, будет происходить в условиях обострения противоречий современного мира. Для России ШОС приобретает особую значимость. Фактически речь идет об обновлении ее геополитики – формировании на основе инициатив расширенной Организации, а также развития проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

и сближения/сопряжения с китайским «Шелковым путем» (ЭПШМ) нового, более сбалансированного и безопасного мира «Большой Евразии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток». М., 2007. 448 с.

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года. Ст. 84. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248

³ *Денисов И.Е.* Пекин выйдет из тени по Шелковому пути. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

⁴ *Ли Вэй.* Международная борьба с терроризмом должна стать более действенной и эффективной // Жэньминь жибао онлайн. 11.01.2016.

⁵ *Богатуров А.Д.* Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Вып. 2 / под ред. А.В. Мальгина и М.М. Наринского. М., 2005. С. 12.

*А.Ф. Клименко
к.воен.н., проф.,
зам. руководителя Центра
изучения проблем СВА и ШОС ИДВ РАН,
проф. Академии военных наук*

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ДО 2025 ГОДА

Аннотация. В статье проводится анализ Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года в части мер, направленных на обеспечение безопасности и стабильности на пространстве этой организации. Вскрываются некоторые противоречия между содержанием этих мер и реально складывающейся ситуацией в сфере региональной безопасности. Аргументируется необходимость усиления дееспособности ШОС в решении данной сложной проблемы, и разрабатываются некоторые рекомендации по повышению возможностей ШОС в этом направлении.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, Шанхайская организация сотрудничества, исламский фундаментализм, оборона, безопасность.

Anatoly F. KLIMENKO

REGIONAL SECURITY AND SOME WAYS TO THE SOLUTION TO THE PROBLEM IN COURSE OF FULFILLMENT OF SCO DEVELOPMENT STRATEGY 2025

Abstract. The article analyzes the development of the Shanghai Cooperation Organization Strategy until 2025 in terms of measures aimed at ensuring security and stability in the space of this Organization. This material also analyzes some contradictions reveal between the content of these measures and the real situation in the sphere of regional security. The author of the article argues for the need to strengthen the capacity of the SCO in addressing this complex problem, and suggests some recommendations to improve the Organization capabilities in this sphere.

Key words. Central Asian region, Shanghai Cooperation Organization, Islamic fundamentalism, defense, security.

Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества о проблеме региональной безопасности

Как известно, Стратегия развития ШОС до 2025 года (далее — Стратегия) была принята по итогам саммита в Уфе в июле 2015 г. Документ определяет ориентиры и параметры дальнейшей эволюции этой Организации. Стратегия основывается на положениях Хартии ШОС и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. В ней прогнозируется развитие международной и региональной обстановки, оценивается деятельность самой ШОС, ее роль в регионе и мире, соотношение с другими субъектами международных отношений.

В Стратегии среди основных направлений совместной работы стран-участниц Организации отмечаются политическое и торгово-экономическое сотрудничество, а также культурно-гуманитарное взаимодействие. Важное значение придается международному сотрудничеству и информационному обеспечению деятельности ШОС. *Самое серьезное внимание Стратегия уделяет и сотрудничеству государств-участников в области безопасности.* Чем же это вызвано?

В документе отмечается, что «современный мир переживает этап глубинной трансформации»¹. На фоне усиливающегося стремления народов и стран к мирному сосуществованию, развитию, равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству в мире нарастают глобальные вызовы и угрозы, а также факторы неопределенности и непредсказуемости. Остаются неурегулированными и возникают новые региональные и локальные конфликты. Нарастает взаимное переплетение угроз безопасности, обостряется борьба в информационном пространстве, сохраняется почва для радикальных настроений, в том числе на основе межконфессиональных и внутрирелигиозных противоречий, что чревато возрастанием напряженности в международных отношениях.

Особо акцентируется внимание на том, что в этих условиях защита мира и всеобщее развитие являются важнейшими задачами, в решении которых приоритет отдается преимущественно политико-дипломатическим средствам. Поэтому Стратегией на передний план выдвигаются общие принципы построения в регионе комплексной, транспарентной архитектуры безопасности и устойчивого роста, основанной на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы ее применения, уваже-

ния территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В связи с этим «возрастает роль региональных объединений, одним из которых является ШОС»².

Из приведенного в документе анализа логично следует вывод о том, что ШОС вступает в ответственный период своего развития на непростом глобальном и региональном фоне и *должна в полной мере использовать конкурентные преимущества Организации и ее потенциал для противодействия возникающим вызовам и угрозам.*

Второй, не менее важный вывод говорит о том, что комплексный характер вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов к борьбе с ними. В связи с этим государства-участники, *подтверждая приверженность целям и задачам Хартии ШОС, одной из основных целей в сфере безопасности на предстоящий период считают укрепление ШОС как эффективной полноформатной региональной организации, обеспечение региональной безопасности, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств-участников,* а также упрочение институционального фундамента ШОС. *Для достижения этой цели государства-члены сконцентрируют усилия на совершенствовании ШОС как многопрофильной региональной организации.* Они будут и далее расширять сотрудничество в целях своевременного и адекватного реагирования на возникающие угрозы и вызовы безопасности в регионе.

Примечательно, что безопасность рассматривается в Стратегии развития ШОС в самом широком плане. Здесь перечислены и новые, нетрадиционные вызовы региональной стабильности, и традиционные военные угрозы. Приоритетными задачами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться:

- противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, которые заключают в себе *потенциал трансформации в военные угрозы,* а также незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, ядерных и радиоактивных материалов, других компонентов ОМУ;
- противодействие трансграничной организованной преступности;
- обеспечение международной информационной безопасности;
- укрепление безопасности границ;
- совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями, коррупцией.

В качестве предупредительных мер в Стратегии прописывается, что государства-члены будут на регулярной основе обмениваться

информацией по этим вопросам и проводить совместный анализ ситуации в регионе, а также осуществлять учебные и научно-практические мероприятия по линии компетентных ведомств на двусторонней и многосторонней основе.

Особое внимание будет уделяться совершенствованию механизма оперативного реагирования на вызовы, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе.

В рамках имеющихся нормативно-правовых документов на регулярной основе предусматривается:

- принимать целевые Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, содержащие комплекс мер по их предупреждению, выявлению и пресечению, а также взаимодействию в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской и экстремистской деятельностью;
- проведение совместных оперативно-разыскных мероприятий;
- взаимное предоставление технической и материальной помощи.

Должное внимание уделяется в Стратегии и взаимодействию с другими международными организациями и государствами. Страны-члены ШОС будут оказывать всестороннее содействие международному антитеррористическому сотрудничеству по линии ООН, в частности, в реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Важным ресурсом укрепления сотрудничества в сфере безопасности станет привлечение к совместной работе государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС, углубление контактов с заинтересованными странами и международными организациями.

В Стратегии развития ШОС с достаточной полнотой прописаны вызовы и угрозы безопасности странам-участницам этой Организации и комплекс мер по их нейтрализации. Но этот комплекс ограничивается в основном политико-дипломатическими, информационными и иными «мягко силовыми» мерами, не распространяясь на силовое, военное противодействие возможным угрозам.

Правда, в документе упоминается о «механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе». Но пока недостаточно ясно, что это за механизмы, каким образом и при каких условиях они будут задействованы. Стратегией не предусматривается и формирования на базе ШОС какого-либо военно-политического механизма или иного интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления.

Не секрет, что одной из злободневных проблем ШОС является отсутствие у нее вышеупомянутых четких механизмов реагирования на форс-мажорные обстоятельства, возникающие на пространстве организации. Подтверждением сказанному является отсутствие реакции со стороны стран-участниц ШОС на экстраординарные события, происходящие непосредственно на территории ее членов, или же их вовлеченность в другие конфликты. Здесь можно выделить некоторые события, на которые ШОС практически никак не отреагировала. В их числе конфликт в Южной Осетии в 2008 г., беспорядки в СУАР КНР в 2009 г., государственный переворот и межэтнические столкновения в Киргизии, на Украине и ряд других³.

Это можно объяснить тем, что в настоящее время у Организации не выработан политический инструментарий для адекватного реагирования на подобные вызовы. Основным юридическим документом в плане обеспечения безопасности является «Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Но это соглашение не может выступать полноценной правовой базой для координации действий государств-членов, а также оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации на пространстве ШОС.

В связи с этим возникает необходимость активизации в рамках ШОС консультативных и институциональных механизмов для содействия нейтрализации конфликтов на территории стран-участниц. На Екатеринбургском саммите государства-члены уже принимали подобный документ, однако он не был реализован. И даже принятое на Пекинском саммите в июне 2012 г. «Положение о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе» не подтолкнуло участников ШОС к реальным практическим действиям по повышению дееспособности ШОС в сфере обороны и безопасности.

Не случайно даже китайские эксперты, крайне осторожные в отношении вопроса о создании каких-либо альянсов, все чаще выступают с предложениями пересмотреть позицию КНР по присоединению к организациям с военно-политической направленностью. Так, в конце января 2012 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья сотрудника Центра стратегических исследований Китая Пекинского университета Дай Сюя «Китаю и России следует создать Евразийский альянс»⁴. В нем автор выражает озабоченность эскалацией напряженности на евразийском пространстве и призывает Россию создать альянс, чтобы вместе противостоять нарастающим угрозам.

С учетом всего перечисленного возникает ряд вопросов. Какими же реальными и потенциальными вызовами и угрозами обусловлено выдвигание в Стратегии развития ШОС до 2025 года названных выше целей и задач? И достаточными ли представляются обозначенные в Стратегии цели, задачи и «механизмы» по их реализации при всех возможных вариантах развития военно-политической обстановки на пространстве ШОС и в соседних с ним регионах? Попытаемся найти ответ на эти вопросы.

О проблеме безопасности на пространстве ШОС и в прилежащих регионах

Следует заметить, что по состоянию на начало 2017 г. состав ШОС существенно расширился. Ее участниками стали 16 стран, в том числе:

постоянные члены – Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, а фактически – и Индия с Пакистаном, окончательное решение по которым будет принято в текущем году;

наблюдатели – Иран, Монголия и Белоруссия;

партнеры по диалогу – Азербайджан, Армения, Турция, Шри-Ланка, Камбоджа и Непал. Большой интерес к сотрудничеству с Шанхайской организацией проявляют Сирия с Египтом и некоторые другие государства.

Таким образом, пространство ШОС теперь уже охватывает большую часть восточной Евразии. В этом пространстве находятся такие крупные державы, как Китай, Индия, Россия и Пакистан, в том числе два постоянных члена Совета Безопасности ООН и четыре ядерные державы.

Для всех без исключения стран-участниц ШОС и наблюдателей наибольшую опасность представляют сепаратисты и фундаменталисты движений «Талибан», «Аль-Каида», «Исламское движение Узбекистана», которые активизируются на территории Афганистана после ухода основных сил западной коалиции из этой страны. Уже данный факт говорит о том, что *существует объективная потребность для кооперации действий наших стран* в сфере противодействия этой опасности, особенно с учетом нестабильного Афганистана, бессилия остающейся части контингента западной военной коалиции в этой стране и сращивания афганского «Талибана» с национально-террористическими группами в северном Пакистане и Кашмире. Интеграция талибских частей Афганистана и отдельных регионов Пакистана в единую зону «Афпак» сделала эту зону источником для подпитки широ-

кого спектра террористических организаций, действующих на центральноазиатском, индийском, китайском, российском и других направлениях.

Проблема осложняется тем, что для всех государств-участников ШОС серьезную опасность представляют и действующие на Ближнем Востоке другие экстремистские организации, в частности, «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), поскольку территория, на которой они действуют, непосредственно примыкает к пространству ШОС.

Несмотря на понесенные в последнее время потери, ИГИЛ, «Джабхат-ан-Нусра» и поддерживающая их сирийская оппозиция продолжают контролировать значительные территории Ирака и Сирии, угрожая распространением террористической активности на Россию, Центральную и Юго-Восточную Азию. В рядах военных формирований исламистов проходят идеологическую обработку и подготовку боевики из многих стран мира, включая европейские государства, Россию и другие страны, являющиеся в том или ином статусе участниками ШОС.

По нашему мнению, опасность для ШОС, исходящая от экстремистов «Исламского государства», может реализоваться в двух наиболее вероятных вариантах.

Первый из них связан с неизбежностью поражения основных сил военных формирований экстремистов ИГИЛ в Сирии и Ираке и утрате ими контроля захваченных территорий в результате успешных действий сирийской армии при активной поддержке Воздушно-космических сил (ВКС) России и начавшихся переговоров между оппозицией и правительственными силами Сирии. Однако это не будет означать, что их движение исчезнет окончательно, а ситуация на Ближнем Востоке стабилизируется. Сохранившиеся благодаря устойчивой сетевой структуре части ИГИЛ могут перейти к партизанским действиям, организуя массовые террористические атаки, причем не только в Ираке и Сирии.

Вероятность осуществления этого варианта во многом обусловлена желанием (или нежеланием) США и возглавляемой ими части антиигиловской коалиции покончить с ИГИЛ. Не секрет, что к его созданию в свое время приложили руку и Соединенные Штаты в лице своих спецслужб. Выгодна ли им стабилизация обстановки на Ближнем Востоке и, в первую очередь, в Сирии? Однозначного ответа здесь нет, учитывая сохраняющуюся неопределенность в развитии российско-американского взаимодействия после избрания президентом США Д. Трампа. Происходящие террористические акты на территории некоторых стран Западной Европы (Франции,

Бельгии, ФРГ, Великобритании, Швеции и др.) подтверждают справедливость данного предположения.

Наши сомнения подтверждает и развернутая на Западе антироссийская информационная кампания после успешных действий против исламистов в Сирии российских Воздушно-космических сил. Действуя по заранее согласованным с сирийцами целям, российские ВКС добились серьезных результатов. Как сообщают средства массовой информации, ссылаясь на данные Минобороны России⁵, по состоянию на начало января 2017 г. сирийской армией при поддержке ВКС РФ за время проведения операции уничтожено 35 тыс. боевиков, ликвидировано 725 тренировочных лагерей, 405 заводов и мастерских по производству боеприпасов, 1,5 тыс. единиц военной техники террористов.

От боевиков освобождено 12 тыс. 360 кв. км территории Сирии и 499 населенных пунктов. У бандформирований изъято 448 танков и других боевых бронированных машин, 57 реактивных систем залпового огня и 418 самодельных реактивных систем залпового огня, 410 минометов и более 28 тыс. единиц стрелкового оружия. Очищено и обезврежено 26 853 взрывоопасных предмета на 1420 гектарах. В Сирию доставлены и переданы местному населению десятки тысяч тонн гуманитарной помощи, медикаментов и предметов первой необходимости.

Все это позволило сирийской армии перейти в контрнаступление. Более того, многие антиправительственные формирования согласились на предложенное им перемирие и сложили оружие⁶. Самый главный результат – России без США удалось совместно с Ираном и Турцией (странами-наблюдателями при ШОС) заключить соглашение с некоторыми формированиями сирийской оппозиции о прекращении боевых действий и переговорах по урегулированию сирийского конфликта.

Однако не исключено, что попытки примирения конфликтующих сторон могут провалиться, а военные действия в Сирии возобновятся с новой силой. И даже при успешном окончании мирных переговоров с боевиками в этой стране, граничащая с хаосом нестабильность в странах Ближнего Востока будет сохраняться еще длительное время. Вероятность реализации приведенного варианта развития обстановки в этом регионе довольно-таки высока.

Второй вариант связан с ситуацией в Афганистане. Из различных источников известно, что на Ближнем Востоке на стороне ИГИЛ воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ. Терпя поражение, они просачиваются в нестабильный Афганистан, а также на территории центральноазиатских республик и других участников ШОС, применяя там полученные в Сирии и Ираке

навыки террора, минно-взрывной войны и ведения боевых действий в условиях города. Справится ли Афганистан с ИГИЛ и другими террористическими организациями самостоятельно? Ответ неоднозначный.

В настоящее время в Афганистане сформирована двухполюсная политическая система, которая вначале казалась стабильной, но сегодня таковой уже не является. Происходит серьезная девальвация этой модели, существенно снизились рейтинги президента Ашрафа Гани и премьер-министра доктора Абдуллы. Отсутствие эффективной модели управления, в том числе и силовыми структурами, приводит к тому, что многие боевые операции, которые проводят афганские силы безопасности, приводят к ненужным потерям.

Кстати, сегодня афганская армия находится во всех без исключения провинциях Афганистана. Но и талибы присутствуют на 45–50% территории страны. По оценке Генштаба ВС России, в Афганистане действуют от 30 до 50 тыс. боевиков, объединенных в более чем 4 тыс. отрядов и групп различной направленности: «Талибан», «Аль-Каида», «Исламская партия Афганистана», «Исламское движение Узбекистана», движение «Сираджуддина Хаккани», движение талибов Пакистана и «Кветта Шура». Кроме того, в Афганистане находится от 2 до 3 тыс. боевиков «Исламского государства», и их численность постоянно растет.

Таким образом, исламисты контролируют значительную территорию Афганистана, сосредоточиваясь на восточном и северном направлениях, в сторону таджикской границы. Данный факт имеет не только символическое значение. В политическом плане «Талибан» проявил себя окрепшей военной силой, претендующей на долю власти над территорией Афганистана. Геостратегическое же значение события состоит в том, что боевикам открывается дорога на Кабул и далее на север страны, к границам Таджикистана, чем обеспечивается выход экстремистов в Центральную Азию. Одновременно талибы нацелены на установление контроля над стратегической дорогой, ведущей через тоннель под перевалом Саланг на север Афганистана. А контроль с их стороны ряда провинций Бадахшана, что подтверждают официальные власти в Кабуле, превратили этот район в выгодный плацдарм для переправы исламистов через р. Пяндж в Таджикистан и объединения их с местными радикалами.

Ситуацию в Афганистане усугубляет недостаточная подготовка и оснащенность афганских силовых структур, что не дает им возможности эффективно проводить операции против незаконных

вооруженных формирований. Все это не позволяет официальному Кабулу решить задачи по стабилизации политической и социально-экономической обстановки в стране, что усиливает недоверие местного населения к центральной власти.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что проблему нестабильности в Афганистане в обозримый период времени решить не удастся. Это будет способствовать дальнейшему обострению ситуации в государстве, установлению контроля экстремистов над целыми провинциями, сращиванию террористических формирований с организованной преступностью. Как следствие, это приведет к увеличению производства опиатов и объемов наркотрафика, ухудшению социально-экономического положения афганцев, росту числа безработных, оттоку граждан из страны и усилению политических позиций экстремистских организаций.

Не способствует становлению региональной стабильности и ситуация с внутривнутриполитическим противостоянием в Пакистане между правительством Н. Шарифа и пакистанскими военными, а также конфликты на пакистано-афганской и пакистано-индийской границах. Отсюда следует вывод о том, что Пакистан еще долгое время будет очагом нестабильности – как минимум, регионального масштаба, несмотря на приобретенный статус постоянного члена ШОС. Не исключено, что в этой ядерной стране возникнут враждующие между собой анклавные, ибо сепаратизм населения и местных элит был характерен для всей ее истории и никуда не делся сейчас.

Индия, которая сталкивается с различными проявлениями терроризма, готова оказать Пакистану помощь в борьбе с этим «злом» на его территории, если у соседнего государства не хватает собственных возможностей для этого. Об этом заявил министр внутренних дел Индии Раджнатх Сингх в эфире телеканала India TV.

Наличие общих интересов центральноазиатских участников ШОС, а также Индии, России и Китая в стабилизации ситуации в таком обширном регионе, который включает в себя Афганистан, Пакистан и Центральную Азию, потребует самой тесной координации действий этих стран. Это становится задачей не только национальной безопасности. Ее успешное решение позволит говорить о стабильности не только в Центрально-Азиатском регионе, но и во всей Восточной Евразии в целом. Однако это чрезвычайно сложная задача, и для ее решения потребуется не один год. И здесь нам нужно развивать различные форматы диалога, в том числе со странами Запада. Приход к власти в США администрации Трампа вселяет определенную надежду на это. Но особенность ближневосточного хаоса состоит в том, что создать его может одна страна, а вот

остановить — одного желания Трампа тут недостаточно. Ближний Восток превратился в гигантского «поставщика» нестабильности в близлежащие регионы, где расположены участники ШОС.

И вполне логично, что ключевым звеном для координации действий всех стран региона может и должна служить Шанхайская организация сотрудничества. Для ШОС в ближайшие годы *обеспечение стабильности в регионе станет одной из приоритетных задач*, причем афгано-пакистанский и ближневосточный факторы в ней сохраняют ключевое значение. В связи с этим на повестку дня выходит необходимость уточнения статуса ШОС и повышения ее дееспособности в деле обеспечения региональной безопасности.

Некоторые меры по усилению дееспособности ШОС в целях обеспечения региональной безопасности

В принципе проблема повышения возможностей ШОС в плане обеспечения безопасности своих участников от различного рода военных угроз уже давно обсуждалась в России. В частности, в ИДВ РАН рассматривались и предлагались на различных форумах некоторые варианты решения этой проблемы⁷. Но всякий раз эти предложения не находили понимания у большинства как российских, так и китайских коллег, а главное — в министерствах иностранных дел обоих государств и в аппарате самой Шанхайской организации.

Как положительный факт и частичное решение проблемы обеспечения коллективной безопасности участников ШОС можно рассматривать созданный при этой Организации институт анти-террористических учений «Мирная миссия». Благодаря регулярным маневрам решены многие правовые вопросы пребывания войск и военной техники на территории других стран. Командиры, штабы и войска получили опыт совместных действий при решении различных боевых задач и осуществлении всех видов обеспечения боевых действий, ведущихся коалиционными группировками войск и сил. С принятием в состав ШОС новых государств количество участников этих маневров, очевидно, расширится.

Однако мы наблюдаем в регионе и вокруг него осложнение военно-политической обстановки. Причем дальнейшая эскалация этой обстановки может происходить лавинообразно. Это требует постоянного мониторинга складывающейся ситуации и быстрого реагирования в масштабе времени, близком к реальному, на ее изменения. Отсюда меняется и отношение к способности (или неспособности) ШОС давать адекватный ответ на вызовы ее безопасности. Поэтому возникает вопрос, *как же можно представить в связи*

с этим задачи ШОС в сфере безопасности в дополнение к изложенным в Стратегии развития ШОС до 2025 года? По нашему мнению, учитывая актуальные вызовы и угрозы участникам ШОС, в обобщенном виде эти задачи можно сформулировать следующим образом:

- обеспечение безопасности и стабильности на всем пространстве ШОС, а по сути – во всей Центральной Евразии;
- способствование трансформации Афганистана, нынешнего «экспортера» нестабильности, наркотиков и терроризма, в качественно иное – единое, стабильное и самодостаточное государство;
- воспрепятствование созданию в Центральной Азии внерегиональными акторами, будь то какие-либо государства или негосударственные структуры, плацдарма для дестабилизации обстановки в странах региона, а также контроля ими территории Китая, Ирана, Индии и России из уязвимых для них тыловых районов;
- недопущение провоцирования со стороны США «цветных революций» в государствах – участниках ШОС, если такая политика со стороны американских спецслужб продолжится;
- организация системы безопасности единого экономического, транспортно-логистического пространства и создание других объектов инфраструктуры согласно программам ЕАЭС и ЭПШП в этом регионе;

Анализ содержания этих задач дает основание сделать вывод о необходимости расширения возможностей ШОС в части решения проблем региональной безопасности и стабильности.

Свое видение такого усиления ШОС изложил министр иностранных дел РФ С. Лавров на заседании совета министров иностранных дел Шанхайской организации в Душанбе в сентябре 2014 г. Для укрепления безопасности стран ШОС он предложил преобразовать Региональную антитеррористическую структуру в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив его деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом. В целях противодействия распространению экстремизма в странах Центральной Азии российский министр предложил странам ШОС подписать рамочное соглашение о взаимодействии по пограничным вопросам.

Здесь следует заметить, что еще раньше, во время проведения Пекинского саммита ШОС в июле 2012 г. Президент России В.В. Путин предложил создать в Организации универсальный центр по противодействию терроризму, наркотрафику и оргпреступности.

«Добиться успехов в этом направлении можно, – подчеркнул российский лидер, – создав в ШОС универсальный центр по противодействию терроризму, наркотрафику и организованной преступности». Он напомнил, что в ШОС уже есть организация по борьбе с терроризмом (РАТС). «Можно было бы сделать эту организацию универсальной и наделить ее функциями координации работы по борьбе с наркотиками», – сказал В.В. Путин. По его мнению, к профилактике терроризма и экстремизма «должны быть подключены общественные институты, СМИ, религиозные объединения, неправительственные организации, система образования, наука и бизнес»⁸.

В свою очередь, с инициативой создать при ШОС новый орган – аппарат национальных военных советников выступил министр обороны России С. Шойгу на совещании глав оборонных ведомств стран – участниц ШОС, которое прошло в июне 2015 г. в Санкт-Петербурге. По его словам, такой орган мог бы выступить генератором идей для руководства Организации в плане подготовки рекомендаций по более активному использованию военных возможностей стран – участниц ШОС в интересах безопасности.

Спустя месяц заместитель министра обороны А. Антонов на VI Сяншаньском форуме по безопасности в Пекине, отвечая на вопросы журналистов, подтвердил, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) настроена на тесную координацию и конструктивное взаимодействие с партнерами. По его словам, на упомянутом выше совещании министров обороны государств-членов ШОС «принято решение о проработке российской инициативы о создании института национальных военных советников при ШОС... Ее реализация позволит повысить эффективность совместных действий, а также более активно использовать возможности оборонных ведомств для поддержания безопасности и стабильности в зоне ответственности Организации». Там же приняты решения о дальнейшем расширении Организации, которые призваны вывести ШОС «на более эффективный уровень партнерства во всех сферах, включая военную». При этом он особо подчеркнул, что у участников ШОС нет намерений «превращать эту Организацию в военно-политический союз»⁹.

Нельзя не заметить, что идеи, выдвинутые должностными лицами Минобороны России, во многом перекликаются с высказанными ранее предложениями Института Дальнего Востока РАН¹⁰.

Практические предложения по повышению дееспособности ШОС в решении проблемы безопасности выдвигает и китайская сторона.

Во время визита в Казахстан в 2014 г. премьер-министр Китая Ли Кэцян заявил, что Шанхайская организация сотрудничества должна стать защитником Евразии. В ходе своего обращения на XIII саммите ШОС на уровне премьер-министров он призвал к созданию нового центра, который займется работой над прогнозированием проблем безопасности для Евразии. Он также призвал своих партнеров отработать механизмы, которые будут способствовать борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, наряду с киберпреступлениями. В Астане премьер-министр КНР также выделил Афганистан в качестве государства, которое нуждается в поддержке для сохранения «внутренней стабильности», достижения примирения и восстановления экономики.

И наконец, Председатель КНР Си Цзиньпин на последнем саммите в Уфе на заседании Совета глав государств ШОС в расширенном составе сказал: «Нужно укрепить дееспособность и создать крепкую защитную стену безопасности в регионе. Следует активизировать политические контакты и координацию. *Разработать меры реагирования и совместно защищать безопасность власти, политического строя, общественную стабильность во всех государствах-членах организации* (курсив наш. — Авт.)»¹¹.

Заслуживают внимания и практические шаги наших китайских партнеров в сфере правового обеспечения прозвучавших выше предложений. По сообщению Агентства «Синьхуа» от 28.12.2015, на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва был принят Закон КНР о борьбе с терроризмом.

Официальный Пекин, комментируя применение нового закона, делает акцент не на возможности операций за рубежом, а на внутренних угрозах. В то же время этот Закон позволяет китайской армии вести антитеррористические операции за рубежом¹². Принятый закон устанавливает, что борьба с терроризмом внесена государством в стратегию национальной безопасности. Предусмотрено наращивание возможностей по борьбе с терроризмом за счет комплексного применения политических, экономических, юридических, культурных, образовательных, внешнеполитических и военных методов для контртеррористической работы. Согласно закону в стране будет создан руководящий орган по антитеррористической деятельности, который будет одновременно руководить и управлять контртеррористической работой в общенациональном масштабе. Таким образом, Народно-освободительная армия Китая теоретически получит право действовать так же, как российские ВКС в Сирии.

В целом, при всех проблемах между имеющими отношение к ШОС государствами на передний план выходит их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает и понимание того, что приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие взаимодействия в сфере безопасности.

Развивая изложенные выше предложения российских и китайских должностных лиц, можно предложить некоторые варианты их практической реализации. Один из таких вариантов — создание координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС), или, в более широком плане, координационного комитета сотрудничества по безопасности (ККСБ). Такой орган (далее Комитет), наряду с координацией антитеррористической и антинаркотической деятельности государств-участников ШОС, способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил членов этой Организации, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС.

В сфере военного сотрудничества в задачи Комитета могут входить:

- функции по организации совместных мероприятий оперативной подготовки (командно-штабных тренировок и учений);
- мониторинг и определение конкретных источников военных угроз;
- выработка политических, информационных, гуманитарных, экономических, финансовых, военных и иных мер по их предупреждению и нейтрализации;
- разработка соответствующих планов и программ;
- руководство антитеррористическими, миротворческими и иными операциями по нейтрализации угроз.

Комитет может быть ограниченным по количеству военных специалистов, со сменой руководства и оперативного состава по принципу ротации через определенный промежуток времени. При необходимости, в зависимости от масштабов возникших угроз, на основе ККСБ при соответствующем усилении специалистами может быть развернут штабной комитет.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению безопасности ее учредителей, прежде всего методом сдерживания и предотвращения развития ситуации в регионе по опасным для участников ШОС сценариям, способствовало бы создание в рамках Организации миротворческого контингента. На первом этапе можно было

бы проработать вопрос о возможной штатной структуре и системе управления такого контингента сил, их апробацию в ходе совместных учений, в том числе с ОДКБ, для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности и сформулированном в Стратегии развития ШОС положении о неприемлемости придания ШОС функций военно-политического союза, не обязательно содержать в ШОС миротворческий контингент сил на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации и прошедшие подготовку в ходе совместных учений, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и решения конкретных задач.

Следует заметить, что создание оперативной основы для решения обозначенной выше задачи, во многом благодаря инициативе и сотрудничеству России и Китая, уже обеспечивается проведением военных маневров «Мирная миссия». Аналогичные, но двусторонние маневры под названием «Индра» проводятся Россией и Индией. Эти маневры позволили участвующим в них войскам и штабам отработать необходимую для совместных действий оперативную совместимость. С обретением Индией и Пакистаном статуса постоянного члена ШОС и при их желании, военные контингенты от этих стран могут подключиться к «Мирной миссии».

В заключение хотелось бы отметить, что можно изобретать и предлагать множество различных вариантов повышения дееспособности ШОС в деле обеспечения безопасности участников Организации. Но уже пора делать первые шаги в этом направлении — создать в составе РАТС или в структуре секретариата ШОС небольшую группу профессионалов (возможно, это будет предлагаемый министром обороны России С. Шойгу аппарат национальных военных советников), которые непосредственно занялись бы разработкой и реализацией выдвигаемых Россией и Китаем предложений. То есть подготовить Концепцию региональной безопасности ШОС, вариант которой представлен ниже.

Примерное содержание Концепции региональной безопасности ШОС

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;

- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;
- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных непосредственно за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов, сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;
- порядок взаимодействия с другими организациями по безопасности и некоторые другие вопросы.

Целесообразно также определить порядок мониторинга источников угроз, обмена соответствующей информацией, установить процедуру принятия решений и порядок их исполнения соответствующими структурами ШОС.

Впоследствии созданная группа могла бы составить основу некой структуры по координации военного сотрудничества, или иного органа, обеспечивающего руководство выделяемыми в его распоряжение силами и средствами. Суть не в названии, а в способности решать поставленные перед этим органом управления задачи.

Вместе с тем, чтобы региональные механизмы безопасности ШОС начали работать на практике, необходимо, на наш взгляд, обозначить четкие временные рамки реализации озвученных предложений по повышению дееспособности ШОС в сфере обеспечения региональной стабильности и выделить ресурсы для их осуществления. В этом случае ШОС имеет шанс стать влиятельным субъектом и одной из основ архитектуры региональной безопасности, способной обеспечить во взаимодействии с ОДКБ стабильность на пространстве ШОС. В противном случае, ожидания от ШОС активности в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности — напрасны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru>

² Там же.

³ *Изимов Р.Ю.* Актуальные вопросы взаимодействия в рамках ШОС. URL: <http://cc-sauran/kz/gubriki/safeti> (дата обращения: 10.07.2013).

⁴ Жэньминь жибао. 30.01.2012.

⁵ Интерфакс. 04.01.2017.

⁶ *Гаврилов Ю.* Боевики бегут с позиций // Российская газета. 20.10.2015.

⁷ *Клименко А.Ф.* О налаживании взаимодействия ОДКБ и ШОС // Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М., 2015. С. 129–140.

⁸ *В.В. Путин.* Выступление на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://kremlin.ru>. 07.06.2012.

⁹ ИТАР-ТАСС. 17.10.2015.

¹⁰ Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 30.

¹¹ URL: <http://russian.china.org.cn> (дата обращения: 11.07.2015).

¹² Взгляд. 28.12.2015. Материал из 1-й страницы.

Л.Е. Васильев
старший научный сотрудник
Центра изучения проблем
СВА и ШОС ИДВ РАН

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Аннотация. Статья посвящена анализу основных угроз и вызовов безопасности государств Шанхайской организации сотрудничества со стороны международных террористических организаций. В ней рассмотрены основные причины возникновения террористических организаций, а также особенности их деятельности на пространстве ШОС. Дана оценка основных террористических организаций региона, а также исследованы основные тенденции террористической деятельности на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), международный терроризм, сепаратизм, экстремизм, региональная безопасность, угрозы и вызовы безопасности, Центральная и Южная Азия.

Leonid E. VASILIEV

COUNTER-TERRORISM IN THE SCO REGION

Abstract. The article contains the analysis of main security threats and challenges for the states of the Shanghai Cooperation Organization from international terrorist organizations. It examines the primary causes of the emergence of terrorist organizations and analyzes the features of their activities in the SCO region. It assesses the main terrorist organizations in the region and studies the major trends in terrorist activities in the near term.

Keywords: the Shanghai Cooperation Organization (SCO), international terrorism, separatism, extremism, regional security, security threats and challenges, cooperation in the field of security, geopolitics, Central and South Asia.

Основные причины возникновения терроризма на пространстве ШОС

К основным причинам возникновения и распространения терроризма на пространстве ШОС можно отнести социальные проблемы, а также наличие у значительных групп населения сепаратистских и экстремистских настроений. Известно, что Центральная Азия, которая представляет собой основное географическое образование на пространстве ШОС, с точки зрения безопасности — не самый благополучный регион. Гражданская война в Таджикистане (1990-е гг.), «цветные» революции (2005, 2010) в Кыргызстане, борьба с боевиками Исламского движения Узбекистана в Кыргызстане и Узбекистане в 1999–2000 гг., а также андижанские события (2005) в Узбекистане — все это свидетельствует, что существуют серьезные вызовы региональной безопасности в лице исламских экстремистов и этнонациональных сепаратистов, которые активно используют терроризм для достижения своих целей.

Если говорить о наиболее общих причинах разрастания терроризма в современных условиях, то в Центральной Азии их порождает ряд факторов социального характера, к которым, прежде всего, следует отнести:

Социально-экономические факторы:

- экономический и социальный кризис, безработица и обнищание значительной части населения в отдельных регионах;
- обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у значительной части населения, особенно у молодежи;
- падение авторитета власти вследствие неэффективности проводимых экономических реформ, коррупции и клановости;
- существенный рост социального расслоения общества;
- деиндустриализация экономики и связанная с ней маргинализация значительной части населения, которая в условиях высокой рождаемости в исламских регионах ударила прежде всего по молодежи.

Социально-политические факторы:

- отчуждение людей от государства и общества;
- утрата широкими слоями населения идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей, искажение положений традиционного ислама и, как следствие, рост значимости его радикальных ветвей;

- рост национального самосознания, осознание своей исторической значимости этносами;
- этнические и религиозные конфликты, резкое изменение мировоззрения, вызванные социальными потрясениями;
- противоречия между секуляризмом светских режимов центральноазиатских государств и политическим исламом;
- связь местных террористических организаций с крупными международными организациями, такими как «Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хамас», которые осуществляют финансовую подпитку и подготовку кадров для террористических организаций в Центральной Азии;
- нестабильность в Афганистане и Пакистане, где продолжают существовать основные опорные базы и лагеря подготовки международных террористов;
- широкое распространение наркобизнеса и других видов трансграничной преступности, которые становятся основным источником финансирования террористов.

Помимо социальных факторов, к основным причинам возникновения терроризма в регионе относится наличие у значительных слоев населения сепаратистских настроений. Современный сепаратизм, как политическое течение, основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. Его основа – компактное проживание определенной этнической группы на территории другой национальности. При этом игнорируется тот факт, что мировое сообщество в принятых после Второй мировой войны международно-правовых документах признало незыблемой существующую систему государств и определило права территориальных сообществ, а не этнических групп. Принцип самоопределения некоренных народов чаще всего трактуется международным правом как обеспечение права их активного участия в общественно-политических процессах в рамках устоявшихся территориальных сообществ.

Несомненно, что **принцип нерушимости существующих границ стал важнейшим инструментом нормализации межгосударственных отношений в послевоенном мире.** Но в то же время его абсолютизация, отказ меньшинствам в праве на самоопределение вели к тому, что внутри существующих границ государств накапливались и нарастали межэтнические противоречия, все больше обострялись отношения между меньшинствами и центральными властями. События, произошедшие в конце XX – начале XXI в. (объедине-

ние Германии, распад Советского Союза и Югославии, получение независимости Косово и Восточным Тимором, события в Грузии, Молдавии, Украине и т.п.) поставили под сомнение нерушимость послевоенных постулатов и договоренностей.

При этом необходимо различать: стремление этноса или нации к обретению самостоятельной государственности легитимным, конституционным путем (через плебисцит, принятие решений парламентом государства и т.п., как, например, это проводилось в Испании, Шотландии, Восточном Тиморе, Крыму) и достижение этих же целей через вооруженное противостояние с властями и террористическую деятельность сепаратистских организаций.

Нужно также учитывать, что территориальные конфликты, и, в частности, конфликты, связанные с сепаратистскими движениями, во многом определяют современный общепланетарный политический климат. Сегодня мы имеем все основания включить сепаратизм в число глобальных проблем человечества. Так, 53 основных очага сепаратизма в мире суммарно занимают территорию 12,7 млн км² (8,5% площади суши) и концентрируют около 4% населения планеты (приблизительно 220 млн человек)¹. В эти конфликты зачастую вовлечены не только различные общественно-политические силы внутри самого государства, стоящего перед непосредственной угрозой потери своей территориальной целостности, но и его соседи, а нередко и отдаленные центры силы, претендующие на роль региональных и мировых лидеров. В результате эскалации подобных конфликтов создается угроза для безопасности всего мира.

К условиям, которые могут способствовать возникновению сепаратистских настроений, можно отнести:

- этнорелигиозное многообразие государства;
- неравномерное экономическое развитие отдельных регионов государства;
- желание и возможность исправить «старые» несправедливости;
- облегчение последующего объединения с другим государством или вхождения в международные организации;
- сохранение культурной и национальной самобытности.

К основным факторам возникновения и развития сепаратизма следует отнести:

- наличие в многонациональном государстве этнических анклавов компактного проживания конкретных этносов или конфессий;
- существование экономических и социальных диспропорций между этносами на территории единого государства.

- географическая оторванность некоторых территорий государства от метрополии (горные хребты, морские пространства, крупные реки, труднопроходимые местности и др.), которые существенно затрудняют их связи с ядром страны;
- заинтересованность внешних сил во вмешательстве в сепаратистский конфликт;
- общественно-политическая активность населения, проявляющаяся в разнообразных аспектах политической деятельности — различных политических акциях, демонстрациях, пикетах, забастовках, террористических актах и др.;
- присутствие у правящей элиты этноса сепаратистских настроений;
- наличие политической организации и популярного лидера движения сепаратистов;
- идеологическое обоснование легитимности притязаний сепаратистов фактами существования прежних государственных или самоуправляющихся образований.

К проблемным районам Центральной Азии, где наиболее активно действуют сепаратисты, относится и **Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая**. Конфликт здесь носит не только этнический, но религиозный характер, так как уйгуры являются тюркоязычными мусульманами. В их среде возникла и существует идея о создании независимого государства Уйгурстан, или Восточный Туркестан.

В настоящее время, по официальной статистике КНР, численность населения СУАР превышает 21,8 млн человек, из них только 40,48% составляют ханьцы, а остальные жители района, в основном, представители тюркоязычных народов мусульманского вероисповедания — уйгуры (45,84%), казахи (6,50%) и др.² Активизацию сепаратистских настроений в СУАР вызвал распад СССР и пример обретения независимости и реальной собственной государственности целым рядом народов Центральной Азии. На этой волне лидеры движения заявили о намерении продолжать борьбу за отделение от Китая «в любом случае, и не считаясь с жертвами». Вооруженный путь борьбы за свою независимость был избран Всемирным уйгурским курултаем, который проходил в Стамбуле в конце 1996 г. На нем большинство участников высказалось за «чеченский вариант» развития событий, как наиболее действенный в решении уйгурской проблемы. Конечной целью такого варианта является создание государства Восточный Туркестан, которое предусматривает включение в состав этого государственного образования областей других

государств региона, прежде всего тех, в которых есть значительная уйгурская диаспора (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан).

Уйгурский сепаратизм – мина замедленного действия в среднеазиатском регионе, угрожающая не только Китаю, но и всему региону. Сепаратистское движение в Восточном Туркестане состоит из ряда мелких, маргинальных исламистских группировок, морально поддерживаемых Турцией. Военная поддержка сепаратистам также оказывается исламистами с территории индийского Кашмира, занятой Пакистаном.

Сепаратистские настроения в СУАР – это проблема не одного лишь Китая. Перед властями независимых государств ЦАР весьма остро стоит проблема собственного исламизма и сепаратизма. Как уже было сказано выше, с ними вынуждены вести борьбу и в Таджикистане, и в Кыргызстане, и в Узбекистане. Беспокойство из-за соседства с нестабильным районом Китая испытывает и Казахстан. Проживающие в Синьцзяне носители радикальной исламской идеологии вполне могут перенести ее и на центральноазиатскую почву, влившись в ряды вооруженной оппозиции, и тем активизировать ее деятельность. Многочисленная уйгурская диаспора проживает в граничащих с Синьцзяном Казахстане и Кыргызстане. По оценкам экспертов, численность уйгуров в этих государствах также быстро увеличивается.

Помимо этнических и религиозных причин сепаратистских настроений в СУАР, другие причины сепаратизма в этом районе кроются в геостратегическом и геоэкономическом значении СУАР. Дело в том, что это большой торгово-коммуникационный узел, ключ к сухопутной части проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Через него проходит единая телекоммуникационная магистраль Шанхай–Франкфурт-на-Майне. На этой территории может быть замкнута сеть транспортировки газа и нефти из Каспия в Азиатско-Тихоокеанский регион. Через Синьцзян в Европу по построенной в 2012 г. железной дороге, объединяющей Казахстан, Россию, Белоруссию, Польшу и германский Дуйсбург, экспортируется продукция китайских предприятий. И наконец, СУАР – это ворота в Пакистан, путь к Индийскому океану. Кроме того, в его недрах – 21 млрд тонн нефти, 10 трлн кубометров природного газа (четверть общекайтайских запасов), 40% всего угля страны и залежи редкоземельных металлов³.

Пекин в интересах развития этого района и поддержания в нем стабильной обстановки вкладывает большие средства. Так, только с 2010 по 2015 г. туда было вложено около 2 трлн юаней, здесь строятся шесть аэропортов, 8,4 тыс. километров железных дорог и более 7 тыс. километров автомагистралей. Однако принимаемые

руководством страны меры дают недостаточный эффект. Главная причина заключается в том, что за последние пять лет под влиянием «внешних игроков» уйгурский сепаратизм стремительно мутировал. Его идеи тесно сплелись с радикальным исламом, а активная информационная кампания извне обеспечивает постоянный приток в террористическое подполье уйгурской молодежи.

Следует также отметить следующее: в последнее время власти КНР фиксируют увеличение зарубежного финансирования проживающих в СУАР исламистов. Кроме того, в июле 2015 г. группировка ИГИЛ опубликовала видеоролик, обращенный к уйгурам. Террористы призвали «братьев» отправиться на «священную войну» в Сирию и Ирак. Участие сепаратистов в войне в Сирии и Ираке — способ получить боевой опыт, который пригодится для организации диверсий против граждан и силовиков КНР.

Крупнейшая правительственная газета Китая «Жэньминь жибао», ссылаясь на «источники в органах безопасности Сирии», в 2015 г. оценивала число уехавших на Ближний Восток уйгурских джихадистов в 300 человек. Некоторые представители руководства Компартии Китая считают, что уйгурское сообщество встало на путь радикализации исповедуемого им ислама. Виной тому являются радикальные идеи, проникающие в СУАР из Афганистана или Саудовской Аравии. По существующим оценкам, уйгурские боевики попадают на Ближний Восток через Афганистан и Пакистан, с которыми как раз граничит мятежный район⁴.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что сепаратизм является следствием чрезмерно централизованного характера управления в государстве, неспособности или нежелания центральной власти решать местные проблемы, а также, в ряде случаев, социально-экономического кризиса общества.

Еще одной причиной проявлений терроризма на пространстве ШОС является наличие в регионе значительного количества экстремистских организаций, активно использующих террористические методы борьбы для достижения политических целей.

Толковый словарь Ожегова трактует понятие «экстремизм» как приверженность к крайним мерам и взглядам. С другой точки зрения экстремизм можно охарактеризовать как идеологию, основанную на нетерпимости и исключительности. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же, проявляющийся в религиозной сфере, получил название религиозного экстремизма.

Экстремистским идеологиям свойственно стремление изменить или уничтожить прежнюю идентичность — личностную, обще-

ственную, государственную, религиозную и т.п. — причем изменить радикально, так, чтобы его новая форма не воспринималась как продолжение старого. Такие идеологии выступают как механизм этносоциальной и религиозной мобилизации, как принцип и инструмент политической жизни.

Важным свойством современного экстремизма, объясняющим его высокую политическую и социальную востребованность, способность проникать в массы и управлять массовым сознанием, является то, что он оперирует простыми и доступными схемами для решения сложных проблем. Причем за этой внешней простотой скрывается стремление подменить существующие законы, мораль, систему отношений в обществе. Следует учитывать также, что экстремистские движения действуют, как правило, нелегитимными методами, используя восстания, перевороты, терроризм, что значительно увеличивает их социальную опасность.

Также следует отметить, что экстремистские идеологии оказываются привлекательными для многих творческих, интеллектуально развитых, социально и политически активных людей. Это объясняется тем, что соблазн создать новый мир взамен существующего ускоренным способом, решить за людей их проблемы и построить общество всеобщего благоденствия в короткие сроки часто становится труднопреодолимым искушением для указанной части общества. Более того, ее высокий интеллектуальный потенциал и политическая активность делают экстремистские движения и идеологии наиболее опасными для современного общества.

Концепция Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определяет экстремизм следующим образом.

Экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них⁵.

На пространстве ШОС основными проявлениями экстремизма является деятельность организаций радикального ислама, таких как ИГИЛ, «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Джунд аль-Халифат», «Исламский джихад» и других, о которых будет сказано ниже.

Политические и религиозные требования исламских экстремистов, в основном, сводятся к следующему:

- возврат к базовым принципам и заповедям ислама, отрицание суфизма, в форме которого ислам распространен в Центральной Азии;
- очищение ислама от более поздних «ересей» и отступлений от канона;
- политизация ислама;
- свержение существующей конституционной системы и образование исламского халифата;
- создание политической системы, основанной на хакимии (суверенитете, власти Аллаха) и халифате;
- введение юридической системы, основанной на шариате, и предоставление ей приоритета перед светскими ветвями власти — судебной и исполнительной⁶.

Исламский экстремизм представляет собой сложное и многоаспектное явление, содержащее политический, экономический, социальный, криминальный и военный компоненты. Здесь оперируют международные организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, стремящиеся занять главенствующее положение в мировом исламском сообществе. Исламский экстремизм, как и любой другой религиозный экстремизм, предполагает: отрицание и подавление всяческого проявления инакомыслия; жесткое утверждение своей системы политических и религиозных взглядов; культивирование слепого повиновения и исполнения приказов лидера. В организационном плане это означает подпольный характер жестко структурированной организации; проявление постоянной агрессивности действий организации вплоть до использования методов террора; стремление противопоставить себя действующему государству и строю, который исповедует данное государство.

В список экстремистских организаций региона входит не один десяток движений и групп, идеология деятельности которых и используемые методы примерно схожи и отличаются лишь активностью и масштабами. Исследуя особенности деятельности исламских экстремистских организаций на пространстве ШОС, можно выделить следующее.

1. Эти организации многонациональны по составу, независимо на территории какого из государств они действуют. В их состав входят, помимо этносов Центральной Азии, представители славянских национальностей, народов Кавказа, боевики из Пакистана и Афганистана.

2. Деятельность данных организаций имеет международное финансирование. Так, ИДУ получает средства от «Аль-Каиды» и других экстремистских организаций Ближнего Востока, а «Хизб ут-Тахрир» имеет свои представительства в десятках стран мира.
3. Практически везде просматривается тесная связь этих организаций с организованной преступностью. Если раньше они лишь соприкасались, взаимовыгодно решая отдельные локальные вопросы, а затем расходились, то сегодня наблюдается растущий симбиоз этих двух опасных течений. При этом их совместная деятельность многократно увеличивает возможности каждого из них, так как позволяет террористам маскировать свою деятельность под обычный криминал, а взаимные услуги повышают результативность действий тех и других. Поэтому все экстремистские организации Центральной Азии самостоятельно занимаются наркобизнесом, торговлей оружием, нелегальной миграцией и т.п. с целью получения финансовых средств на свою деятельность.
4. Усилившаяся терроризация экстремистских организаций. С сожалением можно констатировать, что большинство исламских экстремистских организаций давно перешли от распространения религиозных идей к террористическим способам ведения политической борьбы, которые, по мнению их руководителей, более эффективно, а главное, значительно быстрее приведут их к поставленной цели.

Потенциальным источником распространения терроризма в государствах Южной и Центральной Азии в настоящее время является *Афганистан*. Это обусловлено тем, что за время своего пребывания в Афганистане США и их союзники не смогли создать ни армии, ни эффективных сил безопасности, способных противостоять исламским экстремистам, ни создать экономической основы политической стабильности в стране.

Как следует из доклада Пентагона, «во второй половине 2015 года общая ситуация в области безопасности в Афганистане ухудшилась. Правительству Афганистана с большим трудом удается отражать широкомасштабные наступательные действия движения «Талибан» и сдерживать экстремистов, связанных с группировкой «Исламское государство»»⁷.

Вашингтон был вынужден пересмотреть свои планы относительно вывода войск, и в октябре 2015 г. бывший тогда президентом США Б. Обама объявил о решении замедлить вывод войск из Афга-

нистана, чтобы сохранить там в течение всего 2016 г. контингент численностью 9,8 тыс. человек. К концу 2017 г. этот показатель сократится до 5,5 тыс. военнослужащих, которые будут находиться в Кабуле, а также на трех базах на территории страны.

«Этот вынужденный шаг является еще одним красноречивым свидетельством полного провала 14-летней военной кампании Вашингтона и его союзников в Афганистане, — констатировали в МИД Российской Федерации. — За столь длительный срок, как мы неоднократно отмечали ранее, США не удалось искоренить терроризм и наркоугрозу, подготовить боеспособные национальные вооруженные силы, обеспечить безопасность и стабильность в Афганистане»⁸.

В настоящее время основными процессами, определяющими внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане, являются:

- продолжение внутреннего противостояния проправительственных политических сил и сил оппозиции по ключевым вопросам развития государства, финансово-экономическим проблемам и проблемам безопасности Афганистана;
- активизация подготовки движения «Талибан» к широкомасштабному наступлению на правительственные учреждения в основных городах, уездах и провинциях, на военные гарнизоны правительственных сил, военные базы и другие объекты вооруженных сил США на всей территории страны;
- расширение присутствия различных террористических и экстремистских группировок на территории страны, в том числе группировок, ориентирующихся на сотрудничество с ИГИЛ.

Таким образом, сегодня внутреннеполитическая обстановка в Афганистане характеризуется как крайне напряженная, нестабильная, мало контролируемая, и перспективы ее кардинального улучшения в ближайшее время не просматриваются. Не исключено, что дальнейшее развитие ситуации в стране может пойти по «иракскому» или «ливийскому» сценариям. В этом случае возможны два варианта развития ситуации — приход к власти движения «Талибан», с последующим созданием радикального исламского государства, или распад Афганистана, с большим количеством междоусобных войн как на территории современного Афганистана, так и прилегающих к нему территориях.

Более того, обстановка осложняется расширением масштабов присутствия и противостояния различных террористических и экстремистских группировок на территории страны и, прежде всего, «Исламского государства Хорасан» — фактически филиала ИГИЛ на территориях Афганистана и Пакистана.

Интерес *Пакистана* к ШОС и сотрудничеству с центральноазиатскими государствами обусловлен, прежде всего, экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергоресурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через его территорию, могут рассматриваться партнерами как один из возможных вариантов взаимовыгодного сотрудничества.

Не менее важны для Пакистана и проблемы региональной безопасности. Несмотря на принимаемые пакистанскими властями меры по стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, обстановка продолжает оставаться весьма сложной и в любой момент может трансформироваться в очередной острый кризис, куда неизбежно вмешаются военные.

Слабое место нынешних властей – экономика. Она развивается не столь динамично, как в соседней Индии. Страна сильно зависит от внешних доноров, прежде всего от США, а также МВФ. Внешняя задолженность приблизилась к 30% от ВВП. Негативное влияние на состояние пакистанской экономики оказывает нехватка энергоресурсов и неразвитость хозяйственно-транспортной инфраструктуры. Это сказывается на уровне жизни населения. Свыше 30% пакистанцев проживают за чертой бедности, при этом уровень безработицы составляет более 8% трудоспособного населения⁹. Поэтому многие пакистанцы вынуждены выезжать в поисках работы в страны Персидского залива, США и страны ЕС.

Обстановку усугубляют периодические столкновения различных исламистских группировок на почве межконфессиональных и межэтнических противоречий. Все острее проходит разлом по оси суннито-шиитского противостояния, учитывая, что шииты составляют свыше 20% населения Пакистана. Непростые отношения существуют между основными национальностями Исламской Республики Пакистан – пенджабцами, пуштунами, синдхами, белуджами и брагуи.

По мнению некоторых экспертов, в современном Пакистане существует три полюса борьбы: демократы, исламские фундаменталисты и сепаратисты. Демократов поддерживают американцы; исламские фундаменталисты поддерживаются талибами и большинством населения; а сепаратисты представлены, в основном, пуштунскими и белуджскими племенами. Кроме того, разгромленные в свое время в Центральной Азии исламские и сепаратистские движения и организации, такие, например, как «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и другие, нашли себе пристанище не только в Афганистане, но

и в Пакистане, где ведут активную деятельность как на территориях государств ЦАР, так и в самом Пакистане.

Возможный приход исламистов к власти в Исламабаде может привести к следующим негативным сценариям развития обстановки в стране: превращение Пакистана в радикальное исламское государство по типу Ирана, да еще и обладающее ядерным оружием, или развал страны по югославскому сценарию. Оба этих варианта чреваты самыми негативными последствиями как для Центрально-Азиатского региона, так и для Южной Азии, так как в дополнение к одному очагу напряженности в лице Афганистана может на длительное время появиться другой — в лице Пакистана, с его последующим возможным охватом территорий соседних стран.

К основным причинам распространения и активизации деятельности террористических организаций в Пакистане можно отнести следующие:

1. Гиперприрост населения страны, что приводит к массовой безработице, особенно среди молодежи.
2. Сохраняющиеся территориальные проблемы с Индией (Кашмир) и Афганистаном (линия Дюранда).
3. Слаборазвитая национальная экономика. По уровню своего социально-экономического развития Пакистан занимает 117-е место из 145 государств мира¹⁰.
4. Высочайшая степень религиозности населения, которая, по некоторым данным, составляет 98,7%¹¹ его общей численности и способствует моральному и идеологическому противостоянию Пакистана и Индии.

По уровню террористической деятельности (количеству террористических актов) Пакистан уступает только Ираку и уверенно держит 3-е место в мире по числу смертников-террористов после Афганистана и Ирака¹². В настоящее время подрывная и террористическая деятельность осуществляется практически на всей территории Пакистана, прежде всего в пограничных с Афганистаном северо-западных районах страны. Много терактов происходит в крупных городах — Карачи, Исламабаде и на территории племен федерального управления.

К особенностям проявления терроризма в Пакистане в настоящее время можно отнести следующее:

- значительное расширение «географии» террористических акций. Если ранее основные теракты отмечались на территории племен федерального управления в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, то после событий в Крас-

- ной мечети в июле 2007 г. террористы развернули активную деятельность в Исламабаде, Пенджабе, Синде и других городах;
- стали активно применяться атаки пакистанских смертников, которые до этого были крайне редки. Так, например, трое из четырех террористов-смертников, участвовавших в акции в Лондоне в 2005 г., были пакистанского происхождения;
 - одной из основных тенденций последнего времени стала постепенная утрата местными террористическими организациями национального характера и превращение их в ячейки международных террористических организаций.

Следует также отметить, что созданию условий для усиления и распространения терроризма в Южной Азии в целом дополнительно способствует и наличие в регионе больших слоев населения, которые относятся к террористам с большим сочувствием, считая их борцами за свободу и справедливость. После оккупации Афганистана и Ирака в мусульманском мире все больше верят в необходимость борьбы с «новым крестовым походом» на них христиан. Даже на уровне правительств некоторых государств, ведущих борьбу с терроризмом, появляются заявления, косвенно поддерживающие это мнение.

К особенностям распространения терроризма в Южной Азии некоторые исследователи относят также социально-экономические причины межэтнических конфликтов, вызванные борьбой за территории и ресурсы между этническими элитами одной и той же страны. Преломление данных факторов через идею национализма актуализирует проблемы, выливается в противостояние одного этноса другому, за которым следует сепаратизм и использование террористических способов борьбы.

Поэтому для предотвращения межэтнических конфликтов, этнического сепаратизма и терроризма необходимо повышать уровень жизни населения, соблюдать баланс развития между регионами по приросту населения, темпами урбанизации, обеспеченности продовольствием и другими материальными благами. Проблема сепаратизма в регионе должна решаться посредством внедрения принципов автономии и федерализма, путем последовательного образования автономных административных единиц преимущественно по языковому или религиозному принципу.

Характеристика основных террористических организаций региона

К основным террористическим организациям, действующим на пространстве ШОС можно отнести:

«Исламское движение Узбекистана» и его ответвление «Союз исламского джихада», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Джунд аль-Халифат» («Солдаты халифата»), «Исламский джихад» («Джамаат моджахедов») и другие. Эти крупные террористические организации действуют практически на всем пространстве региона.

Автономные ячейки международной террористической организации «Братья-мусульмане», такие как «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Даава Исламийя» и другие действуют в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Террористические организации «Акромиды», «Адолат уюшмаси», «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») — действуют в Узбекистане, организация «Товба» («Покаяние») имеет сторонников и активистов в Кыргызстане и Узбекистане.

Кроме того, в регионе активно работают *фонды и организации исламской направленности, такие как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вакъ Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодежи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» и другие, некоторые из них проповедуют направления радикального ислама, такие как салафизм и ваххабизм.*

Исследуя деятельность основных террористических организаций в Центральной Азии, можно выделить их следующие особенности.

«Исламское движение Узбекистана». Крупнейшая из исламистских террористических организаций в Центральной Азии. Ее деятельность запрещена в Узбекистане и других странах Центральной Азии.

В настоящее время ИДУ насчитывает несколько тысяч членов разных национальностей, поэтому движение является скорее небольшой армией, чем типичной террористической группировкой, с широкими возможностями по совершению терактов и вооруженных вторжений в города и, особенно, в сельские районы, где оно может захватить территорию, как это было в случае с Раштской долиной в Таджикистане в конце 1990-х.

Зона действия ИДУ — значительно больше, чем территории Пакистана, Афганистана и Узбекистана, и включает территории всех центральноазиатских государств, а также северо-западные провинции Китая.

Ответвление движения ИДУ — группировка «Союз исламского джихада» (далее — СИД) была основана в 2002 г. в Южном Вазиристане двумя этническими узбеками — бывшими боевиками ИДУ. В противоположность ИДУ СИД сформировался на афгано-пакистанской границе в среде многонационального джихада, объявленного американцам. В течение 2000-х годов эта организация приобрела популярность среди боевиков ИДУ, которые, в конечном счете, перестали считать высшим приоритетом освобождение Ферганской долины и сегодня ставят перед собою более «интернациональные» задачи.

«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»). Партия представляет собой международную панисламистскую суннитскую организацию. Партия создана в 1953 г. в Иерусалиме судьей шариатского апелляционного суда Такиуддином аль-Набхани. По данным The Heritage Foundation, «Хизб ут-Тахрир» действует в 40 странах мира, в каждой из которых имеет от 5 до 10 тыс. убежденных членов. Точное количество членов этой организации неизвестно, но предположительно оно насчитывает миллионы человек¹³. Руководители партии, не признавая существующие современные государства, разбили весь мир на «вилаяты» (области, провинции). В каждом «вилаяте» отделения партии структурированы по принципу ячеек (отдельно мужских и женских) — небольших групп, нередко с жесткой партийной дисциплиной, занимающихся пропагандой идей партии.

«Хизб ут-Тахрир» провозглашает себя «политической партией, идеологией которой является ислам». Цель партии — содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни на основе шариата и распространению исламской веры в мире. При этом декларируется, что реализация этой цели возможна лишь путем воссоздания единого, объединяющего весь исламский мир теократического государства — халифата. Партия призывает к установлению халифата ненасильственным путем и возвращению стран, где мусульмане составляют большинство населения, к халифату, который представлял собой золотой век Ислама до того, как европейский империализм колонизировал Ближний Восток¹⁴.

Несмотря на то, что члены «Хизб ут-Тахрир» официально исповедуют ненасилие, значительное количество из них поддерживают радикальные направления ислама и имеют тесные связи с талибами Афганистана, а также с членами ИДУ. Причем, прежде чем перейти к таким салафито-джихадистским группировкам боевиков, как ИДУ, многие исламисты сначала присоединяются к салафитским группировкам типа «Хизб ут-Тахрир». Так, во время этнических

столкновений между кыргызами и узбеками в южном Кыргызстане в 2010 г., большинство членов «Хизб ут-Тахрир» в этом районе активно в них участвовало.

«Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата»). В настоящее время эта группировка базируется на племенных территориях Пакистана, но, по сообщениям, имеет свои ячейки на Северном Кавказе. «Джунд аль-Халифат» проявила себя как международная террористическая организация через несколько месяцев после того, как в апреле 2011 г. Н. Назарбаев выиграл президентские выборы в Казахстане. В 2011 г. организация осуществила, по меньшей мере, три нападения в Атырау, Таразе и Алматы.

Группировка, как и другие террористические организации, также имеет глобальные амбиции. Она, как и все центральноазиатские джихадистские движения, выступает за создание исламского халифата в Центральной Азии и более великого исламского мира. Лидеры «Джунд аль-Халифат» заявляют, что система управления государством должна основываться на шариате, который должен преобладать в каждой мусульманской стране, от востока до запада.

Организация **«Исламский джихад»** («Джамаат моджахедов») была создана в марте 2002 г. на территории Афганистана после раскола в «Исламском движении Узбекистана». В эту организацию вошли наиболее радикальные боевики ИДУ, получившие активную поддержку функционеров такой известной международной террористической организации, как «Аль-Каида». Целью организации является свержение существующих светских правительств в мусульманских странах и создание государств с шариатской формой правления, а также осуществление диверсий на военных объектах стран – участниц антитеррористической коалиции, действующей в Афганистане.

Большинство членов группировки прошли подготовку в лагерях различных международных террористических организаций, принимали участие в боевых действиях на Северном Кавказе, в Северной Африке, Ираке и Сирии в составе незаконных вооруженных формирований. Организация взяла на себя ответственность, в частности, за взрывы в Ташкенте и Бухаре в марте 2004 г. В октябре 2005 г. ее руководство выразило намерение создать отдельную группу, в задачи которой входила бы организация терактов на территории всего бывшего СССР.

В последнее время на территории Центральной Азии и прилегающих к ней территориях (Афганистан, Пакистан и др.) начали свою деятельность ячейки крупнейшей международной террористической организации **«Исламское государство Ирака и Леванта»**, или ИГИЛ.

Организация вытеснила «Аль-Каиду» с позиции № 1 в своеобразной табели о рангах международных террористических организаций. Это произошло вследствие того, что ИГИЛ учла «идеологические ошибки» «Аль-Каиды»: она не навязывает населению неизвестную ему религию салафитов и аравийские учения ваххабитов, а поддерживает традиционный суннитский ислам, что обеспечивает ей гораздо большую популярность среди мусульман всего мира, чем она была у «Аль-Каиды».

Главной задачей организации является ликвидация границ, установленных в результате раздела Османского халифата, и создание ортодоксального суннитского исламского государства, как минимум, на территории Ирака, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта, а как максимум – во всем исламском мире.

Крайне важное отличие ИГИЛ от террористических предшественников, которое дает ей значительные преимущества перед ними, – ее высочайшая активность. Причем она предлагает людям любой национальности и вероисповедания выход накопленной ими жизненной энергии в форме разрушения. Как отмечают многие эксперты и аналитики, главным в деятельности организации является не борьба с правительствами, а борьба с образом жизни народов, с тем, что принято называть потребительским или светским обществом. Их враг – само общество, в котором существует высокая степень личной свободы, воспринимаемой как развращенность¹⁵.

Другими отличительными особенностями ИГИЛ, по сравнению с другими террористическими организациями, являются следующие.

- Организация представляет собой конгломерат многочисленных группировок, действующих по единому стратегическому плану, но достаточно автономно, что обеспечивает ее живучесть и мобильность.
- ИГИЛ представляет собой не только боевую, но и мощнейшую финансовую корпорацию, доходы которой на несколько порядков превышают доходы любой другой террористической организации мира.
- Боевые действия, проводимые организацией, отличаются масштабами и эффективным военным планированием, проводимым профессиональными военными из числа бывших военнослужащих, потерявших в силу различных причин свои посты в национальных армиях различных государств или добровольно вступивших в ряды ИГИЛ по идеологическим и финансовым соображениям.

- Организация за короткий период создала мощную медиаструктуру, включающую интернет-ресурсы, телевидение и прессу, деятельность которых направлена на формирование ее положительного образа и оправдание своих действий.

Основные тенденции террористической деятельности на пространстве ШОС

Оценивая деятельность террористических организаций на пространстве ШОС, следует отметить следующее.

1. Сегодня наиболее крупные террористические организации в ЦАР имеют схожие стратегические цели, а также разработанную многовариантную тактику их достижения. При этом автономность их вооруженной составляющей, прочность сетей и устойчивость ячеек, а также техническая оснащённость постоянно возрастают, с одновременным расширением географии действий и круга лиц, принимающих решения по их осуществлению.
2. Среди населения региона все большую привлекательность находит если не поддержка, то, по крайней мере, оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием существующим положением дел и отсутствием ощутимых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости.
3. Терроризм в Центральной и Южной Азии, как и весь современный международный терроризм, стал, во многом, образом жизни значительных слоев населения целого ряда стран. Преодоление условий, порождающих и подпитывающих терроризм, задача длительная, и по плечу она только объединенным усилиям всех государств Центральной Азии.

Если говорить о тенденциях, которые просматриваются в динамике террористической деятельности в регионе, то следует ожидать:

- увеличения активности сепаратистских и экстремистских групп и распространения их деятельности на новых территориях;
- дальнейшей политизации ислама и усиления влияния его радикальных ветвей на население, вследствие чего их идеология еще больше потеснит традиционное учение;
- стремления к консолидации экстремистских движений при сохранении автономности управления в них;
- появления новых форм экстремистских и террористических вылазок;

- продолжения интеграции экстремизма и терроризма с криминальными структурами, укрепления их взаимосвязей и взаимодополняемости на фоне роста оборота наркотиков и увеличения объема контрабанды оружия;
- активизации использования Интернета для вербовки кадров террористических организаций;
- расширения вовлечения женщин в экстремистскую и террористическую деятельность.

Геополитические реалии на сегодня таковы, что государства ШОС оказываются в масштабной «дуге нестабильности», начинающейся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и через Кавказ и Каспий проходящей в Центральную и Южную Азию. Поэтому в Стратегии развития ШОС до 2025 г. говорится, что особое внимание в деятельности Организации будет уделяться сотрудничеству по вопросам противодействия деятельности международных террористических организаций, направленной на вовлечение граждан государств-членов в террористические, сепаратистские и экстремистские группы, налаживанию взаимодействия с соответствующими международными организациями и региональными объединениями по выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц, прошедших террористическую подготовку для участия в вооруженных конфликтах на территории третьих государств, а также выявлению таких лиц, возвращающихся на территорию государств-членов ШОС после прохождения подготовки или участия в вооруженных конфликтах в составе международных террористических организаций¹⁶.

Проведение эффективной антитеррористической деятельности ШОС должно базироваться на соблюдении трех ведущих принципов: во-первых, на тесном межгосударственном взаимодействии, к которому должны быть привлечены все профильные национальные министерства и ведомства; во-вторых, ее координацию необходимо осуществлять из единого центра; в-третьих, всем участникам этой деятельности необходимо постоянно совершенствовать способность к практическому взаимодействию.

Система коллективной безопасности на пространстве ШОС должна строиться с учетом новых угроз, таких как ИГИЛ, которые с каждым годом все острее будут вставать перед региональным сообществом. Борьба с национальным и международным терроризмом представляет собой длительный и многоплановый процесс. Она включает в себя широкий комплекс политических, военных, специальных, финансовых, экономических, организационных, правовых и других мер. Транснациональные угрозы требуют

создания транснациональных механизмов противодействия. Противостоять им можно, только объединив усилия государств всего региона. В этих условиях осуществления политики, направленной на формирование многополюсного мира, следует всеми средствами способствовать усилению роли и значения в международных делах региональных организаций, в данном случае Шанхайской организации сотрудничества, способствуя устранению ее внутренних противоречий, укреплению единства и международной значимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бергман Я. От сепаратизма к терроризму. URL: <http://cassad.net/> (дата обращения: 12.07.2014).

² Данные переписи населения 2010 по Синцзян-Уйгурскому автономному району. В 3 т. Пекин, Китайское статистическое издательство, 2012. (на кит. яз.)

³ Уйгурский вопрос. URL: <http://www.regnum.ru/> (дата обращения: 08.02.2015).

⁴ Заквасин А. Китай: на войну вместе с Россией. URL: <http://rusplt.ru/> (дата обращения: 14.01.2016).

⁵ Конвенция ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай. 15.06.2001.

⁶ Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Comparative politics. 2011. № 4.

⁷ ТАСС. 28.12.2015.

⁸ ТАСС. 16.10.2015.

⁹ Симонов В. Сложная внутривосточная ситуация в Пакистане. URL: <http://geopolitics.by/> (дата обращения: 07.05.2015).

¹⁰ Материалы «KEI and KI Indexes» (КАМ 2012) (Electronic version)

¹¹ Нурша А. Политика Пакистана в Центральной Азии // Analytic. 2006. № 6.

¹² Симонов В. Терроризм остается главной проблемой Пакистана. URL: <http://nuz.uz/> (дата обращения: 13.05.2015).

¹³ Материалы сайта ИЦ «Agentura.ru».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Колташов В. Как победить исламский террор. URL: <http://svpressa.ru/> (дата обращения: 01.12.2015).

¹⁶ РИА Новости. 10.07.2015.

В.Б. Кашин
к.полит.н., ведущий научный сотрудник
Центра изучения проблем
СВА и ШОС ИДВ РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и ограничения сотрудничества между членами Шанхайской организации сотрудничества в сфере международной безопасности. Сотрудничество в сфере безопасности – основное направление деятельности организации, и в этой области ШОС достигнуты весомые успехи. В то же время ряд членов организации, и прежде всего Китай, стремятся параллельно развивать другие механизмы обеспечения безопасности в Центральной Азии. В китайской политике в сфере обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе ШОС занимает весьма скромное место, и едва ли данная ситуация изменится в обозримом будущем. Таким образом, несмотря на достигнутые успехи и весомую роль в обеспечении борьбы с терроризмом и отдельными видами организованной преступности, на данный момент ШОС подошла к естественным пределам своего развития в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: ШОС, Китай, безопасность, сотрудничество.

Vasily B. KASHIN

PROSPECTS OF THE COOPERATION IN THE SPHERE OF THE INTERNATIONAL SECURITY WITHIN SCO

Abstract. The article examines the problems and limitations for the Shanghai Cooperation Organization member states cooperation in the field of international security. Security cooperation is the most developed area for the SCO activities and in this field some significant progress has been achieved. However, some SCO members, above all, China are also developing alternative security mechanisms for the Central Asia. SCO plays a relatively modest role in the Chinese

strategy for international security cooperation in the Asia Pacific. Although the SCO has achieved some of its' goals and plays an important role in coordinating its' member states policies in combatting terrorism and some types of the organized crime, the organization has reached the current limits for development of the security cooperation.

Keywords. SCO, China, security, cooperation

Вопросы региональной безопасности в регионе Центральной Азии играли центральную роль при создании Шанхайской организации сотрудничества. На раннем этапе ее создания строились различные предположения о путях развития организации, вплоть до ее возможной эволюции в крупный военно-политический блок. На данный момент становится очевидным, что ШОС занимает заметное, но строго ограниченное место среди механизмов обеспечения безопасности в Азии. Китай, в качестве ключевого участника данной организации, не заинтересован в чрезмерном разрастании рамок ее деятельности и числа членов.

Хотя Шанхайская организация сотрудничества и играет определенную роль в координации между военными, специальными и правоохранительными структурами ее членов, гораздо активнее развиваются параллельные механизмы взаимодействия, как двусторонние, так и многосторонние. Среди участников организации имеют место вполне определенные сомнения относительно сохранения ее эффективности в случае дальнейшего разрастания членства, в частности, после завершения процедуры вступления в ШОС Индии и Пакистана. Наиболее часто такие мнения высказываются китайцами.

В таких условиях роль ШОС в сфере безопасности сводится скорее к функциям площадки для обеспечения взаимодействия между странами ОДКБ, Китаем, Узбекистаном и, в перспективе, новыми членами организации. Большая часть практического взаимодействия в военной сфере будет происходить фактически на двусторонней основе даже в тех случаях, когда его участники в своих документах будут делать ссылки на организацию и ее документы.

На данный момент ШОС не играет центральной роли в китайской стратегии безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Важнейшие мероприятия в области борьбы с терроризмом также проводятся в рамках отдельных от ШОС соглашений, заключенных Китаем с сопредельными странами. Россия также обращает основное внимание либо на двустороннее взаимодействие с Китаем, либо

на укрепление сотрудничества с партнерами по ОДКБ. Изменение позиций этих двух крупнейших стран-членов ШОС необходимо для возрождения значимости организации. Их интерес к укреплению ШОС, вероятнее всего, может быть вызван в будущем изменениями в их отношениях с крупными внерегиональными силами, например, одновременным ухудшением взаимоотношений Москвы и Пекина с Вашингтоном.

Сотрудничество в сфере безопасности являлось главным направлением деятельности ШОС с момента создания организации и продолжает рассматриваться в качестве такового китайскими экспертами¹. Стандартной китайской точкой зрения является признание успешности ШОС в сфере международной безопасности и отставание в экономических аспектах деятельности организации. Данный дисбаланс воспринимается как проблема, его необходимо исправлять за счет подтягивания уровня экономического сотрудничества к сотрудничеству в сфере безопасности. Этому, однако, мешает недостаточный уровень доверия в экономической сфере².

Действительно, именно в сфере безопасности Организацией достигнуты наиболее существенные практические результаты. В рамках организации с 2004 г. действует постоянный механизм встреч секретарей Советов безопасности государств-членов, а также проводятся регулярные консультации по вопросам региональной безопасности на уровне заместителей министров иностранных дел. Проводятся регулярные встречи министров обороны стран – членов организации. Для сотрудничества создана развернутая договорно-правовая база, в основе которой лежит Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.

На основе данной конвенции с 2002 г. действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС, с 2004 г. имеющая постоянно действующий секретариат в Ташкенте, в котором работают постоянные представители стран-членов при этой структуре.

Несмотря на то, что деятельность РАТС в основном является закрытой, о ее активности и статусе косвенно может свидетельствовать высокий уровень ее руководителей. В частности, возглавлявший РАТС в 2013–2015 гг. представитель Китая Чжан Синьфэн занимал в прошлом пост заместителя министра общественной безопасности КНР, а нынешний руководитель этой структуры Евгений Сысоев – в прошлом заместитель директора ФСБ России и руководитель аппарата Национального антитеррористического комитета. РАТС действует в соответствии с разработанными и согласованными странами-участницами соглашениями, включая соглашение

о создании объединенного банка данных и соглашения о защите секретной информации.

Это, в целом, наиболее «живая» и активная сторона работы организации, которая пользуется вниманием политического руководства и непрерывно совершенствуется, что выражается в периодическом принятии новых документов (включая Конвенцию ШОС против терроризма 2009 года). РАТС играет важную роль в обмене информацией между специальными службами стран-членов, а его база данных охватывает разнообразные сепаратистские, экстремистские и террористические организации, а также вовлеченных в их деятельность лиц. В качестве успешно действующей структуры РАТС развивает и расширяет международное сотрудничество, в том числе со структурами ОДКБ, вовлекаясь и в новые области работы, такие как борьба с незаконным оборотом наркотиков, а также предотвращение доступа террористов к оружию массового уничтожения.

Другим важнейшим направлением деятельности ШОС является информационная безопасность. РАТС играет важную роль в налаживании взаимодействия членов организации в области противодействия использованию сети Интернет в террористических целях. В 2015 г. структура организовала штабные учения спецслужб стран-членов ШОС «Сямьнь-2015» по противодействию экстремистской деятельности в сети³. Еще в 2009 г. странами-участниками было подписано соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности⁴, что позволило согласовать подходы к международным проблемам регулирования киберпространства, в том числе при обсуждении в ООН, а также дало возможность развернуть практическое сотрудничество в данной сфере. Представители ШОС регулярно обсуждают данную проблему на экспертном уровне.

С 2004 г. активно развивается сотрудничество в рамках организации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В Организации созданы регулярно созываемые межгосударственные рабочие группы по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Регулярно проводятся Совещания руководителей министерств и ведомств государств – членов ШОС, отвечающих за борьбу с незаконным оборотом наркотиков. С 2011 г. функционируют четыре рабочих группы по вопросам правоохранительной деятельности по пресечению наркопреступности, контролю за прекурсорами, совершенствованию договорно-правовой базы сотрудничества и снижению спроса на наркотики. Представители правоохранительных структур и специальных служб стран-членов Организации, отвечающие за борьбу

с наркобизнесом и другими видами организованной преступности, проводят регулярные совещания. Членами ШОС подписаны соглашения о расширении взаимодействия в данных сферах.

Регулярно проводимые под эгидой ШОС с 2005 г. учения «Мирная миссия» характеризуются постепенным ростом численности привлекаемых сил и усложнением сценариев. Насколько можно судить по публикациям данных об учениях, в их ходе отрабатываются реальные ситуации, связанные с возможными прорывами бандгрупп на территории стран-членов или возникновением этнических конфликтов на территориях стран-членов ШОС. Например, в учениях «Мирная миссия-2016» на территории Кыргызстана участвовали более 2 тыс. военнослужащих из пяти стран (члены ШОС за исключением Узбекистана), более 300 единиц наземной и более 40 единиц авиационной техники⁵. При этом была продемонстрирована возможность быстрой переброски китайских войск своим ходом с территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и возможности быстрого оказания авиационной поддержки вооруженным силам центральноазиатских стран в случае возникновения конфликта.

В рамках ШОС существует эффективный механизм обмена данными между правоохранительными органами и специальными службами, вовлеченными в борьбу с терроризмом, сепаратизмом, политическим экстремизмом и отдельными видами организованной преступности. Страны ШОС достигли определенных успехов в налаживании взаимодействия по вопросам информационной безопасности. После более чем десяти лет регулярных совместных учений вооруженные силы стран-членов Организации (за исключением остающегося в стороне от этого сотрудничества Узбекистана) вышли на весьма высокий уровень оперативной совместимости. Это означает, что в случае возникновения полномасштабного кризиса в Центральной Азии, связанного с внутренней смутой в одной из стран-членов ШОС, прорывом террористов или межгосударственным конфликтом, организация будет способна к быстрым и эффективным действиям. Однако значительное расширение географических рамок взаимодействия по вопросам безопасности представляется маловероятным.

Расширение ШОС с включением в ее состав Индии и Пакистана стало во многом результатом инициатив России и даже, по признанию российских официальных лиц, вызывало если не сопротивление, то «сомнения» со стороны КНР⁶. Китайцы изначально выражали сомнения в дееспособности расширившейся организации, учитывая систему принятия в ней решений на основе консенсуса. Китай, вообще, видит роль ШОС в качестве инструмента обеспе-

чения безопасности в рамках АТР, как крайне скромную. В опубликованной в начале 2017 г. Белой книге по сотрудничеству в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе ШОС была упомянута на восьмом, предпоследнем месте в списке из девяти многосторонних механизмов обеспечения региональной безопасности, на которые намерен опираться Китай. Скромная оценка, данная роли ШОС, при этом контрастирует с весьма серьезным значением, которое придается в документе вопросам отношений с Россией (она упомянута на втором после США месте среди важных держав Азиатско-Тихоокеанского региона). В последнее время наметился определенный рост российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности в АТР. Стороны взаимодействовали по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова, выступали с совместными заявлениями по вопросу о размещении американской системы ПРО ТНААД в Южной Корее. В 2016 г. впервые состоялись совместные российско-китайские военно-морские учения в Южно-Китайском море, при этом Россия на высшем уровне высказала поддержку позиции КНР, заключавшейся в отрицании легитимности решения арбитража ООН по китайско-филиппинскому морскому территориальному спору в этом районе.

Произошел и резкий рост российско-китайского военно-технического сотрудничества, в частности, согласно заявлению министра обороны России Сергея Шойгу, объем поставок российских вооружений в Китай составил в 2016 г. более 3 млрд долл. США⁷. Тем не менее, эти вопросы, напрямую связанные с нарастающими американо-китайскими противоречиями в регионе, не затрагивают сферу деятельности ШОС.

Более того, в самой Центральной Азии Китай по необходимости предпринимает в сфере безопасности действия в обход ШОС, формируя новые многосторонние механизмы обеспечения безопасности. Примером такого подхода является «Четырехсторонний механизм координации и сотрудничества», о котором договорились начальники Объединенного штаба Народно-освободительной армии Китая и генштабов Таджикистана, Афганистана и Пакистана, в ходе переговоров в китайском Урумчи в начале августа 2016 г. Соглашение предполагает создание системы координации действий вооруженных сил всех четырех стран в борьбе с террористической угрозой. В ноябре 2016 г. состоялось второе заседание стран-участниц этого соглашения⁸.

По всей видимости, практическая реализация нового соглашения также началась осенью 2016 г., когда китайская бронетехника, принадлежащая, скорее всего, Народной вооруженной полиции

КНР, была замечена в Ваханском коридоре – примыкающем к КНР районе Афганистана. При этом китайскими властями было признано проведение совместной с афганцами антитеррористической операции⁹. Ваханский коридор – труднодоступный и изолированный район Афганистана с редким населением, без постоянно действующих органов власти и существенного присутствия афганских правоохранительных или военных структур. В прошлом он неоднократно использовался в качестве убежища представителями уйгурских экстремистских групп, действовавших на территории Синьцзяна. По отдельным сообщениям, единичные рейды в Ваханский коридор предпринимались китайскими специальными структурами и в прошлом, начиная, как минимум, с 2010 г. В данном случае речь, насколько можно судить, идет о регулярных патрулях с тяжелым вооружением, на бронев автомобилях, присутствие осуществляется открыто и с согласия афганского правительства.

Можно предположить, что заключенное четырехстороннее соглашение, в целом, дает возможность быстро согласовывать применение китайских войск на территориях трех сопредельных стран при необходимости преследования отходящих с китайской территории групп боевиков, задержания подозреваемых в районах, недоступных для местных силовиков, охраны особо важных объектов (в том числе, возможно, сооружаемых на китайские деньги объектов инфраструктуры на северо-востоке Пакистана) и т.п.

Можно предположить, что нежелание заключать подобное соглашение под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (где КНР и Таджикистан состоят, Пакистан находится в процессе вступления, а Афганистан является наблюдателем) связано со стремлением ограничить распространение информации о действиях китайских силовых структур на территориях сопредельных стран. Возможно, имели место опасения, что Россия и находящаяся в стадии вступления в ШОС Индия попытаются присоединиться к механизму с целью оказания влияния на его работу. Тем не менее, соглашением было продемонстрировано, что даже в рамках Центрально-Азиатского региона ШОС играет строго ограниченную (хотя и важную) роль, попытки расширить которую могут натолкнуться на сопротивление ряда ее членов, прежде всего КНР.

Важной тенденцией последних лет является значительное расширение военных и военно-технических связей Китая со странами Центральной Азии. Китай превратился в серьезного поставщика технически сложных систем вооружений (боевые беспилотники, средства ПВО, средства связи и радиолокации) в Туркменистан, Узбекистан, Казахстан. Он оказывает существенную помощь

вооруженным силам менее крупных стран региона – Кыргызстана и Таджикистана, предоставляя, в частности, армейский автотранспорт, средства связи, оргтехнику и снаряжение. Вероятно, Китай будет заинтересован в развитии самостоятельных двусторонних связей в сфере безопасности со странами региона, сохраняя при этом ШОС преимущественно в качестве механизма взаимодействия с Россией и возглавляемыми Россией структурами, такими как Организация договора коллективной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чжао Хуэйчжун. Сотрудничество в сфере безопасности – главное направление деятельности ШОС // Жэньминь жибао онлайн. 12.04.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7784964.html>

² Ван Вэй, Лю Цян, Чжоу Шу. Шанхай хэцзо цзучжи: аняньян хэцзо юсянь юй цзинцзи хэцзо бинсин : [Шанхайская организация сотрудничества: приоритет сотрудничества в сфере безопасности при попутном развитии экономического сотрудничества] // Наньцзин Чжэнчжи Сюэюань Сюэбао : [Журнал Нанкинского политического института НОАК]. 2009. № 6. Р. 60.

³ В Китае проходят киберучения стран ШОС по борьбе с терроризмом // Агентство «Спутник». 14.10.2015. URL: <http://ru.sputniknews-uz.com/politics/20151014/746321.html>

⁴ Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626>

⁵ «Мирная миссия – 2016». URL: <https://centre1.com/photo/mirnaya-missiya-2016-voennye-ucheniya-stran-shos/>

⁶ Интервью посла России в Китае Андрея Денисова «Коммерсанту». 06.03.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3235889>

⁷ URL: http://www.ng.ru/armies/2016-11-24/2_6867_shoigu.html

⁸ Китай, Пакистан, Афганистан и Пакистан усилят борьбу с терроризмом. РИА «Новости». 10.11.2017. URL: <https://ria.ru/world/20161110/1481090251.html>

⁹ URL: http://www.business-standard.com/article/news-ani/china-confirms-joint-counter-terrorism-operations-with-afghanistan-but-not-with-military-117022800141_1.html

Ю.В. Морозов
к.воен.н., профессор,
ведущий научный сотрудник
Института Дальнего Востока
и Института США и Канады РАН

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И ПРИМЕНЕНИЕ США ИНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГОСУДАРСТВА ШОС

Аннотация. В ближайшей перспективе для усиления экономического и политического влияния на другие государства США будут широко использовать «мягкосиловую арсенал» для удержания их на своей орбите. Против тех стран, которые проводят независимую от Соединенных Штатов политику, будут использоваться методы информационной войны. А для смены политических режимов в «неудобных» для США странах может быть использована стратегия непрямых действий. Для ликвидации военных конфликтов в районах мира, представляющих интерес для Вашингтона, будут применяться миротворческие акции США, позволяющие впоследствии беспрепятственно пользоваться рынками сбыта и источниками сырья, определять политику государств, участвовавших в конфликте. Политика США в использовании «мягкосилового арсенала» для сохранения мировой гегемонии порождает нестабильность в мире и создает угрозу для безопасности государств – членов ШОС.

Ключевые слова: «мягкая сила», образование, неправительственные организации, стратегия непрямых действий, миротворческая деятельность, РФ, КНР, США, ШОС.

Yurii V. MOROZOV

INFORMATION WAR AND APPLICATION BY THE USA OTHER TOOLS OF INFLUENCES ON SOC STATES

Abstract. In the nearest future for the USA strengthening in the sphere of its economic and political influences on other states Washington will widely continue to use its “soft power arsenal” for the purpose of deduction this states in the American orbit. Against those countries which carry out the independent policy of the United States, Washington will continue to use methods of information war. For

the change of political regimes in the *objectionable* for the USA countries, will be used “strategy of indirect actions”. For liquidation of military conflicts in the areas of the world which are of interest for Washington, peace-making actions of the USA will be applied, allowing subsequently free to use both commodity markets, and raw materials, and to define a policy of the States participating in the conflict. The USA policy in using its “soft power arsenal” for the preservation of world hegemony generates instability in the world and creates threat for security of the SOC States.

Keywords. “soft power”, culture, non-governmental organizations, strategy of indirect actions, peace-making activity, Russia, China, the USA, SOC States.

Использование Соединенными Штатами «мягкой/умной силы»

В теорию международных отношений понятие «мягкая сила» ввел профессор Гарвардского университета Дж. Най в 1990 г.¹ Она представляет собой использование политических идеалов и убеждения для оказания необходимого влияния на население других стран без силового давления. Согласно концепции Найа, к «мягкой силе» государства относятся экономическая модель его развития, культура, идеология и сила влияния в международных делах (прежде всего, американские). Внедряя образцы этих составляющих в других странах, Вашингтон всячески пытается выставлять их как образец подражания². При этом в значительной мере мягкую силу создает не государство, а общество — начиная с университетов и неправительственных фондов (НПО) и заканчивая Голливудом и поп-культурой³. Благодаря им США удается сохранять свое влияние на другие страны вопреки действиям Пентагона, который зачастую это влияние подрывает. В связи с этим президент Б. Обама считал, что «перебор» с применением силы формирует в сознании международного сообщества имидж США как милитаристского государства и вбивает клинья между ними и теми, кто преследует те же цели, что и Америка⁴. Поэтому если Буш вводил войска в Афганистан и Ирак, то Обама поэтапно вывел их из этих стран, оставив там незначительные силы. Он также добавил к двум «классическим» опорам внешней политики США — обороне и дипломатии — третью: «помощь развитию». При этом большая роль в плане обеспечения национальных интересов США отводилась программам по увеличению гуманитарной помощи бедным и развивающимся странам. Одной из главных целей данных программ является формирование у населения этих стран позитивного имиджа Америки. Показатель-

ным примером подобной деятельности является оказание гуманитарной помощи государству-члену ШОС Республике Кыргызстан. В 1991 г. в Республику поступила крупная американская помощь в рамках программы «Дать надежду». Одновременно с организацией поставок американская сторона провела в Кыргызстане массированную пропагандистскую кампанию, информирующую местное население о «благородной гуманитарной миссии США». В обмен на оказание помощи американское руководство добилось от кыргызских властей аренды авиабазы Манас для использования ее в военных целях. Так, при очевидно незначительных финансовых затратах Соединенные Штаты получили возможность военного присутствия в Центральной Азии, что во время проведения военных акций в Афганистане упрочило геополитические позиции США на Евразийском континенте⁵.

Поэтому в дальнейшем в основе подхода администрации Белого дома к международным делам лежала не военная, а «умная сила». Она представляет собой сочетание в практической деятельности Соединенных Штатов «мягкой» и «жесткой» силы с соответствующим инструментарием: вооруженные силы, дипломатия, помощь нужным США странам, а также действия НПО, усилия отдельных граждан и т.п., и где упор делается на баланс между ними. По мнению Б. Обамы, применение силы допускалось в тех случаях, когда несилловые средства исчерпаны; после оценки цены бездействия; при поддержке военных акций США со стороны ООН либо НАТО.

Когда Хиллари Клинтон была госсекретарем, Вашингтон в международных делах стал делать упор на интернет-технологии, которые были успешно обкатаны на Ближнем Востоке. Так, в событиях 2011 г. в Египте по полной программе были задействованы ресурсы Twitter, Facebook, BlackBerry Messenger. По электронной почте распространялся подробный план свержения режима Мубарака со спутниковыми схемами стратегических объектов для штурма, дорог и т.д. В результате Мубарак не смог удержать власть при беспрецедентном давлении этих сетей и поднятой ими «улицы». Также основным средством инициирования войны в Сирии были Twitter и Facebook. В Ираке и Ливии американцы также активно применяли IT-технологии.

Логичное объяснение использования США «сетевых» революций в арабском мире дал исследователь Уильям Энгдал. Он считает, что Б. Обама сознательно дирижировал сменой режимов – от Сирии и Египта до Йемена, Иордании и Ливии. Его цель – «создание Большого Ближнего Востока под устойчивой аме-

риканской властью, которая будет держать в своих руках основной контроль будущих движений капитала и энергетических потоков Китая, России и Евросоюза. Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры»⁶. Это касается и ШОС, страны-члены которой не согласны с американской моделью глобального миропорядка. Поэтому Вашингтон предпринимает попытки при помощи своей «мягкой и жесткой» силы посеять вражду и недоверие между членами этой Организации и вбить клин между ними и лидерами ШОС — Китаем и Россией. Так, в настоящее время в мире появилась большая прослойка людей, которые постоянно находятся в интернет-пространстве. Здесь Вашингтон основную ставку делает на молодежь, которая завтра под влиянием «умной силы» превратится в прослойку людей с западными ценностями и будет осуществлять проамериканскую политику в своих странах.

Одним из деликатных аспектов американской внешней политики является вопрос о ее ценностях. В свое время практика администрации Буша в ходе борьбы с терроризмом включала отступление от демократических и правовых норм, что дискредитировало политику Вашингтона и подрывало международное доверие к нему. Белый дом часто упрекали в лицемерии, циничных разменах, когда права человека за рубежом приносились в жертву иным интересам США. И если Буша критиковали за позицию, основанную на принципе «Делай, как я говорю, а не так, как я делаю», то иной принцип был у Обамы — «Делай, как я». Его администрация постулировала необходимость укрепления международных норм (сама нередко нарушая их) и помощь «хрупким демократиям». А против тех государств, которые ставят под сомнение правомерность американской модели развития мирового сообщества, Вашингтон применяет иные методы воздействия, включая методы информационной войны⁷. Особенно это касается одного из лидеров ШОС — России, которой западным сообществом в последнее время была объявлена наиболее оголтелая информационная война. Предпринимаются все меры по дискредитации РФ на международной арене и отрыву от нее партнеров по ШОС, препятствованию действиям других российских центров силы — ОДКБ и ЕАЭС.

Информационная война США против России

Следует заметить, что данный метод информационного воздействия используется на протяжении многих веков: в отличие от войны с использованием вооруженных сил, информационная война в виде

«словесных баталий» не утихала никогда. Основная цель данного метода — доказать жителям иного государства, что их правительство и их страна хуже, и что единственно правильный путь развития пролегал по следам западного сообщества.

Первое определение термина «информационная война» было дано в докладе корпорации RAND Strategic Information Warfare a New Face of War (1996): «Информационная война — это война в информационном пространстве». К трем военным пространствам (сухопутному, морскому и воздушному) был добавлен новый — информационный⁸. Впоследствии в документе Joint Doctrine for Information Operations (1998) было дано новое определение «информационной войны» — уже как «информационных операций, в которых важным стратегическим ресурсом является информация, которая подлежит освоению или уничтожению»⁹. Особенно это касается стран, не согласных с американской моделью глобального миропорядка, прежде всего таких государств, как Россия и Китай, создающих альтернативы американскому пути развития. Одной из них является ШОС, которая после вступления в нее Индии и Пакистана представляет больше половины человечества и глобального материального производства. Поэтому понятно, почему США вместе с союзниками ведут против России и КНР информационную войну: они выступают против однополярного мира с доминирующей ролью США и продвигают идею многополярного мира. При этом в Вашингтоне продолжают опасаться России, рассматривая ее и как геополитического конкурента, и как государство, способное гарантированно уничтожить Соединенные Штаты. Ее активное неприятие незаконных односторонних действий США в мире также раздражает Вашингтон. Поэтому США активно использует против России целую серию **приемов и методов**¹⁰.

Эффективным стало *нарушение договоренностей*. После распада СССР Москва, доверяя достигнутым с лидерами западных стран договоренностям о том, что образовавшийся после холодной войны «статус-кво» нарушаться не будет, и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов Российской Федерации, не уделяла должного внимания развитию гуманитарного сотрудничества с постсоветскими республиками. Она финансировала эти акции по остаточному принципу, в расчете на то, что эти государства экономически и исторически прочно связаны с Россией¹¹.

Запад же во главе с США явно или тайно действовал в нарушение договоренностей. Путем масштабного финансирования и при помощи НПО он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими

интересами общественное сознание и мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона стали переориентироваться в сторону США и ЕС. Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. При этом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву для формирования прозападного курса страны и реализации русофобского проекта по отрыву Украины от России по аналогии с реализованными ранее планами в Восточной Европе и Балтии. Когда же Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать свой имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно.

Навязывание стереотипов. Типичным примером использования этого метода является «внедрение» специальных словосочетаний, которые могут меняться в зависимости от задач США. Так, когда Россия в 2008 г. оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в СМИ США была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. В англоязычных СМИ активно используются и другие ложные клише: Россия — «империя зла», которая стремится к воссозданию времен СССР, «диктаторский режим Путина» и т.д. Если ранее в этих СМИ говорилось о «поддерживаемых Россией сепаратистах на Украине», то теперь чаще встречается другое определение — «совместные российско-сепаратистские войска».

Подбор выгодных США фактов. Аудитории предлагается якобы самой сделать вывод из материалов СМИ. Однако в американских СМИ часто дается ложный выбор, когда часть невыгодных фактов заведомо умалчивается. Например, когда был совершен государственный переворот на Украине, американскими политологами отбиралась только информация, дискредитирующая президента В. Януковича и силы правопорядка Украины, при этом умалчивалось о преступных действиях «Майдана» и о попытках физически уничтожить главу государства.

Подмена понятий и ключевых слов через обозначение своих неправомерных действий словами, имеющими нейтральную или положительную окраску. Яркий тому пример — объявление «санкций» против России после воссоединения с Крымом, да и не только против нее. Дело в том, что санкции имеет право объявлять *только Совбез ООН* после соответствующей резолюции. А слово «санкции» было вброшено Вашингтоном в мировые СМИ для обоснования *легитимизации* действий США в сознании мировой общественности.

Использование психотравмирующих событий и информационной «карусели». Авиакатастрофа Боинга «Малайзийских авиалиний»

на Украине в июле 2014 г. стала предлогом для создания широкого западного «санкционного» фронта против России, которую сразу же обвинили в поддержке ополченцев, которые якобы сбили самолет. При этом не было представлено никаких доказательств, были лишь пространные заявления официальных лиц США и догадки псевдоэкспертов. Версия, озвученная Генеральным штабом ВС Российской Федерации, опровергнута не была.

А продвигаемая в западном медийном пространстве (в первую очередь, в СМИ США) история с так называемыми российскими хакерами — яркий пример информационной «карусели», когда эта тема сначала разрабатывается в соответствующих структурах, которые занимаются пропагандой, потом преподносится в виде утечек, ссылок на неназванные источники, далее подхватывается СМИ и возвращается обратно в госструктуры. Они, получив этот полуфабрикат, начинают работать с ним как с «информационным» продуктом, который обретает легализацию и начинает жить полноценной жизнью. Далее эта карусель заходит на второй, более широкий круг: тема выходит за пределы США, где она «проросла корнями», и начинает обрастать информационной «пенной» в других странах¹².

Искажение исторических событий. Разрушительная мощь этого воздействия на все слои общества настолько велика, что оно может поставить под сомнение не только историю государства, но и сам факт правомерности его существования. Это касается как текущих событий в мире, так и истории человечества, фальсификаторы которой пытаются представить Россию — правопреемницу СССР — как мало что сделавшую для освобождения человечества от фашизма¹³. Для этого проводится коренной пересмотр итогов Второй мировой войны. Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход этой войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности — операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй. Из битв, выигранных Красной Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву. Кроме того, в западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли победы англо-американских войск. А такие события, как битва на Курской дуге, победа в которой дала стратегическое превосходство на всех фронтах и освобождение советскими войсками Европы, описывается как бои местного значения, не являющиеся переломными в ходе мировой войны.

«Промывка мозгов» в области истории коснулась не только западного сообщества, но и граждан нашей страны. В 1990-х годах

Россию наводнили различные западные фонды, предлагая всевозможные услуги. Так, американский фонд «Открытое общество» (Open Society Foundation, первоначально Open Society Institute), возглавляемый Дж. Соросом, предложил свои услуги Минобразованию России и стал безвозмездно финансировать выпуск школьных учебников по истории для средних и старших классов. В них Вторая мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а важнейшие события на советско-германском фронте перечисляются через запятую. Так называемую образовательную помощь фонд «Открытое общество» продолжает оказывать и странам Прибалтики, Грузии и Украине. А для Японии история Второй мировой войны была полностью переписана. После знакомства с этим «новделом» большинство японцев стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки – дело рук... СССР(!).

Антироссийская пропаганда так же активно ведется в сетях Интернета. Объектами воздействия являются журналисты, политические и общественные деятели, просто граждане стран ШОС, ОДКБ и СНГ¹⁴. Цель одна – заполнить головы людей самыми изощренными вымыслами. Помимо Интернета, не менее важными по значимости сферами приложения усилий являются телевидение, кинематограф и радио. На просторах информационного пространства последовательно, не прекращаясь ни на минуту, также идет идеологическая война против России. В прокат выпускается множество фильмов, в которых Россия, русские являются антагонистами, и где происходит искажение исторических фактов и российской действительности. А в связи с событиями на Украине, а также в Сирии администрация Обамы резко усилила информационную войну против нее, масштабы которой превосходят самые мрачные периоды холодной войны.

Так, одной из антироссийских программ, касающейся недавних событий в мире, является проект, запущенный после военных действий в Южной Осетии, когда стратеги из Пентагона с удивлением обнаружили, что «отсталая и небоеспособная российская армия», оказывается, способна быстро разгромить «мобильную и высокоэффективную армию будущего», подготовленную американскими инструкторами по стандартам НАТО. Поэтому для пресечения разбоя среди американских союзников на саммите НАТО в Страсбурге (2009) была создана «Служба стратегических коммуникаций» – своего рода американский Агитпроп для европейцев. В США при вашингтонском Центре по анализу европейской политики также было создано подразделение «Инициатива в области информационной войны». Его главная задача – тотальное блокирование

любой информации, которую Россия пытается распространить в странах мира. В январе 2014 г. было объявлено о начале работы в столице Латвии – Риге «Центра стратегической коммуникации НАТО», предназначенного для анализа и противодействия «российской пропаганде». Одновременно британское правительство объявило о создании «Бригады 77», сотрудники которой должны сражаться с «российской пропагандой» на просторах Интернета.

В 2016 г. в Евросоюзе была создана оперативная группа по стратегическим коммуникациям – для запрета распространения российской информации по всем каналам, от публичной дипломатии до онлайн-пространства. Подоплека ее создания – резолюция Европейского парламента от 23 ноября 2016 г. «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». Автор этого документа, бывший министр иностранных дел Польши Анна Фотыга, предложила приравнять российские газеты и телевидение к террористическим организациям «Аль-Каида» и ИГИЛ, которые «ведут активные пропагандистские кампании с целью скомпрометировать европейские ценности и интересы». Поэтому Фотыга призвала Европарламент бороться с «пропагандой Кремля» путем ее разоблачения¹⁵. Для этого усилия западных СМИ сконцентрировались на снижении влияния российских медийных ресурсов, таких как, к примеру, Russia Today и «Спутник», имеющие альтернативную точку зрения на развитие событий в мире, и разоблачающие грязные инсинуации в отношении России.

«Мягкая» и «жесткая» стратегия США в отношении Китая

Другим объектом информационного и иного воздействия США стал негласный лидер ШОС – Китайская Народная Республика, по отношению к которой Вашингтон применяет свою «мягкую» и «жесткую» стратегию. Так, в связи с ростом могущества Китая все чаще стали возникать моменты, когда Соединенные Штаты вынуждены учитывать интересы КНР. В этом плане уместно отметить американскую концепцию «G2». В ней США признавали определенную зависимость от Китая, а также демонстрировали готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах. Однако Пекин отклонил сомнительную идею разделить бремя ответственности с Вашингтоном за судьбы мира. Ныне в США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на нет из-за существования ряда серьезных проблем: Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т.д. В связи с этим, несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих

экономик мира, Америка ревностно защищает от Китая свои передовые технологии. Это выражается, в частности, в установлении торговых барьеров и ограничений на экспорт в КНР высокотехнологичной продукции. Китай также не фигурирует в американском проекте Трансатлантического союза. Если Пекин попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, это усилит угрозу для соседних стран и США. Очевидно, их отношения с Китаем в перспективе будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и регулируемая конфронтация¹⁶.

В связи с этим администрация Обамы в отношениях с КНР активно применяла «мягкую» дипломатию, играя на самолюбии китайцев, стараясь использовать все доступные средства для привлечения их на свою сторону. Однако противостояние с Вашингтоном по ключевым для Пекина вопросам также не способствовало сближению внешнеполитических позиций КНР и США. Так, Б. Обама рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Однако Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность позиции Китая по Украине, которая заключается в «отстаивании необходимости политического решения кризиса», и воздержался во время голосования в СБ ООН. А проект резолюции по ситуации в Алеппо (Сирия) на заседании СБ ООН 5 декабря 2016 г. Китаем был заблокирован. КНР, как и РФ, считала, что во время предлагаемой в проекте гуманитарной паузы боевики восстановят свои силы и перегруппируются, что затянёт установление мира в Сирии. Пока же Пекин не может открыто встать на сторону Москвы, как это было в случае с Сирией и Украиной, ввиду наличия проблемных территорий, таких как Тибет, СУАР и Тайвань¹⁷.

С приходом к власти в Белом доме администрации Трампа ситуация в американо-китайских отношениях может измениться в худшую сторону. Трамп во время предвыборной кампании обещал, что он начнет экономическую войну с Китаем и попытается его потеснить на мировой арене. Именно эта держава сейчас представляет для США наибольшую опасность – экономика КНР развивается стремительно, и ее военное могущество крепнет. Посему Трамп стремится развивать промышленное производство в США, т.к. осознает, что рано или поздно финансовая пирамида, созданная ФРС, рухнет, далее случится дефолт и финансовый кризис. В связи с этим он озабочен возвращением производств из Китая обратно в США. Но как заставить транснациональные корпорации вернуться из Китая? Только если сделать Поднебесную открытым врагом США. И этим Трамп уже занялся. Так, ведущие западные СМИ

при поддержке крупнейших рейтинговых агентств США Standard & Poor's и Moody's предприняли информационные атаки на КНР, прежде всего, против ее финансового сектора, понизив кредитный рейтинг Китая. Трамп также добивается объявления Китая «валютным манипулятором», после чего в отношении его товаров в США будут введены повышенные пошлины, тарифы и прочие сдерживающие китайский товаропоток санкции¹⁸.

Речь также идет об усилении поддержки Соединенными Штатами Тайваня в нарушение ранее поддерживаемого Вашингтоном принципа «одного Китая», который выступает политической основой китайско-американских отношений. По мнению зам. директора китайского НИИ современных международных отношений Юань Пена, если тайваньский вопрос снова окажется в фокусе внимания, то охлаждение китайско-американских отношений будет неизбежно¹⁹.

При этом у Китая есть ответное, невоенное, оружие – триллион долларов в казначейских обязательствах ФРС. Их сброс может начаться в случае объявления США «торговой» войны КНР. Кроме того, в Китае создано рейтинговое агентство Dagong, которое не замешано в коррупционных скандалах, где очевидна деструктивная роль Standard & Poor's и Moody's, приведших к большим финансовым потерям международных инвесторов²⁰.

Применение США стратегии не прямых действий

Для сохранения однополярного мира под эгидой Вашингтона используются и другие методы воздействия на государства, которые не желают следовать в кильватере Соединенных Штатов. Так, важным инструментарием внешнеполитической деятельности США является применение стратегии не прямых действий (СНД) по отношению к странам с «неудобными» Вашингтону режимами. При реализации этой стратегии основные усилия сосредотачиваются на организации внутрисоциальных политических, экономических, территориальных и других противоречий. К сожалению, в республиках Центральной Азии – членах ШОС до сих пор существуют нерешенные проблемы в межгосударственных отношениях, которые могут стать удобным поводом для США использовать в этих государствах стратегию не прямых действий.

К примеру, успех СНД США применительно к соцстранам был достигнут благодаря оказанию тайной финансовой и политической помощи прозападным партиям и движениям в Польше, Венгрии, Чехословакии, что гарантировало успех оппозиции в этих странах.

А чтобы посеять неуверенность среди населения и руководства этих стран, проводились детально разработанные информационно-психологические операции, где активно работали радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», находящиеся под опекой ЦРУ.

В настоящее время возможности для осуществления СНД против неугодных Вашингтону режимов власти значительно увеличились. Борьба, в том числе и вооруженная, перестала быть сущностным признаком войны, она стала составной частью комплексного воздействия, при котором она ведется не за захват территории страны, а для установления там режимов, управляемых извне. Примеров тому множество. Можно вспомнить, как при помощи СНД была проведена «революция роз» в Грузии, свершен государственный переворот на Украине и т.д. При этом целями СНД являлись: изменение внутренней и внешней политики государств с неугодным для США режимами, смена или ослабление там органов власти, изменение конституционного строя, перераспределение властных полномочий, изменение статуса территорий и др. А средствами достижения этих целей — использование экономических, политических, социальных, этнических и иных противоречий в этих странах.

Такая обстановка, к примеру, была характерна для социально-экономической ситуации в СФРЮ в 1960—1970-е гг. Именно тогда США предприняли усилия, направленные на раскол среднего социального слоя страны, разрушение национальной идеи и работы системы государственного управления. Внутри СФРЮ была создана «пятая колонна» из числа агентов влияния, лидеров сепаратистских партий, НПО и СМИ. В результате их деятельности режим Тито столкнулся с усилением либерализма в Сербии и национализма в Хорватии, выступлениями албанских сепаратистов в Косово. Идеями сепаратизма также были проникнуты выступления лидеров этнических движений в Македонии и в Боснии и Герцеговине. Все эти акции тщательно планировались и координировались, обеспечивались крупными финансовыми средствами из Вашингтона. Далее началась гражданская война, участниками которой стали сербы, боснийские мусульмане и хорваты. Это позволило США и другим странам НАТО развернуть информационную кампанию против сербов, а затем и военную операцию при поддержке ООН. Еще до завершения операций НАТО на Балканах там появились новые государственные образования — Мусульмано-хорватская федерация и Косово, которые немедленно были признаны США и рядом других государств. Ныне эти «лоскутные» страны бывшей СФРЮ находятся под внешним управлением Вашингтона

и активно проводят прозападную политику в регионе. При этом в Косово на постоянной основе размещена самая крупная военная база США в Европе²¹.

Миротворческие акции как проводник американской стратегии

Мировому сообществу «в наследство» от XX в. достались локальные войны и вооруженные конфликты, которых в прошлом веке насчитывалось около 300. Ныне они происходят в различных точках планеты, начиная с Юго-Восточной Европы и заканчивая Южной Африкой. При этом миротворчество стало способом обеспечения военного присутствия заинтересованного в этом государства в различных регионах мира, что учитывается Вашингтоном. Так, по подсчетам Исследовательской службы Конгресса США за годы существования этой страны ее вооруженные силы примерно 250 раз принимали участие в операциях за пределами США. Вследствие этого они имеют богатый опыт использования военной силы в качестве умиротворения.

В настоящее время миротворческие силы США размещены в 18 горячих точках планеты: Судане, Бурунди, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Конго, Эфиопии и Эритрее, в Западной Сахаре, в Восточном Тиморе, Индии, Пакистане, на Кипре, в Грузии, на Голанских высотах, в Ливане и в других частях мира. ВС США составляли костяк воинских контингентов, оказывающих поддержку миссии ООН в Афганистане. Вашингтон оплачивает 26% бюджета всех миротворческих операций ООН, во многих миссиях руководящие посты принадлежат американцам, важную роль в СБ ООН играет мнение США в принятии резолюций по миротворчеству. И в случае возникновения военных конфликтов на геополитическом пространстве ШОС (например, между центральноазиатскими странами-членами ШОС, или между Пакистаном и Индией), Вашингтон не преминет этим воспользоваться, чтобы посредством силового умиротворения сторон вмешаться во внутренние дела конфликтующих стран-участниц Организации и закрепить свое влияние на ее пространстве. При этом анализ линии поведения США в области миротворчества позволяет сделать выводы относительно средств и методов, с помощью которых Вашингтон добивается укрепления своего влияния в регионах мира. Вырисовывается ряд **основных тенденций развития американского миротворчества**.

Первая из них – *решительное применение военной силы по отношению к конфликтующим сторонам*. Она будет по-прежнему веду-

щим компонентом американской политики по стабилизации обстановки в горячих точках планеты. Следует ожидать, что в перспективе Вашингтон также не будет консультироваться со своими союзниками при принятии решений о проведении силовых акций в регионах мира. Подобная линия поведения наглядно проявилась в случае с Ираком, когда США принимали решения единолично, не считаясь со странами альянса, при этом заручившись поддержкой лишь со стороны Великобритании.

Вторая тенденция — *усиление американской составляющей в миротворческой деятельности ООН*. В 2009 г. администрация Обамы приняла решение об активизации участия ВС США в миротворческой деятельности ООН. Постпред США в ООН Сьюзан Райс пообещала, что США будут откомандировывать в состав «голубых касок» больше военнослужащих и полицейских. Вашингтон профинансировал расходы ООН на миротворчество более чем на 2,2 млрд долл. (из общей суммы 8 млрд долл.) и раскритиковал Великобританию и Францию за их нежелание направлять свои войска в состав контингентов ООН²².

Перенос миротворческих усилий США на Африканский континент. По прогнозам США, в ближайшей перспективе ожидается существенное (до 28–30%) возрастание удельной доли тропической Африки в мировом импорте нефти. Увеличение будет происходить в основном за счет Нигерии, Экваториальной Гвинеи и Анголы. Исследования также говорят о перспективности нефтеносных районов в приморских шельфах Сахельской зоны. Поэтому приоритет политики США на африканском направлении будет таким же, что и на Ближнем Востоке, — глобальный контроль за энергоресурсами. Для обоснования важности африканского направления Пентагон выдвинул программу «Транссахарская контртеррористическая инициатива». Ее целью является совершенствование возможностей ряда стран Африки противодействовать террористическим угрозам. К участию в этой программе привлечены Мали, Мавритания, Нигер, Чад, Сенегал, Алжир, Марокко и Нигерия, которые приступили к разработке планов совместных действий с США. Что касается аспектов развития африканских стран в посткризисный период под контролем Вашингтона, то здесь можно привести другие примеры. Так, после завершения активной фазы миротворческой операции в Либерии, руководство ООН предложило американской компании DynCorp International принять участие в программе воссоздания либерийской армии. Эта структура также привлекалась для подготовки сил полиции в Афганистане и Ираке.

Усиление военной составляющей операций невоенного типа и контроля за их ходом тоже является характерной чертой американского миротворчества. Милитаризация гуманитарных и других операций невоенного типа наиболее отчетливо проявилась в ходе миротворческих операций на Балканах. Анализ этих операций показал, что гражданские организации оказались не в состоянии справиться с резко увеличившимся объемом гуманитарных и других задач в конфликтных районах мира²³. Поэтому привлечение ВС США к операциям невоенного типа стало оказывать большое влияние на формирование международных структур военно-гражданского взаимодействия. Так, модель военно-гражданского сотрудничества в настоящее время наиболее развита в рамках НАТО и базируется, главным образом, на опыте США в этой области.

Усиление информационно-психологической составляющей операций, проводимых США. Как уже отмечалось, особое место при подготовке и проведении миротворческих акций отводится СМИ, формирующим благоприятное общественное мнение по отношению к политике США. Так, в ходе операции США/НАТО против СФРЮ силы и средства психологической войны США активно работали и с мировой общественностью, и в зоне конфликта. Особенно деятельными в зоне конфликта были 4-я группа психологических операций, а также 193-я эскадрилья спецназначения ВВС США. Действенным элементом операции ВС США «Несгибаемая свобода» в Афганистане также было проведение информационно-психологических акций. Они включали: оказание психологического воздействия на противоборствующую сторону; поддержание лояльных отношений с силами «Северного альянса», правительственными организациями и с местным населением. Основными объектами воздействия являлись боевики «Талибана» и «Аль-Каиды», подразделения афганских войск, а также население страны. Воздействие на них способствовало успешному ведению боевых действий ВС США и достижению задач с минимальными потерями.

Привлечение к участию в миротворческих миссиях частных военных компаний. За последние 20 лет резко увеличилось число частных военных компаний (ЧВК), которые предоставляют свои услуги в зонах вооруженного конфликта. При этом 70% услуг приходится на долю компаний из США и Великобритании. Американские ЧВК предоставляли не только услуги по тыловому обеспечению войск в ИРА, но и снабжали Пентагон данными разведки. Среди них компания Blackwater Worldwide, переименованная в «ХЕ» (2009), которая считается крупнейшей ЧВК в мире. Это небольшая, но мощная «частная армия» — в ее рядах около 2,3 тыс. наемников на службе и около

25 тыс. в резерве. Эта организация оказывает активную поддержку американским войскам в Ираке. Она же — в числе главных подрядчиков МО и Госдепартамента США в других горячих точках планеты. Твердых правил ее деятельности в зонах конфликтов просто нет, а ответственность за содеянное находится «в юридическом тумане»²⁴.

Популяризация американской модели миротворчества. Для этого в США была учреждена программа «Военное образование и подготовка зарубежных кадров» (ВОПЗК). Ежегодно в ее рамках проводится подготовка более 10 тыс. слушателей из 120 стран мира. Подготовка осуществляется на базе двух военных вузов США — Центра военно-гражданских отношений при высшей школе ВМС и Университета национальной обороны. А мобильные преподавательские группы ВОПЗК направляются в зарубежные страны для обучения военных непосредственно в пунктах их постоянной дислокации, что позволяет американскому командованию достигать своих целей при меньших финансовых затратах. Приоритетным направлением является обучение слушателей из стран, участвующих в операциях США (на эти цели выделяется почти 75% средств). Например, в программе ВОПЗК участвовали слушатели из 29 стран, направивших свои ВС в Исламскую Республику Афганистан (ИРА) и Ирак. Фактически обучение на курсах ВОПЗК является негласным требованием для выдвижения на высокую командную должность в министерствах обороны многих стран мира. Так, начиная с 1985 г. по этой программе был подготовлен 471 иностранный военнослужащий, 25 из которых впоследствии стали главами государств, послами, министрами обороны, начальниками родов войск и командующими силами ООН.

В результате обучения в США большинство выпускников программы ВОПЗК становятся активными распространителями проамериканских взглядов и мнений в национальных аудиториях, связанных с обеспечением американской внешней политики, включающей создание позитивного имиджа США за рубежом; формирование в странах мира правящей элиты, лояльной к военно-политической деятельности Вашингтона; навязывание стандартов США при строительстве национальных ВС, американской техники и вооружения.

Возможная политика администрации Д. Трампа в сфере применения «мягкосилового арсенала»: потенциальные угрозы для государств ШОС

В перспективе не следует ожидать, что при президенте Д. Трампе Вашингтон станет меньше вмешиваться в дела других стран. Поли-

тику и стратегию, которые проводились предыдущими администрациями США на мировой арене, нельзя изменить в одночасье. Изменятся ли они радикально при 45-м президенте США, станет ясно после первых 100 дней его президентства. До этого можно сделать некоторые выводы о возможном использовании администрацией Д. Трампа «мягкосилового арсенала» США в области глобальной политики и стратегии.

Во-первых, основанием того, что Трамп не изменит в начале своего президентского срока предыдущий внешнеполитический курс США, является сосредоточение его деятельности на решении внутренних проблем. Тем не менее, он откажется от ненужных глобальных затрат и поддержки тех государств, которые не несут Америке должной выгоды. По отношению к другим странам есть два пути – либо экономическое и силовое давление (при Обаме оно показало всю бессмысленность в отношениях с Россией) или же договоренности на основе совпадающих интересов сторон. Очевидно, Трамп выберет второй путь. Это будет прагматичный подход, направленный на усиление геэкономических, а не геополитических позиций США в мире. Будет больше переговоров по совместному решению существующих проблем и развитию мирового сообщества. В этом и будет состоять новый геополитический курс США при Д. Трампе.

Во-вторых, при 45-м президенте США на мировой арене будет происходить дальнейшая поляризация сил. Одни встанут на защиту сложившегося одностороннего миропорядка с доминирующей ролью США, другие продолжат укреплять формирующийся многополярный мир. Свидетельством этому является развитие структур ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Поэтому против членов этих объединений информационные войны продолжатся.

Политическая и иная пропаганда тоже будут использоваться США и их союзниками для «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными. Скрытие важных фактов и событий, значимых для мировой общественности, погружение правдивой информации в массив информационного мусора, нагромождение лжи – эти и другие методы позволяют манипулировать общественным мнением в выгодном США направлении всеми путями: через СМИ, Интернет, систему образования и т.д., где намеренно искажаются исторические и современные события²⁵. Союзные США государства также будут использовать свой «мягкосилового арсенал» для организации «цветных революций» и переворотов в неудобных им странах. Совместно с США им уже удалось

столкнуть в хаос Ливию, Сирию, провести «цветную революцию» в Грузии, разжечь войну на Украине.

Поэтому в Европе начинают постепенно осознавать опасности «однополярного мира» и негативные последствия повсеместного насаждения «американских ценностей». Эти последствия уже видны: небывалый наплыв в Европу беженцев из стран, где «поработали» дипломаты и военные США, размах терроризма, зоны нестабильности в Юго-Восточной Азии и в Африке, кризис европейской идентичности и подъем национализма. И наконец — рост взаимного недоверия в самой Европе и даже стремление к восстановлению старых национальных границ²⁶.

В-третьих, что касается использования других средств из «мягкосилового арсенала» США, то на подход администрации Д. Трампа в этой области будет влиять целый ряд факторов, а именно: национальные интересы Соединенных Штатов; действия других государств на мировой арене; различия во взглядах США и остальных стран на проблемы безопасности и связанная с этим необходимость усиления сдерживания со стороны Соединенных Штатов в условиях модернизации их обычных и ядерных сил; бюджетная и экономическая ситуация в США; мнения сената и конгресса США, а также экспертов по поводу использования американского «мягкосилового арсенала». При этом США будут продолжать использовать как «умную силу», так и СНД для продвижения своих интересов в мире.

В-четвертых, Пентагон будет продолжать активно использовать миротворческий потенциал США, позволяющий при помощи миротворчества устанавливать мир в «горячих точках» планеты в выгодном для Вашингтона ракурсе. Именно под флагом миротворчества, а после 11 сентября 2000 г. — под лозунгом борьбы с терроризмом, США создали военные базы на Балканах и в ИРА, расширяют свое присутствие в Африке. Вполне вероятно, что если в Закавказье (в Южной Осетии, Абхазии или в Нагорном Карабахе) или же в Центральной Азии (в Ферганской долине) возобновятся военные действия, Пентагон не преминет этим воспользоваться, введя туда своих миротворцев под флагом ООН. Очевидно и то, что практика разрешения военных конфликтов силами других международных организаций (НАТО), где США играют одну из «первых скрипок в оркестре», продолжится. При этом неравенство партнеров США в средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, а также в политических и экономических возможностях приводит к фактическому подчинению политики этих организаций целям и задачам политики Вашингтона. А когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества рушится «старая»

государственная структура страны и начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у Вашингтона появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Американские НПО, тянущиеся за миротворческими миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от США. В результате американский бизнес, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики страны и разработку там полезных ископаемых. Так было на Балканах и в Африке, где компании США одерживали безоговорочную победу над конкурентами.

В-пятых, при 45-м президенте США информационная война против России будет продолжена, однако не в том виде, как это было при Б. Обаме, при котором она часто давала обратный эффект. Так, вывод большей части российских ВКС из Сирии в 2016 г. был расценен мировым сообществом как победа Путина над Обамой. Кроме того, отмечается тенденция подъема патриотизма в России.

Однако, несмотря на ожидаемые позитивные результаты встреч президентов Д. Трампа и В. Путина, большая часть санкций США против России в ближайшей перспективе снята не будет. Этому препятствуют антироссийски настроенные конгресс и сенат США, которые ввели эти санкции «до тех пор, пока Крым не вернется в состав Украины», на что Россия не пойдет ни при каких обстоятельствах. В других вопросах глобальной и региональной безопасности следует ожидать прогресса в российско-американских отношениях, в том числе в рамках совместной борьбы против ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры», сокращения в мире ядерных арсеналов и при решении других проблем, где позиции США и РФ совпадают.

В-шестых, в случае объявления Трампом «торговой войны» Китаю Россия столкнется с рядом проблем: из-за резкого падения производства Китаю не будет нужно много российских энерго-ресурсов; КНР начнет сбывать свои товары повсюду, особенно в Центральной Азии, где Китай укрепляет свои позиции, ослабляя российское присутствие; безработица в КНР подтолкнет к массовой миграции в Россию, которая начнет вводить ограничительные меры. Поэтому следует ожидать, что по этим проблемам в рамках ШОС начнутся переговоры и выработка компромиссов, при помощи которых эти проблемы будут разрешены. Ибо Китай и Россия тесно сотрудничают и поддерживают друг друга по вопросам, затрагивающим их ключевые интересы. Россия неоднократно подтверждала, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая²⁷.

Россия и КНР считают, что споры вокруг Южно-Китайского моря должны решаться через прямой диалог непосредственно заинтересованных стран политическими и дипломатическими методами,

и никто из внешних игроков не должен вмешиваться в их решение. Москва и Пекин стремятся к созданию многополярного миропо-рядка и выступают за укрепление ведущей роли ООН в междуна-родных делах, призывая все стороны мирным путем урегулировать ситуацию в Сирии, ядерную проблему Корейского полуострова, ситуацию в ИРА и другие мировые и региональные проблемы²⁸.

В-седьмых, исходя из опасных последствий применения «мягко-силового арсенала» США и их союзниками для безопасности госу-дарств ШОС, странам-участникам этой Организации необходимо совместными усилиями с Российской Федерацией и КНР бороться против тех, кто обещает привести к «благоденствию» путем рево-люционных и иных потрясений. Для этого целесообразно более активно развернуть сотрудничество в сфере усиления совместной борьбы с «тремя силами зла», обеспечения информационной без-опасности и противодействия западной стратегии непрямых дей-ствий. Также было бы целесообразно более активно использовать «медийное пространство» ШОС для разоблачения западных попы-ток посеять вражду и недоверие между членами этой Организации и вбить клин между ними и лидерами ШОС — Китаем и Россией.

В связи с этим гражданам стран ШОС предстоит сделать выбор — поддаваться западной пропаганде или же иметь свое мнение. А задача органов власти членов Организации заклю-чается в том, чтобы не позволить Западу лишить страны ШОС суверенитета, и продолжать содействовать коллективным усилиям в установлении многополярного мира, основанного на совместной деятельности в решении глобальных и региональных проблем²⁹. Нет сомнения, что сотрудничество государств ШОС по сопряже-нию Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути может стать важным двигателем интеграции Евра-зийского региона³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Joseph S. Nye*. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. April 30, 2013. URL: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>

² *Владимирова Л.* Китай: политика мягкой силы. URL: <http://www.nbenegroup.com/true/thePolicy.html>.

³ *Joseph S. Nye*. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. April 30, 2013.

⁴ *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М., 2016. 376 с.

⁵ *Морозов Ю.* Глобализация как теория и реальность: военный и политический аспекты // Красная звезда. Вып. от 19.03.2014 и 22.03.2014.

⁶ Цит. по: *Черных Е.* Сможет ли Россия противостоять электронным атакам // Комсомольская правда. 03.03.2011.

⁷ *Libicki Martin C.* What Is Information Warfare? Strategic Forum # May 28, 1995. URL: <https://dodccrp.org>

⁸ *Molander R. C., Riddile A. S., Wilson P. A.* Strategic information warfare: a new face of war. URL: <http://rand.org>

⁹ Joint Publication 3-13/Information Operations/27/11/1998 Incorporating Change 120. 2014. URL: <http://dtic.mil>

¹⁰ *Давыдов Е.* Информационная война против России: «момент истины». URL: <https://cont.ws/@eugene-davidov/98702>

¹¹ *Морозов Ю.В. Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35–49.

¹² Брифинг представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва, 12 января 2017 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2591233#0

¹³ *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.

¹⁴ *Dorothy E.* Information Warfare and Security/ Future of Information Warfare – Wesley, December 1998. URL: <https://airpower.maxwell.af.milles>.

¹⁵ *Тихомиров В.* «Миссис лицемерие» и просто «царь». Кто управляет американским президентом? URL: https://life.ru/t/cwa/950853/missis_litsiemierie_i_prosto_tsar_kto_upravliaiet_amerikanskim_

¹⁶ *Морозов Ю.В.* Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34–45.

¹⁷ *Николайчук И.А.* Политическая медиаметрия: зарубежные СМИ и безопасность России. М., 2015. 230 с.

¹⁸ Кризисные войны: Рейтинговые агентства против ШОС. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/22-04-2016/1299227-shos-0>

¹⁹ *Ван Фан.* Отношения между Китаем, США и Россией – перспективы развития // Китай №2 (136). Февраль 2017.

²⁰ Путин и Трамп: курс к новому мировому порядку. Прогноз на 2017–2021 гг. URL: <http://kolokolrussia.ru/vzglyad-redaktora/putin-i-tramp-kurs-k-novomu-mirovomu-poryadku-prognoz-na-20172021#hcq=nlBla8qhttp://kolokolrussia.ru>

²¹ *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества // Изд. центр военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ, Институт политического и военного анализа. М., 2001. 376 с.

²² Газета. Ру. 06.08.2009.

²³ *Исмаилов Т.* О том, как США используют международное сотрудничество. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/21242>

²⁴ Blackwater WorldWid. URL: <http://military-az.com/forum/viewtopic.php?p=57679>

²⁵ Information Operation Roadmap. URL: <https://nsarchive.gwu.edu>

²⁶ *Костиков Вячеслав.* От Фултона до Мюнхена // Аргументы и Факты. № 7 от 15 февраля 2017.

²⁷ *Ли Хуэй.* Углубление китайско-российских отношений на благо народов обеих стран. URL: <http://viperson.ru/articles/uglublenie-kitaysko-rossiyskih-otnosheniy-na-blago-narodov-obeih-stran>

²⁸ Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества 2013-2015: прогнозы, сценарии и возможности развития. М., 2013. 120 с.

²⁹ Ли Хуэй. Указ. соч.

³⁰ Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2016. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=486>

Е.И. Сафронова
к.э.н., ведущий научный сотрудник
Центра изучения и прогнозирования
российско-китайских отношений ИДВ РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ШОС

Аннотация. В статье рассматриваются этапы и задачи экономической дипломатии Китая в СВА, а также ее особенности как факторы поддержания региональной стратегической безопасности. Автор отмечает, что проект «Один пояс, один путь» может расцениваться как новейшее, весьма значимое направление экономической дипломатии Китая, обладающее яркой спецификой. В статье также характеризуются исходные предпосылки и возможные перспективы сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» (или ее субпроекта ЭПШП) с другими интеграционными начинаниями в СВА.

Ключевые слова: Китай, Северо-Восточная Азия (СВА), экономическая дипломатия, безопасность, проект «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), ШОС, ЕАЭС, конкурентные преимущества.

Elena I. SAFRONOVA

CHINA'S ECONOMIC DIPLOMACY IN NORTHEAST ASIA AS A SECURITY FACTOR OF THE SCO

Abstract. This article discusses milestones and goals of China's economic diplomacy in Northeast Asia, as well as its peculiar properties as factors of the regional strategic security. The author notes, that the "One Belt, one Road" (OBOR) project may be regarded as a neoteric and highly significant vector of China's economic diplomacy possessing its own salient features. The article also characterizes premises and probable prospects of the conjugation of the OBOR initiative (or its SREB subproject) with other integration undertakings in Northeast Asia.

Keywords. China, Northeast Asia, economic diplomacy, security, "One Belt, one Road" (OBOR) project, Silk Road Economic Belt (SREB), SCO, EAEC, competitive advantages.

С накоплением КНР хозяйственной силы и международного влияния ее экономическая дипломатия не может не обретать все большего «размаха», будучи мощным инструментом бонификации ее отношений с зарубежными партнерами, в том числе государствами-членами ШОС.

В мировой политологии под экономической дипломатией (ЭД) понимается особое направление дипломатической работы международного актора, при котором хозяйственные проблемы двустороннего или многостороннего уровня используются в качестве объекта и средства давления (или сотрудничества) в международных отношениях. Автор же предпочитает трактовать экономическую дипломатию как способность государства посредством несиловых дипломатических методов максимально эффективным образом использовать свои сравнительные (конкурентные) хозяйственные преимущества для достижения внешнеэкономических и/или внешнеполитических целей¹.

В самом Китае под экономической дипломатией (*jingji waijiao*) понимают два направления международной деятельности страны: а) использование «классической» дипломатии для достижения целей и выгод экономического свойства и б) применение экономических рычагов для реализации внешнеполитических установок и задач².

Какой из этих двух аспектов важнее и где пролегает грань между ними — остается предметом дискуссии в КНР. На наш взгляд, симптоматична точка зрения профессора Китайского университета иностранных дел (*Вайцзяо сюэюань*) Чжоу Юншэна, который усматривает несомненную целесообразность в отходе от политического измерения экономической дипломатии в сторону большего внимания к мирохозяйственной подоплеке международной работы страны. Исследователь полагает, что именно на основе умелого сочетания политических подходов и экономических мер (с упором на последние) можно максимально эффективно обеспечивать хозяйственное развитие Китая³.

Китайские специалисты выделяют четыре основных этапа развития ЭД КНР.

Первый связывается ими с началом реформ и политики экономической открытости конца 1970-х — начала 1980-х годов, когда КНР приступила к поискам устойчивых связей и собственной ниши в международной экономической системе, пытаясь адаптироваться к базовым принципам последней.

Второй этап (с начала 1990-х годов), по мнению китайских экспертов, был ознаменован усилиями Китая вступить в отношения «интеграции», а именно — расширения экономического сотрудни-

чества с наиболее развитыми экономиками мира, в частности, для нивелирования последствий событий на площади Тяньаньмэнь, повлекших введение рядом западных стран экономических санкций в отношении Поднебесной.

В то время Китай предпринял целый ряд мер для внедрения в международные и региональные экономические форумы – АТЭС в 1991 г., Банк международных расчетов (1996). Несколько позже КНР вступила в ВТО (2001).

В 1990-е годы началась и практика создания Китаем зон свободной торговли (ЗСТ) на региональном уровне.

Третий этап (с 2010 г.) для китайских исследователей ассоциируется с тем, что КНР, став тогда второй экономикой мира, начала проводить экономическую дипломатию лидера, выдвигая свои проекты и педалируя собственные принципы ведения дел на мирохозяйственной арене. Если в 1990-е годы Китай предпочитал просто присоединяться к существующим международным экономическим организациям, то с начала 2000-х годов он стал сам инициировать создание региональных структур, рассчитывая играть в них ведущую роль (помимо ШОС, это зона свободной торговли КНР с АСЕАН и подписанное в мае 2012 г. Соглашение об инвестиционном сотрудничестве – предвестник создания зоны свободной торговли Китая, Японии и Южной Кореи)⁴.

Следует заметить, что, стремясь на данном этапе занять авангардные позиции в таких региональных экономических организациях, как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, КНР преследовала не столько экономические, сколько политические цели, а именно: хозяйственными средствами нивелировать попытки США устранить Китай из процессов принятия решений в регионе.

И наконец, четвертый этап в работах китайских авторов связывается с текущими поисками Китаем новых средств, методов и векторов его ЭД, направленных на эффективизацию внешнеполитического и внешнеэкономического курсов КНР в условиях мирового кризиса и расширения процессов глобализации, а также с решением задач нюансировки международного статуса КНР, что означает позиционирование Китая не только как развивающейся страны, но и как «влиятельной крупной державы»⁵.

Этот этап ознаменовался пополнением практического инструментария ЭД Китая в СВА и в АТР за счет двух- и многосторонних переговорных процессов по либерализации торговых связей, включая скорейшее успешное завершение соответствующих переговоров с Южной Кореей и «апгрейд» Соглашения о свободной

торговле с АСЕАН, достижение ощутимого прогресса в переговорах о Всеобъемлющем экономическом партнерстве в регионе, активизацию переговоров по линиям «Китай–Южная Корея» и «Китай–Япония» и тем самым – совершенствование формата «АСЕАН+3»⁶.

Думается, что специфика текущего этапа экономической дипломатии Китая заключается и в том, что в число ее «мишеней», помимо таких важных сфер, как энергетика и транспортная логистика, вошло и расширение ресурсной базы страны, причем за счет зарубежных территорий.

В целом, в Китае полагают, что если во времена холодной войны экономика обслуживала интересы политики, а во времена реформ и открытости – наоборот: политика была подчинена задаче ускоренного внутреннего экономического развития Китая, то с начала XXI в. экономические и политические интересы КНР настолько переплелись и усложнились, что это потребовало особой модернизации внешнеполитического курса страны. Речь идет о такой модернизации, которая сделала бы возможным искусное сочетание экономических рычагов с «классической» дипломатией для параллельного достижения и хозяйственных, и политических целей⁷.

Ныне китайскими специалистами выделяется пять стратегических задач экономической дипломатии Китая в СВА.

1. Стабилизация отношений со странами-соседями.
2. Нейтрализация попыток Вашингтона сместить расстановку сил в Азии в пользу США.
3. Консолидация транспортных и иных экономических связей с европейским континентом.
4. Качественное углубление сотрудничества с крупнейшими и/или «восходящими» державами, такими как Россия и Индия;
5. Эффективная защита китайских стратегических интересов как на море, так и на суше⁸.

Представляется, что этот перечень можно дополнить еще четырьмя пунктами:

6. Обеспечение благоприятного внешнего климата для внутренних преобразований, главным образом – на Северо-Западе КНР.
7. По возможности недопущение сначала в Северо-Восточной Азии (СВА), а затем и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) безусловного хозяйственного доминирования какой-либо политико-экономической и/или идеологической силы, включая не только США, но и Японию

- (и может быть, даже Россию). Но при этом, во всяком случае в обозримой перспективе, учет трех ключевых принципов — многосторонности, регионализма, признания интересов других исторически присутствующих в регионе государств.
8. Совершенствование международного имиджа и стратегической репутации Китая в регионе и дискредитация концепции «желтой угрозы» путем демонстрирования мирных экономических достижений КНР.
 9. Укоренение в регионе выгодного Китаю поведенческого кода в сфере коммерческих и иных внешнеэкономических операций, продвижение в качестве примера китайской модели социально-экономического развития⁹.

Понятно, что арсенал экономической дипломатии включает стимулирование торговли, инвестирование, средства и механизмы кредитования, в том числе в валюте и/или на беспроцентной основе, помощь продовольствием, товарами жизненной необходимости и т.д. Все это — механизмы «поощрительной» экономической дипломатии.

А введение санкций, внешнеторговый протекционизм, манипуляции с импортными или экспортными пошлинами и тарифами — это рычаги «наступательной» ЭД, которая, что бы там ни говорилось, зачастую проявляет большую эффективность в мировой хозяйственной жизни.

Умение плодотворно изыскивать сферы, уровни экономической дипломатии (глобальный, региональный и/или двусторонний), а также определять меру соотношения наступательной и поощрительной ЭД — это есть показатель искусства «классической» дипломатии страны как таковой. В Поднебесной подчеркивают намерение преимущественно использовать стимулирующие механизмы, что трактуется как уникальная характеристика экономической дипломатии Китая, свойственная только ему¹⁰.

Однако, на наш взгляд, любая страна, национальное хозяйство которой находится в высокой зависимости от итогов внешней торговли (а доля внешней торговли КНР в ее ВВП, по подсчетам, составляет от 50 до 60% в различные годы¹¹), все же чаще вынуждена вести именно наступательную ЭД, а КНР — особенно, ибо внешнеэкономические связи для нее критически важны в плане получения доступа к ресурсам и рынкам, необходимым для сбыта изготавливаемой продукции в условиях кризиса, а также к факторам производства, жизненно важным не просто для повышения качества жизни, но и для выживания быстро воспроизводящегося населения¹².

Отсюда «высвечивается» и вся важность совершенствования транспортной сети, обслуживающей внешнюю торговлю.

В свете этого утверждения разветвляющийся проект Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века (инициатива «Один пояс, один путь») логично рассматривать в качестве не просто новейшего, но инновационного и весьма мощного инструмента и слагателя экономической дипломатии КНР. Проект призван оптимально переориентировать региональную повестку дня с вопросов «чистой» стратегической безопасности в сторону проблем экономического роста и сотрудничества.

Инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также тренд к формированию двусторонних и многосторонних зон свободной торговли (ЗСТ) и к разработке новых внешнеэкономических и транспортных стандартов, свидетельствуют об эволюции ЭД Китая в СВА в сторону расширения «регионального сотрудничества и зоны добрососедства и дружбы», а главное — обеспечения «мирного сосуществования нового и старого геоэкономических секторов»(!)¹³. Последнее утверждение представляет особый интерес, ибо свидетельствует о намерении Китая сочетать наработки нового момента с опытом старой модели хозяйствования, свойственной многим странам в СВА, без кардинального слома последней. Это говорит о взвешенном подходе КНР к методам осуществления ее региональных начинаний: Пекин не хочет «напугать» потенциальных партнеров своей напористостью.

Конечно же, инициатива ЭПШП нацелена и на реализацию «традиционных» экономических задач — ускорение развития транспортной инфраструктуры внутри и вовне страны, расширение технического и производственного сотрудничества со странами-партнерами, а также на оптимизацию финансовой кооперации с ними.

Ныне использование экономических рычагов видится Пекину более правильным путем достижения «открытого и инклюзивного регионального порядка», причем такого, который будет обладать «встроенной» невосприимчивостью к попыткам создания руководимой США союзнической системы, нацеленной на сдерживание КНР¹⁴.

Инновационность ЭД Китая в аспекте проекта «Один пояс, один путь» можно проиллюстрировать примерами формирования таких доселе невиданных практических инструментов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути (ФШП). Эти две финансовые институции призваны не только обеспечивать финансирование экономической стороны дела, но и поднять на новую высоту региональную хозяйственную интеграцию как таковую.

В настоящее время парадигма взаимодействия между широко таргетированным АБИИ и ФШП, предназначенным для материального обеспечения именно проекта «Один пояс, один путь», еще не выработана. Это и составляет интересную и важную базу для делового мониторинга и построения политико-экономических и финансовых прогнозов.

В целях повышения эффективности ЭД Китая в аспекте «Пояса и пути» эксперты из КНР выдвигают целый ряд рекомендаций.

Например, Гао Чэн полагает, что Пекину следует:

- 1) не акцентировать политическую значимость проекта «Пояс и путь», решительно отрицая его «сходство» с «Планом Маршалла». Это позволит сгладить подозрения мирового сообщества в принудительном характере китайской инициативы;*
- 2) приложить действенные усилия по достижению независимости восточноазиатской производственной системы и торговораспределительной сети, в частности путем развития в регионе конечных потребительских цепочек для нейтрализации фактора спроса со стороны западных рынков;*
- 3) расширять практику заключения двусторонних соглашений (как элементов экономической дипломатии) с теми странами, которые уже не нуждаются в усиленном «подталкивании» их на компетентный уровень, и в которых условия для взаимовыгодной кооперации вызрели естественным путем;*
- 4) соблюдать такие принципы, как многоуровневость и дифференцированный подход, ибо в этом случае ЭД будет не только хозяйственно, но и политически более эффективной в тех странах, которые не имеют с Китаем традиционных споров по вопросам безопасности. Поэтому Пекину следует сосредоточить свои усилия на «дружественных» и «нейтральных» странах с целью привлечь их к формированию особой политико-экономической среды в регионе — среды, не благоприятствующей политике США по сдерживанию растущей мощи Китая¹⁵.*

Думается, что страны-члены Шанхайской организации сотрудничества, особенно центральноазиатский сегмент ШОС, и являют собой группу тех самых «дружественных и нейтральных» стран, наиболее пригодных для участия в формировании неамериканского (но и некитайского) климата в СВА и вокруг нее.

Действительно, именно государства Центральной Азии явственно придерживаются многовекторной внешней политики в надежде на дружественное сотрудничество как с Востоком, так

и с Западом, и именно они не склонны занимать чью-либо сторону в геополитическом противостоянии державных акторов.

Кроме того, страны региона видят в многовекторности своих ВЭС средство защиты от монополизации экономических ресурсов Центральной Азии. Поэтому-то они вели и будут вести «игру» на столкновении интересов Запада и Востока.

Положение изменится только тогда, когда какой-то один международный актор докажет свое безусловное превосходство и как донор, и как стабилизатор региональной ситуации. К этому стремятся и Китай, и США, от этого не откажется и Россия при формировании благоприятных для нее обстоятельств. На настоящий момент Пекин уже достиг успеха в том плане, что в обозримом будущем центральноазиатские государства вряд ли будут явно следовать проамериканской линии¹⁶.

Положение центральноазиатских государств на перекрестке зон и путей влияния является залогом и предпосылкой их нейтральности там, где она возможна и целесообразна. Понятно, что при всей заинтересованности в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР страны Центральной Азии (ЦА) не могут не учитывать курс Вашингтона на «возвращение США в АТР», инициированный в 2011 г. Поэтому им необходимо поддерживать спокойные партнерские отношения с США и их союзниками.

Фактическая нейтральность центральноазиатских стран (пусть и не провозглашенная де-юре) служит на современном этапе механизмом защиты их политической самостоятельности. Похоже, что Пекин это учитывает и посему не стремится открыто «перетянуть» государства ЦА в стан своих безусловных политических последователей. (Да это сейчас и невозможно в силу интереса центральноазиатских столиц к диалогу с Вашингтоном.)

Поскольку военно-силовой метод сдерживания позиций США в СВА, а также в Южной Азии, где расположены два новых члена ШОС – Индия и Пакистан, для Китая неприемлем, то экономическая дипломатия остается для Пекина единственно возможным механизмом закрепления на территории региона и тем самым – сужения поля для маневра США. К настоящему времени экономические отношения с государствами СВА уже стали для КНР фактором стратегической безопасности, поскольку без их развития Китаю вряд ли удастся консолидировать свои позиции в этой части света¹⁷.

Думается, что в случае успеха «Пояса и пути» как инструмента китайской ЭД функциональный ареал США подвергнется очевидной и значительной рестрикции.

Что касается нетрадиционных угроз в СВА и ШОС (терроризм, контрабанда наркотиков, инфекционные заболевания, нелегальная миграция, а также факторы, угрожающие окружающей среде, экономической, финансовой и информационной безопасности¹⁸), то роль ЭД как средства их нивелирования может быть весьма действенной и значимой. Ибо эти угрозы во многом имеют выраженную социально-экономическую базу и подоплеку¹⁹.

Четвертый, современный этап экономической дипломатии Китая недавно был ознаменован новыми успехами благодаря визиту премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна в четыре страны Евразии (ноябрь 2016 г.). Китайский руководитель посетил Кыргызстан, Казахстан, Латвию и Россию. Некоторые эксперты склонны полагать, что эта поездка дала недвусмысленный сигнал всему миру о том, что Китай уже полностью готов играть роль политико-экономического лидера не только на региональной, но и трансконтинентальной арене²⁰.

Основной целью турне премьер-министра Госсовета стала подготовка почвы для реализации инициативы ЭПШП в указанных странах, и визит действительно способствовал заложению условий для этого не только в Азии, но и в Восточной Европе.

О степени внедрения проекта ЭПШП в Восточную Европу свидетельствует латвийская часть поездки Ли Кэцзяна. Это был первый визит китайского лидера такого уровня со времени провозглашения Латвией независимости в 1991 г. Помимо того, что КНР стала крупнейшим торговым партнером этой страны в Восточной Азии, Латвия уже нашла свои подступы к проекту ЭПШП.

Тема участия в ЭПШП центральноевропейских и восточноевропейских стран была продолжена в Варшаве на встрече лидеров этих государств, куда тоже был приглашен китайский премьер. К настоящему времени Китай принял участие в строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСЖДМ), соединяющей Сербию и Венгрию, которая была названа флагманом проекта «Один пояс, один путь».

Наблюдая активность Китая по расширению ареала ЭПШП, нельзя не задаться вопросом о том, насколько ЭПШП способен отвлечь внимание на себя и тем самым снизить роль ШОС? Не приведет ли приоритизация проекта ЭПШП к размыванию значения Шанхайской группы? Или же наоборот: может, совместные усилия стран-членов ШОС по строительству ЭПШП наконец-то приведут к обретению Организацией долгожданной экономической осмысленности?

Второй вариант развития событий представляется более вероятным, поскольку КНР дорожит ШОС – своим детищем и единствен-

ной международно-региональной структурой, целенаправленно созданной для обеспечения китайских политико-экономических интересов в режиме online. Посему КНР совершенно не заинтересована в ослаблении и/или распаде Организации.

Конечно, Китаю придется значительно «вложиться» в одно-временное продвижение ЭПШП и «доводку» ШОС под условия и задачи «Шелкового проекта». Но возможно, что Пекин скорее пойдет на дополнительные и значительные финансовые издержки, нежели позволит Организации утратить с таким трудом достигнутое ею международное значение.

Если события будут развиваться именно так, то ШОС по принципу сообщающихся сосудов отвлечет на себя ресурсы из китайского бюджета, и это может замедлить реализацию ЭПШП. Однако данное обстоятельство имеет и обратную сторону: парадоксальным образом оно создаст еще одну связующую хорду между проектами *ШОС и ЭПШП*, ибо реалии современной финансово-экономической жизни таковы, что начинания, «повязанные» общими деньгами, демонстрируют повышенную зависимость друг от друга.

Но сразу возникнет и второй вопрос: каков будет алгоритм сочетания проектов ШОС и ЭПШП на уровне межгосударственного общения стран-членов? Сумеет ли Китай сплотить страны-участницы ШОС на почве создания ЭПШП? Хватит ли у экономической дипломатии КНР переговорных и административных ресурсов для одновременного ведения двух названных проектов?

Думается, что вплетение ШОС в ткань ЭПШП является залогом не просто долготетия, но и самого выживания ШОС, ибо даже при всей своей мощной ресурсной базе Китай вряд ли сможет адекватно обеспечивать потребности и ШОС, и ЭПШП как параллельных, автономных друг от друга организмов. Поэтому их сопряжение — это не только насущная необходимость, но и дело престижа КНР.

Что касается сочетаемости *ЭПШП и ЕАЭС*, то российский исследователь С.Г. Лузянин усматривает возможность их сопряжения по двум симультанным или (при неблагоприятном развитии событий) альтернативным линиям.

Первая — это углубление экономического взаимодействия ЕАЭС с Китаем как единственным реальным представителем проекта ЭПШП. Причем особенностью этого взаимодействия станут в основном двусторонние экономические контакты и создание соответствующих бизнес-структур (например, совместных предприятий) на территориях ЕАЭС и КНР. Пока сотрудничество в формате ЕАЭС–Китай не только не дает практических результатов (хотя совместная российско-китайская рабочая группа была

сформирована и приступила к работе еще в июне 2015 г.)²¹, но просто находится в стадии разработки планов.

Особую оперативность в подключении к проекту ЭПШП продемонстрировал Казахстан, предпочтя действовать самостоятельно — на двусторонней с Китаем основе — путем встраивания собственной национальной программы «Нурлы жол» («Светлый путь») в ткань ЭПШП. Это свидетельствует о том, что смычка региональных интеграционных проектов не только возможна в «простом» двустороннем формате, но именно в этом случае она демонстрирует наибольшую результативность, если не сказать эффективность.

Действительно, Республика Казахстан (РК) стремится стать ключевым звеном в логистике ЭПШП и открыто заявляет о своих амбициях страны-транзитера. Стоит отметить, что идею создания принципиально новой транспортной системы для перевозки грузов из Китая в Европу через Казахстан первым выдвинул именно президент РК Н. Назарбаев в мае 2012 г., предложив проект по созданию «Нового Шелкового пути», подразумевавшего строительство особого транспортного коридора. «Конкурентное преимущество проекта “Новый Шелковый Путь” будет основано на реализации “принципа 5 С” — скорость, сервис, стоимость, сохранность и стабильность», — отмечал тогда казахстанский лидер²². Китайская же инициатива «Пояса и пути» с ее субпроектом ЭПШП, выдвинутая Си Цзиньпином позже, в 2013 г., получила полную поддержку Казахстана.

Во время уже упомянутого визита в РК Ли Кэцян подтвердил стремление Китая синергировать инициативу ЭПШП и «новую экономическую политику»²³ Казахстана — «Светлый путь».

Китайский премьер расценил сопряжение двух начинаний как вхождение в новый этап двусторонней взаимовыгодной кооперации. Кроме того, он подчеркнул, что, будучи добрым соседом РК, Китай готов к более действенному сотрудничеству с Казахстаном в рамках Шанхайской организации сотрудничества во имя поддержания регионального мира и стабильности²⁴.

КНР и РК в 2014 г. дали старт сотрудничеству в сфере наращивания и эффективизации производственных мощностей, которое уже начало приносить первые плоды. Следует отметить, что взаимодействие такого важного формата пока не нашло своего места в инструментарии российско-китайского экономического диалога. Не является ли это еще одним свидетельством отставания РФ в деле хозяйственной кооперации и в ШОС, и в рамках ЭПШП? И активизация усилий по сопряжению «Светлого пути» и ЭПШП не станет ли вольным или невольным путем отвлечения сил и внимания Казахстана от работы в ЕАЭС?

Вторая линия сопряжения, по мнению С.Г. Лузянина, могла бы пойти по пути создания ЗСТ между ЕАЭС и Китаем. Однако начатые сторонами в декабре 2015 г. переговоры о заключении всеобъемлющего соглашения в области торгово-экономического сотрудничества, рассчитанные на несколько лет, не предполагают серьезных шагов к созданию Зоны, таких как значительное снижение импортных пошлин. Они более сосредоточены на вопросах китайского инвестирования в промышленность, инфраструктуру и сферу услуг. Таким образом, здесь главной целью сопряжения выступает (всего лишь? — *Е.С.*) достижение двусторонних договоренностей о китайских капиталовложениях, которые недавно обрели политическую «подпорку» по линии консультаций между Россией и Китаем, а также между КНР и ЕАЭС²⁵.

Является ли ЕАЭС реальным конкурентом проекта ЭПШП? Очевидно нет, поскольку слишком различаются «весовые категории» этих двух начинаний в плане их финансовых возможностей и географического «замаха».

Поскольку ЕАЭС формируется без участия КНР, то не станет ли он рычагом разведения России и КНР по разным углам регионального политико-экономического «ринга»?

России надо понять, что в обозримом будущем она не сможет составить Китаю экономическую конкуренцию ни в ШОС, ни в СВА в целом. И членство в ЕАЭС Казахстана и Кыргызстана никак не снизит их интерес к сотрудничеству с КНР на любых уровнях. Поэтому России, видимо, надо искать не только и не столько экономические пути сопряжения ЕАЭС с ЭПШП.

Так, по мере строительства объектов ЭПШП неизбежно встанет вопрос как об их защите, так и об их экстерриториальности или же наоборот — анклавности.

Путь зачастую будет проходить по беспокойным территориям. В свое время Пакистан выделил 10-тысячный контингент для охраны проектов с китайскими капиталовложениями, а в Афганистане американские ВС защищали медные рудники, также инвестируемые КНР²⁶. Возникает проблема: кто и на каких условиях станет осуществлять охрану объектов ЭПШП?

Все зависит от того, как будет выстроено управление инициативой. Из единого ли (естественно, китайского) центра, или же каждая страна сама осуществит администрирование участков на ее территории? Ни одна страна-партнер проекта, встав перед риском ограничения своего суверенитета, не пойдет на делегирование управленческих полномочий какой-либо наднациональной административной структуре²⁷.

И в этих условиях Россия как государство, сильной стороной которого является умение эффективно вести защиту и оборону, могла бы войти в режим сопряжения, взяв на себя охранные функции ЭПШП хотя бы на территории ЕАЭС. Это как раз то, что она отлично могла бы сделать. Тем более, что поскольку у стран-членов ЕАЭС еще сохраняются «наработки» общей военной истории, создание объединенного командования войск охранения при нынешнем составе ЕАЭС представляется более выполнимой задачей, нежели создание аналогичной структуры для всего ЭПШП.

Завершая свое евроазиатское турне в России, Ли Кэцян принял участие в очередной, 21-й встрече глав правительств двух стран в Петербурге. Сторонами было подписано 21 соглашение в сфере расширения сотрудничества в различных сферах, включая сооружение одной ВСЖДМ («Пекин–Казань»). Одно из достигнутых соглашений касалось вопроса развития российского Дальнего Востока – региона, богатого всеми ресурсами, в которых так заинтересован Китай, – нефть, газ, рудные ископаемые. Стороны договорились предпринять новые шаги по увеличению двустороннего товарооборота до 200 млрд долл. в следующие 3–7 лет²⁸.

Значение данного визита Ли Кэцяна заключается в том, что он стал новым свидетельством способности экономической дипломатии КНР пробуждать у различных политических и деловых кругов Евразии практический интерес к грандиозному китайскому замыслу – ЭПШП и МНП-21.

Еще одной важной стороной упомянутого визита явилось участие Ли Кэцяна в 15-й встрече глав правительств стран ШОС в Бишкеке. Китайский премьер выдвинул шестизвенную концепцию коллективной, кооперационной и постоянной системы безопасности всех государств-участников ШОС. Она была позитивно встречена другими лидерами стран-членов Организации ввиду нарастания угроз безопасности со стороны международного терроризма и в свете того, что со вхождением Индии и Пакистана в число постоянных членов ШОС конфликтотенный потенциал внутри Организации может возрасти. Последнее обстоятельство делает еще более актуальным вопрос о внутренней безопасности Шанхайской группы.

Вступление Индии и Исламской Республики Пакистан в ШОС, действительно, способно составить вызовы спокойствию Организации. Мало того, что Индия и ИРП находятся не в лучшей стадии их отношений, определенная напряженность сохраняется и в китайско-индийском диалоге.

Как известно, экономическая дипломатия при умелом ее использовании может служить мощным механизмом сглаживания политических проблем. Еще классики марксизма-ленинизма отмечали эту ее особенность: «Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения...»²⁹

Однако, по мнению индийских экспертов, оппозиционных нынешнему правительству страны, ЭД по вектору «Индия—Китай» явно «буксует». Так, хотя КНР и заявила о своем намерении вложить 100 млрд долл. в строительство в Индии индустриальных парков, модернизацию железных дорог, автомагистралей, портов, в производство электроэнергии и ее распределение и передачу, в автомобилестроение, пищевую и текстильную промышленность, однако ощутимых результатов эти заявления не принесли и китайско-индийские экономические связи сокращаются. А вот китайские планы-конкуренты под рубрикой «42 млрд долл. для экономического коридора «Китай—Пакистан»» быстро продвигаются к стадии внедрения³⁰.

Специалисты подтверждают, что двусторонние торгово-экономические контакты могли бы быть стабилизирующим фактором, постепенно превращая КНР и Индию в заинтересованных партнеров совместных кооперационных начинаний, однако большого прогресса на этом пути не видно, причем ввиду выбора Индии. Так, несмотря на то, что Китай проявил готовность ускорить развитие экономических связей, индийское правительство предпочло ассоциировать себя со стратегией США на «возвращение в АТР», основной целью которой является сдерживание Китая³¹.

Более того, Индия вмешалась в спор о принадлежности островов в Южно-Китайском море так, как будто она является пострадавшей стороной. Это говорит о стремлении ее правительства сформировать в Азии стратегический альянс с США и Японией, причем с «ярко выраженной враждебностью» в отношении КНР. При этом отмечается, что сами США и Япония «практикуют надежную экономическую дипломатию с Китаем», не теряя из виду возможности китайского рынка³².

Однако в ряде публикаций проводится мысль и о том, что Индия и Китай, будучи «восходящими державами», имеют больше общих интересов, нежели разъединяющих их обстоятельств, и что Индия не должна изолироваться от участия в китайской инициативе «Пояса и пути», тем более, что АБИИ и ФШП предоставляют для нее значительные возможности.

Исходя из изложенной выше информации, индийские эксперты акцентируют огромное значение ШОС для их страны, поскольку

членство в Организации дает Индии общую переговорную площадку и «безупречные» шансы для уравнивания отношений и с КНР, и с Пакистаном как в политической, так и экономической сферах, даже несмотря на противодействие США.

Дополнительно отмечается, что ШОС способна обеспечить Индию пока еще недостающим каналом для контактов с государствами Центральной Азии. Да и перспективный Энергоклуб ШОС, который после отмены санкций в отношении Ирана может весьма скоро пополниться еще одним участником, обладающим наряду с Российской Федерацией крупнейшими запасами нефти, предоставит Индии – мировому потребителю углеводородов – новые шансы для удовлетворения ее энергетических запросов³³.

Помимо вопросов безопасности, на встрече в Бишкеке Китаем была поднята тема формирования зоны свободной торговли стран ШОС. Ли Кэцян настойчиво проводил мысль об актуальности создания ЗСТ и об открытости и готовности Китая к сотрудничеству по этому вопросу, ибо Зона поможет ликвидировать торговые барьеры, препятствующие развитию национальных экономик и мирового хозяйства в целом. По мнению китайской стороны, ЗСТ облегчит торговлю не только внутри ШОС, но и между странами, расположенными вдоль ЭПШП от Центральной Азии вплоть до Персидского залива³⁴.

Однако, судя по реакции Д.А. Медведева, не все страны-члены Организации разделили этот оптимизм.

Впервые создание ЗСТ в качестве задачи ШОС было официально предложено китайской стороной опять-таки в Бишкеке в 2004 г. Еще тогда это заявление было с настороженностью встречено большинством членов Организации (за исключением Казахстана), поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами с рынка товаров и услуг Центральной Азии стали вытесняться товары национального производства. Для центральноазиатских членов ШОС (и России) создание ЗСТ ШОС до сих пор чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью обработки. В ШОС существует и понимание некоей преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития стран-участниц³⁵.

Но в представлении китайских экспертов, ускорение создания ЗСТ ШОС еще в 2004 г. могло послужить преодолению малой экономической эффективности ШОС³⁶, а также продвижению коллективного экономического сотрудничества между КНР и странами Центральной Азии. Коллективность хозяйственного взаимо-

действия в Евразии — это вопрос особого внимания Пекина, поскольку государства ЦАР и Россия имеют структуру экономического сотрудничества в лице ЕАЭС (до этого ЕврАзЭС), а вот Китай не является ее членом. Таким образом, ЗСТ ШОС видится Китаю еще и средством преодоления его обособленности от коллективных экономических процессов на постсоветском пространстве³⁷.

А эта обособленность, скажем так, не уменьшается. Россию и по экономическим, и по политическим причинам вполне устраивает внекитайский формат ЕАЭС, и посему идея создания ЗСТ ШОС не представляется Российской Федерации насущной.

Конечно же, на саммите от российской стороны звучали заявления о том, что «нужно раскрывать все возможности экономического взаимодействия, создавать благоприятные условия для движения товаров, работ, услуг, инвестиций, формировать так называемые цепочки добавленной стоимости, выходить на внешние рынки — и друг к другу, и на рынки третьих стран», но при этом подчеркивалось, что переход к преференциальному торговому режиму в Шанхайской организации сотрудничества — тема непростая, поскольку «любые преференции — это всегда отказ от каких-то внутренних решений»³⁸. В итоге была достигнута договоренность продолжить работу в этом направлении при полноценном участии всех деловых и финансовых кругов государств-членов, прежде всего в рамках Делового совета и Межбанковского объединения ШОС³⁹.

Однако при всех сложностях реализации ЭД Китая в ШОС и в СВА, страна, как субъект экономической дипломатии, обладает несомненными сравнительными преимуществами⁴⁰.

1. В условиях глобализации, ужесточения внешней конкурентной среды, а также в свете массивированного экономического «наступления» Китая на мировой арене (в первую очередь — в Азии), Пекин совершенствует курс на укрепление экономической безопасности страны. Одним из его механизмов, свойственных именно Китаю, является обеспечение государственной поддержки национальным производителям и коммерческим агентам, особенно в тех сферах, где интересы частного бизнеса и государства совпадают. Это благоприятствует экономической безопасности страны и, следовательно, — ее стабильности. Внутренняя стабильность субъекта МО, тем более такого авторитетного, как Китай, прямо способствует стабильности и безопасности и на общерегиональном уровне.

Благодаря поддержке частного предпринимательства, действующего в обозначенных государством направлениях, КНР имеет возможность мобилизовать широкий круг ресурсов, чрезвычайно

нужных именно сейчас – при инициации колоссальных внешнеэкономических начинаний, включая проект ЭПШП.

2. В КНР существует практика выработки строго обязательных к исполнению правительственных документов, в которых поэтапно фиксируется государственная стратегия внешнеэкономических связей. (Концепция проекта «Один пояс, один путь» получила изложение в Документе Госкомитета по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР (изданном с санкции Госсовета КНР) от 28.03.2015 г. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»⁴¹, и несомненно, что документальная база Проекта будет дополняться по мере развития событий.)

Благодаря четкому официальному фундированию его внешнеэкономических намерений, Китай имеет возможность на самом высоком управленческом уровне отслеживать и корректировать реализацию своей внешнеэкономической стратегии. И главное – он обладает постоянным административным механизмом *строгого контроля* над выполнением правительственных установок.

3. Сравнительным преимуществом Китая предстает и продуманная валютно-финансовая политика страны. Ее особенностью является оперативное реагирование на изменения во внутренней экономике и на мировых финансово-экономических рынках при неуклонной защите позиций национальной валюты, недопущение непредсказуемости ее котировок, совершенствование системы формирования процентных ставок и механизма обменного курса юаня. Все это направлено на снижение зависимости юаня от колебаний курса доллара, обеспечение устойчивости потребительских цен, экономическую стабильность и превращение жэньминьби (юаня) в новую мировую резервную валюту. Этого страна практически и достигла в 2015 г., добившись от МВФ признания юаня в качестве резервной валюты наряду с долларом, иеной и евро.

Кстати, вся борьба КНР за внедрение своей денежной единицы в «клуб» мировых резервных валют, причем без особых изменений режима последнего, говорит о том, что Китай, стремясь к установлению более справедливого мирового финансового порядка, не заинтересован, однако, в подрыве уже существующего уклада. Резкие потрясения здесь не могут быть конструктивными уже и потому, что США – главный «игрок» в МВФ и основной оппонент КНР по многим международным вопросам – и так осознают новую роль и вес Китая в мировых делах⁴².

Последовательный, эволюционный, а не революционный характер ЭД Китая, даже в случаях ее «наступательности», – есть еще одно сравнительное преимущество КНР.

Плюс ко всему имеет значение и сама величина валютно-финансовых ресурсов Китая, благодаря которой страна имеет возможность направлять инвестиции за рубеж, вести энергичную политику внешнего кредитования, параллельно обеспечивая техническую и монетарную поддержку национальному бизнесу, благоприятствуемым зарубежным партнерам, а главное – собственным внешнеэкономическим начинаниям, тоже составляет мощное сравнительное преимущество страны.

Следует отметить, что КНР не просто обладает перечисленными выше важными свойствами, но и умело использует их, о чем свидетельствует ныне сложившийся «регламент» ее отношений с партнерами по ШОС.

* * *

Все вышеизложенное было призвано еще раз подчеркнуть серьезнейшую роль ЭД в деле консолидации ШОС и значение экономической дипломатии как механизма поддержки интеграционных планов в Евразии.

Особенность текущего момента такова, что чем успешнее экономическая дипломатия Китая в СВА, тем рельефнее перспективы коллективного сотрудничества и тем выше шансы на стабильность и безопасность в регионе. По меньшей мере, на уровне официальных деклараций такая зависимость прослеживается четко.

Однако по мере активизации работы Китая по вовлечению в проект «Пояс и путь» максимально возможного числа участников все острее встает вопрос о том, не будет ли эта инициатива реализовываться во благо одних контрагентов в ущерб другим? Смогут ли строители Проекта соблюсти и уравновесить интересы широкого круга партнеров как на уровне межстранового взаимодействия, так и на уровне сотрудничества межгосударственных организаций?

Заинтересованные мировые круги до сих пор не имеют ясного, материально доказуемого представления о том, насколько глубоко Китай сумеет, а главное – захочет сочетать другие интеграционные проекты в Евразии со своей инициативой «Пояс и путь». Ведь сопряжение этого проекта с иными, «некитайскими» начинаниями все равно потребует от Китая дополнительных усилий и финансовых жертв. Хорошо, если партнерам удастся найти взаимовыгодное решение по технико-экономическим и финансовым параметрам,

но уже сейчас очевидно, что его поиск — весьма сложный, много-ступенчатый и длительный процесс. К тому же он и политически весьма непросто.

Видимо, на кратко- или даже среднесрочную перспективу Китаю придется «выкладываться» в основном самостоятельно, пока он не сумеет ощутимым образом привлечь материальные ресурсы стран-партнеров. А вот для создания реального кооперационного режима необходимо задействование арсенала именно экономической дипломатии как инструмента обеспечения коллективной безопасности, оперирующего на платформе общего хозяйственного интереса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сафронова Е.И. Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М., 2013. С. 143—144.

² Ли Вэй, Сунь И. Лицzie Чжунго цзинци вайцзяо : [Анализируя экономическую дипломатию Китая] // Вайцзяо пинлунь. 2014. № 4. С. 1—24.

³ Приводится по: Wong, Audrey. Chinese Perspectives on Economic Diplomacy // The Asian Forum. 2017. Vol. 5. No. 1. URL: <http://www.theasianforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy/>

⁴ Сафронова Е.И. Указ. соч. С. 153.

⁵ Этот термин был употреблен в интервью Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина перед первым государственным визитом в качестве главы КНР в Казахстан. URL: http://www.inform.kz/ru/kitay-krupneyshiy-torgovyy-partner-kazahstana-a-kazahstan-zanimaet-vtoroe-mesto-sredi-torgovyh-partnerov-kitaya-v-regione-sng-predsedatel-kr-si-czin-pin_a2586319

⁶ Сайт агентства Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-12/26/c_132998506.htm

⁷ URL: <http://www.theasianforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy>

⁸ The Asian Forum. 2017. Vol. 5. No. 1. URL: <http://www.theasianforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy>

⁹ URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-diplomatiya-kitaya-i-strategicheskaya-bezopasnost-v-atr> С.152.

¹⁰ См.: URL: <http://www.theasianforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy>

¹¹ См., в частности: URL: http://www.odnako.org/blogs/show_20277/.

¹² См.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М., 2013. С. 145—146.

¹³ Яркая картина экономической дипломатии Китая. URL : <http://www.geopolitics.ru/2013/12/yarkaya-kartina-ekonomicheskoy-diplomatii-kitaya>

¹⁴ См.: Гоци гуаньча. 2015. №. 4. С. 35—48.

¹⁵ Приводится по: Wong, Audrey. Chinese Perspectives on Economic Diplomacy...

¹⁶ Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральными азиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009. С. 226.

¹⁷ См.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М., 2013. С. 145.

- ¹⁸ Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6239988.html>
- ¹⁹ URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-diplomatiya-kitaya-i-strategicheskaya-bezopasnost-v-atr>. С. 150.
- ²⁰ См.: *Bosu, Rabi Sankar*. A significant milestone of China's economic diplomacy. URL: <http://english.cri.cn/12954/2016/11/09/197s944507.htm>
- ²¹ *Лузянин С.Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Часть I. С. 16. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-1.pdf
- ²² *Зеленина А.* Кого Китай возьмет с собой в «Новый Шелковый путь»? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1465248360>
- ²³ Официальный сайт МИД КНР. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1413406.shtml
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Лузянин С.Г.* Указ. соч.
- ²⁶ *Clover Charles & Hornby, Lucy*. China's Great Game: Road to a new empire. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/6e098274-587a-11e5-a28b-50226830d644.html#axzz3wOc5UXXv>
- ²⁷ Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М., 2016. С. 102.
- ²⁸ *Bosu, Rabi Sankar*. Op. cit.
- ²⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 44. С. 304—305.
- ³⁰ *Bhadrakumar M.K.* Chronicle of wasted time: India's Spluttering Economic Diplomacy with China and Pakistan // South Asian Puls. 04th, Feb., 2016. URL: http://www.sapulse.com/new_comments.php?id=12978_0_1_0_C
- ³¹ Ibidem.
- ³² *Bhadrakumar M.K.* Op. cit.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Приводится по: *Putz, Catherine*. China Suggests Free Trade Zone For the SCO. URL: <http://thediplomat.com/2016/11/china-suggests-free-trade-zone-for-the-sco/>
- ³⁵ Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 93—94.
- ³⁶ *Лу Гань*. Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества // Сайт АЦ «Разумные решения». URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20070522000720900>
- ³⁷ См.: *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР... С. 67, 68.
- ³⁸ Выступление Дмитрия Медведева на заседании Совета глав правительств государств — членов ШОС. URL: <http://government.ru/news/25170/#dam>
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М., 2013. С. 150—152.
- ⁴¹ Официальный сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>
- ⁴² South Asian Puls. 04th, Feb., 2016.

С.В. Уянаев
к.и.н., заместитель директора
Института Дальнего Востока РАН

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Аннотация. Статья посвящена анализу основных угроз экономической безопасности государств Шанхайской организации сотрудничества, которые могут возникнуть при реализации китайского проекта «Один пояс – один путь». В ней рассмотрены основные направления реализации данного проекта, а также проанализированы возможные негативные последствия его реализации.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), экономическая безопасность, угрозы и вызовы безопасности, Экономический пояс Шелкового пути.

Sergey V. UYANAIEV

ABOUT SOME TASKS OF THE SCO IN THE SPHERE OF SECURITY IN THE CONTEXT THE CHINESE INITIATIVE «ONE BELT – ONE ROAD»

Abstract. The article is devoted to analysis of the main threats to economic security of the SCO member states, which may arise during the implementation of the Chinese project “One Belt – One Road”. It discusses the main directions of this project and analyses the possible negative consequences of its implementation.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization (SCO), economic security, threats and challenges to security, Economic Belt of the Silk Road.

С момента образования Шанхайской организации сотрудничества взаимодействие стран-участниц в сфере безопасности стало одним из узловых направлений деятельности этой международной структуры, набирающей в последние годы все больший политический вес. Вступление в организацию новых полноформатных членов

(Индия и Пакистан), расширение числа наблюдателей и партнеров по диалогу еще в большей степени актуализируют интерес к различным сторонам ее деятельности, включая вопросы обеспечения региональной безопасности.

Комплексная задача ШОС в сфере безопасности

Практически половина установочных целей и задач, помещенных в Первой статье принятой уже полтора десятилетия назад Хартии ШОС — это положения, так или иначе связанные с различными (общепринятыми) измерениями безопасности. Они предусматривают и поддержание региональной стабильности, и борьбу с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и незаконной миграцией, и сотрудничество оборонных и правоохранительных органов, и содействие мирному урегулированию конфликтов¹. А сформулированная в этой же статье вторая цель — цель содействия «всестороннему и сбалансированному росту» также вполне может быть представлена как задача по продвижению безопасности. Речь — об *экономической безопасности*, т.е. о создании для государств-членов Организации таких условий, которые на языке специалистов определяются в конечном итоге как «неуязвимость и независимость экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям»².

Такой подход к вопросам безопасности как к комплексу проблем (и общепринятых, традиционных, и встречающихся несколько реже, в том числе связанных с экономикой) можно проследить во многих последующих документах ШОС, включая «Ташкентскую декларацию пятнадцатилетия ШОС», где говорилось об Организации как об универсальном «действенном факторе обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития в современной системе межгосударственных отношений»³. Следует заметить, что за 15 лет своей деятельности Шанхайская организация сотрудничества заняла достойное место в ряду авторитетных и влиятельных международных и региональных организаций, стала действенным фактором обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития в современной системе межгосударственных отношений.

Базовым документом, регулирующим взаимодействие в области безопасности, является принятая в 2001 г. «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В соответствии с этим документом в июне 2002 г. была создана Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС).

С 2004 г. действует такой важный формат взаимодействия, как механизм встреч секретарей советов безопасности государств-членов.

Являясь постоянно функционирующим органом ШОС, РАТС обеспечивает координацию и укрепление взаимодействия компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом и другими видами трансграничной преступности. Создана договорно-правовая база сотрудничества в этой сфере, насчитывающая ныне около десятка «Соглашений», «Правил», «Положений» и других регламентов.

Важное внимание государства-члены ШОС уделяют также противодействию наркотрафику. В начале 2010-х годов были приняты Антинаркотическая стратегия ШОС и Программы действий по ее выполнению. Функционирует механизм встреч министерств внутренних дел и общественной безопасности стран-участниц.

Эффективной составляющей сотрудничества в сфере безопасности служит механизм совещаний министров обороны государств-членов ШОС. Действует «Соглашение о проведении совместных военных учений государств-членов ШОС» (2007). Регулярно проводятся специальные маневры, на которых оттачиваются навыки обеспечения безопасности представителей компетентных органов и подразделений вооруженных сил.

Кроме того, развивается взаимодействие государств-членов ШОС в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ), которая выстраивается на базе соответствующего Соглашения (июнь 2009 г.)⁴.

Наконец, как уже отмечалось, есть основания рассматривать сотрудничество в ШОС в экономической области в качестве рычага обеспечения конкретно экономической безопасности.

В этом смысле два определяющих направления взаимодействия в ШОС — безопасность и экономику (их порой называют двумя «опорными колесами ШОС») можно представить в виде единой, повторим, комплексной сферы взаимно пересекающихся базовых элементов, где обеспечение традиционной безопасности способствует экономическому росту, а экономическая стабильность, в свою очередь, укрепляет состояние универсальной безопасности. Не случайно, например, что в Совместном заявлении Конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» (Москва, июнь 2015 г.) наряду с тезисами об обеспечении международной и антитеррористической безопасности подчеркивалась задача «экономического сотрудничества, обеспечения продовольственной, энергетической и транспортной безопасности» региона⁵.

Инициатива «Один пояс, один путь» и задачи ШОС

Именно под комплексным углом зрения представляется уместным проследить перспективы дальнейшего развития ШОС, в том числе в свете присутствующей в последние годы на пространстве Организации новой и, похоже, долговременной политико-экономической реалии. Речь идет об инициативе КНР под общим названием «Один пояс, один путь», которая включает два элемента – сухопутный («Экономический пояс Шелкового пути», или ЭПШП), и морской («Морской Шелковый путь XXI века»).

Выдвинутая высшим руководством КНР осенью 2013 г., эта инициатива стала сегодня одним из центральных приоритетов внешней политики КНР. Данный стратегический проект имеет системный, долговременный характер, по базовой сути предусматривает диверсифицированное развитие связей с десятками стран ближнего и дальнего зарубежья (практически во всей Евразии, а также в Северной Африке), уже более трех лет активно продвигается в опоре на мощные инвестиционные, технологические и иные возможности КНР. Масштабность китайского трансграничного проекта не может не затрагивать те или иные стороны региональной жизни, в том числе связанные с вопросами различных измерений безопасности.

При этом для пространства ШОС по понятным причинам основное значение имеет сухопутный элемент – инициатива ЭПШП. Дело здесь не только и не столько в классической (внутриконтинентальной) географии, но прежде всего в том, что по целому ряду политико-экономических причин авторы китайского проекта рассматривают Центральную Азию не только как ближайший, но и крайне важный (наряду с другими соседними странами) регион его реализации.

Это априори актуализирует вопрос о роли ШОС. Ведь согласно официальной доктрине КНР (она нашла отражение в ряде документов*) в число потенциальных участников инициативы де-факто входят все 18 участников ШОС, включая ее полноформатных членов и наблюдателей, а также партнеров по диалогу, в том числе вновь принятых – Азербайджан, Армению, Непал и Камбоджу⁶.

* Основным документом можно считать опубликованный в КНР 28 марта 2015 и изданный совместно Госкомитетом по делам развития и реформ и двумя министерствами – иностранных дел и коммерции материал, который в официальном русском переводе получил название «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века».

Не случайно мнения о целесообразности, возможности активного подключения ШОС к данной проблематике придерживаются многие политики и эксперты. Они, в частности, полагают, что таким образом может быть придан новый импульс работе ШОС, которая способна взять проект под свою эгиду, координировать его со схожими программами других международных организаций, таких как ПРООН и ЮНЕСКО⁷.

Более того, недавно в ШОС был принят знаковый документ, имеющий прямое отношение к теме новых «шелковых путей» и трансасиатских транспортных коридоров. После многолетних согласований в ходе саммита ШОС-2014 подписано Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (соответствующий Закон о ратификации российской стороной был принят в ноябре 2015 г.)⁸. Как указывалось в китайской печати, «подписание данного соглашения может считаться активным откликом членов организации на инициативу “Экономического пояса”»⁹. Мнение о том, что реализация ЭПШП способна наполнить механизмы ШОС «новым содержанием и придать им дополнительный импульс», высказывал и ряд видных китайских дипломатов¹⁰.

Однако, как часто бывает, реальная практика оказывается сложнее. Причем речь не идет о трудностях субъективного характера, о чьей-то доброй или злой воле. Речь о том, *каким образом* ряд объективных процессов, которые сопровождают полтора десятилетия развития ШОС, в частности в экономической сфере, могут сопрягаться с основными принципами и задачами, декларированными инициативой «Один пояс, один путь».

Хорошо известно, что рамочными направлениями инициативы «Один пояс, один путь» являются пять главных сфер, три из которых (торговля, коммуникации, финансы и инвестиции) связаны с экономической сферой. Более того, дальнейшая концептуальная проработка ЭПШП, осуществленная китайской стороной после осени 2013 г., показывает, что мегаинициатива КНР предусматривает значительное углубление дифференциации экономических проектов*, включая намерение экспортировать не только товары и капиталы, но и производства, и рабочую силу¹¹. Встает естественный вопрос: как продвижение проекта ЭПШП в зоне ШОС способно повлиять здесь на развитие экономического сотрудничества? Эксперты вправе взглянуть на проблему и под уточняющим углом:

* Согласно аналитическим комментариям китайской печати по итогам 2016 г., только с Казахстаном Китай ныне «благополучно осуществляет первый этап реализации 52 совместных проектов» в сфере «сотрудничества по производственным мощностям».

как это продвижение скажется на экономической безопасности стран – участниц Организации?

Признаем, что экономический блок (так уж сложилось) за все годы функционирования ШОС, несмотря на целый ряд деклараций и провозглашенных намерений, все же не стал лидирующей сферой многостороннего взаимодействия. Энергетический клуб, Деловой совет и т.п. – все эти начинания, будучи наполненными несомненным потенциалом, по разным причинам остаются на стадии обсуждений, в лучшем случае – на этапе самой начальной реализации.

При этом не секрет, что важным камнем преткновения является вопрос о введении на пространстве ШОС *зоны свободной торговли* (ЗСТ). Это вопрос, по которому у стран-членов имеются разные взгляды, в частности, по срокам того, когда введение такой зоны было бы целесообразно с точки зрения интересов одновременно всех стран-участниц.

Не секрет и то, что расхождение это касается, в частности, позиций, с одной стороны, КНР, которая не первый год ратует в ШОС за скорое снятие торговых барьеров, с другой – России, заявляющей, что время для этого еще не пришло. Не случайно, скажем, на одном из последних крупных мероприятий ШОС – 14-й встрече глав правительств (декабрь 2015 г.), о необходимости создания в регионе ЗСТ к 2020 г. вновь акцентированно говорил лишь премьер Госсовета КНР. Между тем, региональная ЗСТ не упоминается ни в итоговом коммюнике 14-й встречи¹², ни в документах последующей 15-й встречи премьеров в Бишкеке¹³, ни (что может быть важнее) в принятой ранее (лето 2016 г.) в Уфе Стратегии развития ШОС до 2025 г. О ЗСТ не говорится и в документах 15-го саммита глав государств ШОС в Ташкенте¹⁴.

Между тем очевидно, что именно либерализация торговли – это «конкретная расшифровка» одного из пяти упомянутых выше (наряду с политическими согласованиями, развитием коммуникаций, финансово-инвестиционного и гуманитарного сотрудничества) официально провозглашенных направлений реализации инициативы ЭПШП. Более того, можно привести немало высказываний как высших руководителей КНР, так и ведущих экспертов Китая, где вопрос *торговых свобод* среди пяти задач ЭПШП акцентируется особо. А, скажем, некоторые западные эксперты**, будучи явно не слишком далекими от истины, вообще называют проект ЭПШП тотальным «проектом стимулирования экспорта»¹⁵.

** Эту позицию высказал, в частности, профессор Свободного университета Брюсселя Джонатан Хольслаг.

На этом фоне понятно, что, по мере включения вопроса о ЭПШП в повестку дня Шанхайской организации сотрудничества как организации, упомянутые расхождения на ее площадке могут актуализироваться. Сомнительно, чтобы это добавило ей эффективности и консолидации.

Обратим внимание, что еще в июне 2014 г. бывший в то время Генеральным секретарем ШОС Дмитрий Мезенцев заявил, что «в ШОС готовы к рассмотрению проекта», но одновременно отметил задачу «учета единых интересов Организации», чтобы «с самого начала были исключены возможные напряжения в конкурентных сферах»¹⁶.

Явно имея в виду расхождения подобного рода, на «конкурентные моменты» взаимодействия РФ и КНР в Центральной Азии в связи с проектом ЭПШП прямо указывал директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Ли Юнцюань, выступая на форуме «Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении ШОС» в апреле 2016 г. в Сочи¹⁷. И такая, весьма осторожная точка зрения далеко не единична, причем не только в России и Китае¹⁸. Вряд ли случайно, что на трех саммитах и четырех встречах глав правительств ШОС, прошедших к весне 2017 г. после появления инициативы «Один пояс, один путь» (в том числе, в 2016 г. в Ташкенте и в Бишкеке), оценка, данная китайскому проекту, имела пока не более чем церемониальный характер «вежливого одобрения». Вот, к примеру, как данный сюжет был представлен в принятом в ноябре 2016 г. в столице Кыргызстана Коммюнике по итогам встречи премьеров стран ШОС: «Главы правительств отметили инициативы государств-членов ШОС по формированию благоприятных условий для развития регионального экономического взаимодействия, включая инициативу Китайской Народной Республики о создании Экономического пояса Шелкового пути (как элемента концепции “Одного пояса, одного пути”), способствующие поиску новых моделей международного сотрудничества»¹⁹. В приведенной формулировке не видно даже попытки вынести обсуждение сотрудничества по ЭПШП на площадку ШОС, которая, повторим, казалось бы, идеально подходит по составу участников для этой затрагивающей всех цели. Вопрос без ответа пока здесь явно присутствует. Тем более на фоне того, что именно «совместным начинанием» (на уровне деклараций) как раз и позиционирует свою инициативу Китай²⁰.

Из этого достаточно прозрачно просматривается сценарий, когда реализация проекта ЭПШП в зоне ШОС (прежде всего,

в Центральном-Азиатском регионе), может быть спущена в основном на двусторонний уровень, и КНР, как автор и спонсор проекта ЭПШП, будет продвигать заключенные в нем торговые, инвестиционные и иные начинания главным образом в двустороннем формате. Опять-таки вряд ли случайно, что глава МИД КНР Ван И еще в марте 2016 г. говорил, что специальные двусторонние соглашения по сотрудничеству в рамках ЭПШП Китай заключил уже более чем с 30 странами. В их число входят Таджикистан (первым из всех подписавший такое соглашение) и Казахстан. В поддержку ЭПШП в контактах с Пекином в тех или иных формах высказались и другие страны ШОС.

Понятно, что такая (подчеркнуто двусторонняя) линия будет означать сценарий снижения (не хочется употреблять термин «маргинализация») роли, по крайней мере, экономического сотрудничества в ШОС, которое и так не блещет успехами. А это, исходя из контекста обсуждаемой проблемы, не будет «работать» и на укрепление коллективной экономической безопасности стран-членов ШОС.

Как решать эту проблему?

При всей неоднозначности ситуации она вряд ли является тупиковой. Потенциально возможен другой сценарий, реализуемый не в одночасье, но такой, который на основе компромисса учитывал бы интересы все стран-участниц ШОС, разумеется, в первую очередь – интересы России.

Во-первых, не будем забывать, что в мае 2015 г. между КНР и Российской Федерацией заключено соглашение о сопряжении строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП*. Не секрет, что на пути сопряжения уже этих двух проектов возникают те же препятствия и расхождения по зонам свободной торговли, что и в ШОС. Поэтому важно, что в майском Соглашении предусмотрено создание переговорной площадки по постепенному, поэтапному продвижению к созданию ЗСТ между ЕАЭС и КНР²¹. Возможно, что этот специальный диалог, в том числе с участием тяжеловесов ШОС – Китая, России, а также Казахстана и Кыр-

* Тогда же в мае Высший евразийский экономический совет (ВЕЭС) ЕАЭС принял решение о начале переговоров по заключению соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС, которое «призвано стать основным инструментом экономического взаимодействия между Союзом и КНР в среднесрочной перспективе». В октябре 2015 г. на заседании ВЕЭС принято *Распоряжение «О взаимодействии государств-членов ЕАЭС по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭПШП»*. Таким образом, к сопряжению, кроме России, подключились и другие члены Союза. Во исполнение Распоряжения Комиссией ЕАЭС организована работа по формированию соответствующей «дорожной карты». Этим вопросом в ЕЭК занимается несколько департаментов, проведен ряд совещаний под председательством министра по торговле ЕЭК.

гызстана поможет сблизить позиции по срокам и рамкам либерализации региональной торговли и в масштабе ШОС, сделав в этом смысле востребованной и ее диалоговую площадку.

Путем сближения (это, правда, больше вопрос специалистов) может, видимо, также стать поэтапный ввод в общую зону экономического сотрудничества отдельных (для начала) секторальных зон, где действовали бы более либеральные, но устраивающие всех режимы, касающиеся обращения конкретных групп товаров, капиталов и услуг.

Кроме того, как указывают профильные эксперты, по крайней мере, в сфере развития транспортных коммуникаций у Китая есть и еще один императив взаимодействовать по теме ЭПШП все-таки с многосторонними структурами типа ЕАЭС и ШОС: он потенциально заинтересован в продвижении своих грузов через единое таможенное пространство ЕАЭС вместо задержек на таможенных границах каждой из стран²².

В случае, если возобладает данный сценарий, ШОС действительно может обрести новые импульсы и стимулы развития, ибо потенциальные шансы на инвестиции в инфраструктуру действительно велики.

Безопасность: традиционные измерения

Не будем упускать из виду и еще один акцент, который в последнее время, в том числе на фоне инициативы «Один пояс, один путь», стал оглашаться рядом политиков и экспертов, в том числе и в КНР.

Речь идет о повысившемся внимании к тому компоненту деятельности ШОС, который, как говорилось выше, наряду с экономикой изначально считался одной из двух целевых опор деятельности организации, а именно – о направлении, связанном с такими традиционными измерениями региональной безопасности, как противодействие рискам и угрозам военно-политического и террористического характера.

В этом можно видеть две причины. Одна выдержана в духе первого из приведенных чуть выше сценариев и может быть связана как раз со снижением интереса к ШОС как к экономической структуре. В этом случае, если есть желание сохранить действенность Организации, неизбежным становится вольное или невольное внимание к ее второй основной задаче.

Другая причина может означать, что, учитывая рост международной террористической активности (Сирия, Афганистан и т.п.),

Китай, строящий (прежде всего, на примере мегапроекта «Один пояс, один путь») серьезные экономические планы, в большей степени стал обращать внимание на защиту здесь своих интересов, и в этом контексте – на задачи ШОС в сфере безопасности.

Если в первое десятилетие деятельности Организации «энтузиазм» Китая по поводу данного направления находился, пожалуй, «в тени», то в последние годы в центральной китайской печати нередкими стали материалы с заголовками типа «Безопасность – главное направление работы ШОС». Как отмечалось в одном из таких материалов еще пятилетней давности, «в области безопасности Центрально-Азиатский регион в основном стоит перед следующими угрозами: терроризм, религиозный экстремизм, наркопреступность, контрабанда оружия; между некоторыми центральноазиатскими странами существуют довольно острые противоречия по территориальным вопросам, водным ресурсам, в энергетике и других сферах; следует отметить также племенные, региональные, национальные разногласия, противоречия между богатыми и бедными, коррупцию, миграцию населения»²³. Ныне же, когда с ЦА Китай связывает свои заметно возросшие амбиции в рамках проектов «новых Шелковых путей», в КНР, надо полагать, еще более четко осознают возникающие в регионе риски и угрозы,

Так или иначе, но, к примеру, во время визита в Казахстан в 2014 г. премьер-министр Китая Ли Кэцян заявил, что ШОС «должна стать защитником Евразии». Через год в Уфе уже Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо «укрепить дееспособность и создать крепкую защитную стену безопасности в регионе».

Далее, как акцентированно подчеркивал в декабре 2015 г. Посол КНР в России, «безопасность и стабильность – это первоочередные условия для взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития любых регионов и любых организаций; сотрудничество в сфере безопасности неизменно является одним из главных аспектов работы ШОС»²⁴. А в июне 2016 г., в канун саммита ШОС в Ташкенте председатель КНР, выступивший со статьей в узбекских СМИ, перечисляя задачи ШОС, начал с упоминания необходимости «адекватно противодействовать стоящим перед государствами-членами ШОС рискам безопасности»²⁵. Заметим, что все это имеет место на фоне таких событий, как принятие в КНР Закона о терроризме, который, в частности, дает китайской армии право на проведение антитеррористических операций за рубежом.

В связи с этим следует подчеркнуть, что если говорить о российской стороне, то вопросам безопасности в деятельности Организации Российская Федерация уделяла серьезное внимание все годы

существования ШОС. Выдвигалось немало инициатив. Среди них особенно актуальным выглядит предложение, которое на заседании Совета глав государств—членов ШОС в июне 2012 г. в Пекине выдвинул Президент Российской Федерации В.В. Путин: создать на базе РАТС ШОС универсальный Центр по противодействию новым вызовам и угрозам государств—членов ШОС. В августе 2013 г. на рассмотрение партнерам были переданы основные элементы концепции создания такого центра. В декабре 2013 и январе 2014 г. проведены соответствующие двусторонние российско-китайские консультации. В настоящее время в рамках реализации этой инициативы прорабатывается схема расширения функциональной структуры РАТС ШОС за счет введения в нее антинаркотической составляющей²⁶.

На экспертном уровне российские предложения отличаются и более продвинутым характером. Например, продвигается тезис (с ним, в частности, ряд лет выступают эксперты ИДВ РАН) об углублении непосредственной интеграции в работу Организации проводимых под эгидой ШОС ежегодных антитеррористических маневров («Мирная миссия»). Цель — на базе последних, а также путем реорганизации РАТС создать в структуре ШОС постоянно действующий Координационный комитет по оборонным вопросам.

Предполагается, что такой Комитет должен обладать возможностями организации и управления объединенными воинскими контингентами, которые (как и в случае уже проходивших маневров) могли бы оперативно собираться из мест своего постоянного пребывания на территориях стран-участниц для решения (в случае неотложной необходимости) непосредственно силовых задач ШОС в сфере обеспечения оборонной безопасности. Данный тезис неоднократно предлагался для обсуждения, в частности, китайским партнерам и, в целом, на ряде научных конференций признавался ими «как заслуживающий изучения», а сотрудничество по безопасности как базовая функция ШОС — «нуждающимся в укреплении»²⁷.

Думается, что полнокровное развитие ШОС как организации, которая согласно Хартии и Уставу является «структурой комплексной интеграции во имя процветания стран-участниц», наиболее результативно могло бы реализовываться на пути сочетания обеих задач — и области экономики, и в сфере безопасности. Тогда ШОС нашла бы себя как один из важных механизмов реализации ЭПШП и других интеграционных проектов в ЦАР и одновременно стала бы дееспособным гарантом как экономической, так и военно-политической безопасности в регионе.

В своем приветственном слове к участникам Ташкентского саммита ШОС Генеральный секретарь ООН в понятном для данного случая комплиментарном духе отметил, что ШОС и ныне играет «ключевую роль в региональном и глобальном сотрудничестве, в решении острейших вопросов, с которыми сталкивается обширный Евразийский регион». Было отмечено также, что «роль и значение ШОС сегодня, как никогда, важны, особенно когда человечество находится в поиске более всеохватывающих подходов к совместному противодействию таким современным вызовам и угрозам»²⁸.

Тем не менее, представляется, что потенциал ШОС в решении данных задач еще вряд ли достаточно реализован; он далеко не исчерпан и нуждается в дальнейшем продвижении на путях поиска совместных интересов и проявления согласованной политической воли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002). URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=33>

² *Василенок В.Л., Быков В.Н.* О некоторых угрозах экономической безопасности России. URL: <http://economics.ihtb.ifmo.ru/file/article/6751.pdf>

³ Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/a>

⁴ URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939205

⁵ Совместное заявление Конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС». URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=124>

⁶ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0628/c31518-8747925.html>

⁸ URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50818>

⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0915/c95181-8782546.html>

¹⁰ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zewlzxd/t1189263.htm>; http://www.belta.by/ru/person/interview/Tsuj-Tsimin_i_514671.html

¹¹ Строительство нового Шелкового пути – исторический шанс для развития ШОС. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1227/c95181-9159766.html>

¹² Совместное коммюнике по итогам четырнадцатого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=129>

¹³ Совместное коммюнике по итогам пятнадцатого заседания Совета глав правительств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/>

¹⁴ Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/a>

¹⁵ URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/12/2015/56703a6d9a7947f88a89ae7d>

¹⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8544855>; см. также URL: http://raspp.ru/novosti/raspp_ekonomika/konomicheskij_poyas_velikogo_shyolkovogo_puti_reshenie_vernoe/; <http://www.nisi.kg/ru-analyticarchive>

¹⁷ Ли Юнцюань. Актуальные проблемы расширения ШОС // Материалы международной конференции «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества». Сочи. 19–20 апреля 2016 г. М., 2016. С. 23.

¹⁸ URL: <http://zviazda.by/be/news/20150721/1437428626-shos-briks-i-eaes-bolshoe-sopryazhenie>; <http://eurasian-movement.ru/archives/19057>; <http://ria.ru/economy/20151111/1318910422.html#ixzz45n0bOcZC>

¹⁹ Совместное коммюнике по итогам пятнадцатого заседания Совета глав правительств государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectesco.org/documents>

²⁰ Уфимская декларация государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 10 июля 2015 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IJmFSa5CWIgaHxRxA6.pdf>

²¹ См.: URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/16-10-2015-2.aspx>; URL: <http://ria.ru/east/20151208/1338104745.html#ixzz45mziGpYZ>; URL: <http://www.eurasian-commission.org/ru/nae/news/Pages/04-02-2016-3.aspx>

²² URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=14115>

²³ Сотрудничество в области безопасности – главное направление совместной работы государств-членов ШОС. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7784964.html>

²⁴ URL: <http://pda.inosmi.ru/politic/20151211/234771751.html?al>

²⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0622/c31520-9075624.html>

²⁶ URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939205

²⁷ Уянаев С. Трехстороннее взаимодействие «Россия–Индия–Китай»: десять лет после Владивостока // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 17–18.

²⁸ Алимов Р. Сотрудничество между ООН и ШОС выходит на новую траекторию. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3787840> (дата обращения: 16.11.2016).

В.А. Матвеев

*к.э.н., ведущий научный сотрудник
Центра изучения проблем
СВА и ШОС ИДВ РАН*

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Аннотация. Статья посвящена современным вызовам энергетической безопасности и энергетического сотрудничества на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Даны оценки понятия «энергетической безопасности» ведущими игроками мировой политики. Отмечено, что энергетическая безопасность становится ключевым вызовом стратегического развития Китая. Оцениваются стратегические шаги Пекина по созданию ресурсной базы в рамках пространства ШОС. Рассматриваются перспективы достижения региональной и глобальной энергетической безопасности со стороны Китая и России.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, стратегическое развитие, трубопроводы, ШОС, Китай, Центральная Азия, Восточная Сибирь.

Vladimir. A. MATVEEV

CONTEMPORARY AGENDA OF THE ENERGY SECURITY IN THE SCO AREA

Abstract. This article is dedicated to contemporary challenges to energy security and energy cooperation in the SCO. Evaluations of the concept of “energy security” by leading players of world politics are presented. It is noted, that energy security becomes a key challenge to the strategic development of China. The author also estimates strategic actions of Beijing towards the establishment of a resource base in the framework of the SCO. Prospects for achieving regional and global energy security are also assessed in the aspect of China and Russia.

Keywords. energy security, strategic development, pipelines, SCO, China, Central Asia, Eastern Siberia.

Современные вызовы, связанные с глобальными процессами в сфере экономики, мировыми политическими рисками и изменениями ситуации в области международной безопасности, усугубляются нестабильной обстановкой на мировом энергетическом рынке. Страны-поставщики и страны-потребители энергии вынуждены искать пути стабилизации энергетических поставок.

Эта задача на протяжении последних 10–15 лет вышла на одно из приоритетных мест во внешней политике большинства государств мира, а ее решение возведено в категорию обеспечения выживания стран в будущем. Стремлением к достижению такой цели объясняются различные меры, предпринимаемые развитыми и развивающимися государствами по проникновению, усилению влияния и длительному закреплению в тех регионах планеты, где имеются достаточные запасы энергоресурсов.

В настоящее время на мировом рынке нефти основные проблемы возникают из-за дисбаланса спроса и предложения на нефть, в свою очередь, связанного с появлением новых видов нефтяных ресурсов. Это, прежде всего, сланцевая нефть. Следом идет проблема установления оптимальной рыночной мировой цены и ее соответствие текущим издержкам добычи нефти в различных регионах мира.

В связи с реализацией странами ОПЕК соглашения о сокращении объемов добычи нефти в 2017 г. мировые цены на нефть в определенной мере стабилизируются.

Значительно более трудноразрешимыми являются проблемы в газовой сфере. На глобальном газовом рынке, не до конца установившемся, в настоящее время происходят резкие и непредвиденные подвижки, ведущие к сильной волатильности цен на главных региональных рынках газа. Это связано с появлением новых центров производства сжиженного природного газа (СПГ) и бурным ростом производства сланцевого газа в США. При этом, как представляется, значительные предложения сланцевого газа в среднесрочной перспективе (Северная и Южная Америка, Северная Африка, Австралия и др.) будут конкурировать на мировом рынке с СПГ и трубопроводным газом, что в итоге окажет влияние на объемы межстрановой торговли газом и на цены его реализации.

Кроме того, вследствие аварии на АЭС Фукусима (Япония) произошел резкий скачок цен на импортируемый в Японию СПГ, спровоцировавший общий рост цен на СПГ в Азии. Это вызвало переориентацию поставок СПГ из стран Персидского залива на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с соответствующим сокращением подачи СПГ в Европу.

Эти флуктуации на мировом газовом рынке самым прямым образом затрагивают и энергетическую безопасность всего круга стран – потребителей газа.

Собственно, понятие «энергетическая безопасность» весьма широко трактуется в научной литературе. Со времен энергетических кризисов 1973 и 1978 г. развитые страны – США, страны Европы, Япония и другие – озаботились проблемами гарантированных поставок энергоносителей. Исходя из этого, начали разрабатываться концепции энергетической безопасности как части национальных экономических стратегий.

Первоначально энергетическая безопасность подразумевала нефтяную безопасность и включала в себя действия стран-импортеров по предотвращению перебоев в поставках нефти и скачков цен на нее. Впоследствии в понятие «энергетическая безопасность» также стали включать и стабильные поставки газа. Таким образом, с самого начала в основу этого понятия была заложена логика стран – потребителей энергоресурсов. В наиболее общем плане под «энергетической безопасностью» подразумевалось эффективное использование внутренних ресурсов при развитии технологий добычи, а также поддержание стратегического резерва и наличие стабильных внешних источников поставок¹.

С 1970-х годов контракты на поставки энергоресурсов, в основном, имели долгосрочный характер. При этом на рынке нефти, после того, как действия стран – экспортеров нефти, входящих в ОПЕК, вызвали резкое сокращение поставок, стал формироваться рынок краткосрочных сделок и контрактов для страхования от рисков недопоставок и скачков цен. Это привело к тому, что за последние пятнадцать лет мировой рынок нефти был полностью реформатирован из монопольного в конкурентный. В то же время в поставках газа стали преобладать долгосрочные контракты типа «бери или плати»². По мере все большей интернационализации рынков энергоресурсов задача обеспечения энергетической безопасности перестала сводиться лишь к обеспечению бесперебойных поставок нефти и газа. Теперь она распространяется на все виды первичных энергоресурсов, электроэнергетику и экологию³. В настоящее время вопросы энергетической безопасности занимают принципиально важное место в национальных энергетических стратегиях. Энергетическая безопасность становится чувствительным местом стратегического развития отдельных стран. Понимание национальных интересов в узком значении понятия «энергетическая безопасность» ведет к попыткам закрыться в собственной нише в целях оптимизации управления рисками энер-

гетической безопасности. И до сих пор ни одна страна мира, вне зависимости от экономического уровня развития и от развитости рыночных механизмов, не отказалась от применения мер протекционистского характера в энергетической сфере. Но это не может иметь длительный характер. Вопросы энергетической безопасности целесообразно обсуждать на более широкой площадке. Национальные энергетические стратегии и строящиеся на них энергетические политики стран должны быть прозрачными, понятными контрагентам. Они должны обсуждаться и координироваться между собой.

Между тем на данный момент существует принципиальная разница в подходах к пониманию энергетической безопасности среди ведущих игроков мировой политики.

Эта же глобальная проблема не исчезает с повестки дня различных международных интеграционных группировок, в том числе и ШОС. Тем более, что в числе членов группировки находятся два крупнейших игрока мирового энергетического рынка — Россия и Китай. Правда, они принадлежат к разным звеньям глобальной энергетической цепочки. Россия поставщик энергоресурсов, Китай — их потребитель, и это проявляется в различиях позиций. Если для России принципиально важна диверсификация поставок энергии для потребителей, то для Китая — диверсификация источников энергии. Эти факторы являются ключевыми моментами национальной безопасности рассматриваемых стран.

В настоящее время на мировой арене доминирует (с подачи ведущих развитых стран «большой семерки») точка зрения, что энергетическая безопасность является, прежде всего, «безопасностью спроса». Однако с позиций основных мировых поставщиков энергоносителей такая концентрация всех рисков на стороне поставщика, в конечном счете, не способствует безопасности поставок. Для *мировых* потребителей наиболее важна диверсификация по источникам доставки ресурсов, что неизбежно приводит к диверсификации по направлениям поставки со стороны производителя. И здесь вопрос диверсификации тесно связан с дальнейшим развитием энергетической инфраструктуры мировых поставок энергоносителей, а именно, развитием трубопроводных систем, сооружением заводов по сжижению газа и регазификационных установок СПГ, строительством все более мощных танкеров и газозовов. В настоящее время это весьма капиталоемкий процесс. В условиях ниспадающего тренда мировых цен на углеводороды риски возможных ошибочных решений, прежде всего, в сфере разработки ресурсов резко возрастают.

Поэтому важную роль в разделении рисков призвано сыграть, например, взаимное участие в активах между национальными

и транснациональными энергетическими компаниями, являющиеся одним из инструментов повышения устойчивости глобального энергообеспечения. И эту принципиальную линию на сотрудничество ведут российские, китайские, казахстанские нефтегазовые компании.

В дополнение к этому в условиях широкого вовлечения России и Китая в процессы глобализации должны быть приняты во внимание такие внешние факторы движения мирового энергетического рынка, как изменение геополитической ситуации и связанное с этим повышение политических рисков и нестабильности в добыче углеводородов, колебания мировых цен на нефть и газ, усиление государственного участия в мировой торговле энергоносителями.

Исходя из этого сейчас в большинстве международных интеграционных группировок продолжаются процессы как гармонизации национальных энергетических стратегий, так и выработки коллективных энергетических стратегий.

В Европейском союзе и ряде примкнувших к ним стран принят к действию такой международный документ, как «Энергетическая хартия», которая является политической декларацией о развитии международного сотрудничества в энергетической сфере. Сейчас стало общепризнанным, что в мире растущей глобализации и взаимозависимости между экспортерами и импортерами энергии только многосторонние правила могут обеспечить более сбалансированные и эффективные рамки для международного сотрудничества, чем те, которые предусмотрены лишь в двусторонних соглашениях или документах, не имеющих законодательной силы. Поэтому «Энергетическая хартия» и Договор к ней играют ведущую роль в контексте усилий по созданию правового поля для глобальной энергетической безопасности, на основе открытых, конкурентных рынков и принципов устойчивого развития. Тем не менее эти документы не получили полного международного признания, их не признали такие крупные игроки мирового энергетического рынка, как Россия, США, Норвегия и др.

Кроме того, в других частях света также делаются попытки выработать единую энергетическую стратегию, например, в МЕРКОСУР. Страны АСЕАН также пытаются выработать принципы формирования единой энергетической политики.

Тема энергетического сотрудничества и энергетической безопасности, естественно, звучит и на саммитах Шанхайской организации сотрудничества. Конечно, в сфере разработки и использования энергоресурсов в рамках ШОС присутствуют различные, нередко противоположные интересы, вытекающие из того, к какой

категории – поставщики, потребители или транзитеры энергоресурсов – эти страны относятся.

Еще в 2004 г. была озвучена идея о создании в рамках ШОС клуба потребителей и производителей энергоресурсов, а также концепции единой газо-, нефте- и энерготранспортной системы. Позднее, в 2006 г. Президентом России В.В. Путиным была предложена идея Энергетического клуба ШОС как мозгового центра для принятия сбалансированных решений в сфере топлива и энергии.

Отношение к этой идее отдельных стран ШОС неоднозначно. Если сначала все страны – члены ШОС поддержали эту идею, то сейчас можно отметить торможение ее реализации, особенно со стороны Узбекистана, который опасается ограничения своей многовекторной политики, в то же время Россия активно работает над созданием механизмов реализации. Россия уже давно занимается выстраиванием системы координации действий с крупными обладателями энергоресурсов. Идет постоянная транспортная, производственная и ценовая координация действий с производителями из стран Центральной Азии в целях развития сотрудничества между производителями и потребителями газа в рамках ШОС. В конечном итоге такая практика позволит приступить к выработке согласованной стратегии, увязывающей экономику газовых комплексов этих стран с их геополитическими интересами.

Но вместе с тем Россия ведет в последние годы активный энергодиалог с отдельными странами Европы, с ЕС в целом, США, ОПЕК, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем многие азиатские страны, включая страны – члены ШОС (в частности, Казахстан), вовлечены в процесс разработки Азиатской энергетической стратегии.

Идея таких энергетических диалогов во многом воплощается в стыковке между собой процессов реализации национальных энергетических стратегий. Чем меньше противоречий между ними, тем выше степень глобальной энергетической безопасности.

Важно отметить такой вектор дальнейшего развития ШОС, как попытка формирования на ее пространстве группировки государств, объединенных в единый, самодостаточный энергетический блок, что резко повысит их энергетическую безопасность.

Особенно важным, на наш взгляд, является развитие сотрудничества и согласованности в понимании путей достижения региональной и даже глобальной энергетической безопасности со стороны ведущих стран-членов – России и Китая.

Китайские эксперты глубоко изучают модели взаимодействия в международном энергетическом сотрудничестве. Это связано

с тем, что круг вопросов энергетической безопасности особенно значим для быстрорастущего экономического потенциала Китая. Это одна из важнейших стратегических проблем дальнейшего развития страны.

Энергетическая безопасность Китая: понятия и модели взаимодействия. Китайский взгляд

Еще на последнем по времени XVIII съезде Компартии Китая Ху Цзиньтао, передавая полномочия новому, «пятому поколению» руководителей Китая и говоря о насущных проблемах страны, подчеркнул, что «если смотреть на международную и внутреннюю ситуацию в целом, то развитие нашей страны все еще продолжает оставаться на стадии важных стратегических выборов. Нам нужно, безошибочно оценивая перемены в содержании и условиях этого периода, полностью используя благоприятный момент и хладнокровно реагируя на бросаемые вызовы, удерживать инициативу, добиваться превосходства и завоевывать будущее, тем самым обеспечивать себе выполнение грандиозных задач полного построения среднезажиточного общества к 2020 г., удвоения ВВП и среднедушевых доходов городского и сельского населения по сравнению с 2010 г.»⁴

При этом для исполнения вышеуказанных задач в докладе было отмечено, что наряду с информационной и продовольственной безопасностью энергетическая безопасность становится ключевым вызовом, с которым неизбежно столкнется Китай.

Это объясняется тем, что Китай – одна из крупнейших стран по энергопотреблению и импорту энергоресурсов.

Текущая ситуация в ТЭКе Китая показывает достаточно острую проблему в сфере энергетической безопасности, а именно в безопасности снабжения нефтегазовыми ресурсами. В китайской аналитике под энергетической безопасностью понимается надежное, бесперебойное снабжение энергоресурсами, которое необходимо для экономического развития страны⁵.

Особенного анализа требуют стратегические вопросы безопасности энергетического снабжения. В «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)», опубликованном АОН Китая, было подчеркнуто, что собственно стратегия энергетической безопасности подразделяется на два типа: «абсолютная» и «относительная» энергетическая безопасность. Абсолютная энергетическая безопасность или, точнее, «монопольная» безопасность означает, что крупная страна-энергопотребитель пытается в мировом масштабе контролировать и владеть главными нефтегазовыми месторождениями,

контролировать стратегические пути транспортировки и первенствовать в международных энергетических организациях. В современных условиях эту роль играют США⁶.

Китай, по мнению китайских экспертов, ориентируется на относительную энергетическую безопасность, что, безусловно, является стратегическим выбором Китая. Такая стратегия предусматривает сотрудничество в целях обеспечения коллективной энергетической безопасности. При этом, с одной стороны, энергопотребители акцентируют свое внимание на налаживании сотрудничества с энергопроизводителями, используя совместную добычу, развивая инвестиционную деятельность, сооружение энергетической инфраструктуры и т.п., а с другой стороны, между энергопотребителями создаются различные механизмы энергетического мониторинга, информационного обеспечения, стабилизации цен на энергоресурсы, управления перевозками энергоресурсов и др. для обеспечения собственной энергобезопасности⁷.

В данной стратегии энергобезопасности, на наш взгляд, стоит выделить в качестве приоритетного направления такое понятие, как диверсифицированное сотрудничество.

При этом в сфере международного энергетического сотрудничества, по большому счету, существуют три модели взаимодействия – *горизонтальная, вертикальная и комплексная*⁸.

Горизонтальная модель энергетического сотрудничества представляет собой многостороннее сотрудничество между энергопотребителями. Типичным примером данной модели служит Международное энергетическое агентство (МЭА).

Страны-участницы МЭА создали систему коллективного использования энергоресурсов в период энергетического кризиса, обмена информацией по энергетическому рынку, стабилизации цен на нефть. На основании установленных диалоговых связей с организациями – энергопроизводителями и другими странами, находящимися вне организации, страны – участницы МЭА рассчитывают на снижение рисков в развитии международного энергетического сотрудничества.

Под *вертикальной моделью энергетического сотрудничества* понимается установление двустороннего сотрудничества между энергопотребителями и энергопроизводителями. Другими словами, эта модель обеспечивает прямое взаимодействие между двумя тенденциями – *upstream* и *downstream*. Согласно данной модели энергопотребители (находящиеся в конце «нефтяного» потока – *downstream*) при помощи энергетической дипломатии закладывают твердые двусторонние партнерские отношения с энергопроизво-

дителями (upstream) для максимального обеспечения собственной безопасности энергетического снабжения.

Комплексная модель энергетического сотрудничества формируется на основе объединения горизонтальной и вертикальной моделей. Страны, придерживающиеся данной модели, ведут энергетический диалог одновременно и с энергопотребителями по горизонтальной модели, и с энергопроизводителями по вертикальной модели. Китай не входит ни в какую международную структуру ни с энергопроизводителями, ни с энергопотребителями.

На взгляд китайских экспертов, международная энергетическая стратегия, осуществляемая Китаем, относится больше к вертикальной модели. Разумеется, одновременно с ростом объемов морских транспортировок Китаю приходится также создавать трубопроводную инфраструктуру и строить регазификационные терминалы, а также диверсифицировать энергоисточники. Кроме того, акцент должен делаться на активизации участия и укреплении позиций в международном многостороннем механизме по энергетическим вопросам.

Стало очевидно, что энергоисточники и морские маршруты энерготранспортировки для Китая встречаются с потенциальными вызовами.

Геополитическая среда на Ближнем Востоке и в Северной Африке ухудшилась и продолжает ухудшаться из-за внутривнутриполитической нестабильности в этих регионах мира. США по мере перемещения стратегического веса с Запада на Восток и усиления своего военно-экономического присутствия в АТР стали увеличивать контроль над морскими пространствами в районе западного побережья Тихого океана для реализации стратегии глобального балансирования и сдерживания Китая.

Со времени начала проведения политики реформ и открытости восточные регионы являются главным объектом политико-экономического курса Китая. Практика показывает, что данная модель реформирования не только стимулировала быстрый подъем китайской экономики, но и создала несбалансированные отношения в социально-экономической жизни между внутренними регионами страны, особенно между восточными и западными. В силу этого развитие западных регионов является исторической задачей и источником повышенного внимания правительства, становится приоритетным направлением для Китая⁹. Следует отметить, что энергетика представляет собой будущий локомотив экономического развития в западных регионах страны. В настоящее время правительство Китая нацелено на продолжение формирования таких значимых

нефтегазовых производственных и промышленных баз, как базы по нефтедобыче в Таримской впадине, Джунгарской равнине и впадине Ордос; базы по газодобыче в Сычуаньской впадине, Таримской впадине и впадине Ордос; базы по нефтепереработке в Карамае, Урумчи, Ланьчжоу, Куньмине; базы нефтехимической промышленности в Карамае, Ланьчжоу, Пэнчжоу¹⁰. Поэтому как в плане обеспечения национальной безопасности, так и в плане сбалансированного уровня развития между внутренними регионами, западные регионы имеют важное стратегическое значение для страны в будущем.

По мнению декана Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы, сегодня стратегическая инициатива США переходит с Запада на Восток. ЕС, Россия, Индия также активно делают свои шаги на Восток. На этом фоне Китай, как значительный игрок в регионе АТР, должен не только сосредоточиться на своих морских границах и своих отношениях с традиционными соперниками и партнерами Тихоокеанского бассейна, но и стратегически планировать «продвижение на Запад»¹¹.

И здесь энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии является одной из центральных тем западной стратегии Китая. Таким образом, Китаю необходимо проводить более активную политику открытости, повышать уровень открытости на западном направлении, расширять внешние связи с западными пограничными странами, для того чтобы использовать зарубежные ресурсы и диверсифицировать каналы безопасного энергетического снабжения страны.

И эта задача имеет долгосрочный характер. Ее реализация «пятым поколением» руководства Китая будет двигаться в направлениях, заложенных в 12-й пятилетке прежним руководством страны. А именно: страна нацелена на реализацию политики самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы в развитии собственной добычи нефти и газа. Однако Китай – одна из крупнейших стран по энергопотреблению и импорту энергоресурсов, и политика самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы в развитии Китая недостаточна.

В настоящее время добыча нефти в Китае имеет тенденцию к сокращению. В январе–ноябре 2016 г. объем добычи сырой нефти составил 181,21 млн т, что на 7,2% меньше, чем в 2015 г.

Между тем согласно пятилетнему плану Госкомитета по реформам и развитию и Государственного энергетического управления Китая, обнародованному в январе 2017 г., Китай планирует к 2020 г. увеличить добычу нефти до 200 млн т. Для этого необходимо форсирование геологоразведочных работ с целью обеспечения внут-

ренных поставок нефти. При этом в 2016–2020 г. Китай будет ежегодно увеличивать разведанные запасы нефти на один млрд т. Также необходимо ускорение строительства сети нефтепроводов из нефтедобывающих районов¹².

Из-за сокращения добычи нефти в текущем периоде Китай вынужден наращивать импорт нефти. В 2016 г. в страну было поставлено 381 млн т нефти, а степень зависимости Китая от импортной нефти достигла 65%.

Это никак не устраивает руководство Китая, и в новый пятилетний план заложено снижение импортной зависимости.

Аналогичный пятилетний план подготовлен и по газу. Здесь также собственная добыча газа не сможет покрыть растущие потребности народного хозяйства. В 2015 г. потребление газа в Китае, по данным компании ВР, увеличилось до 197 млрд кубометров, из которых, по китайским данным, 134,6 млрд кубометров составила собственная добыча. Поэтому власти страны форсируют геолого-разведочные работы с тем, чтобы к 2020 г. разведанные запасы природного газа достигли 16 трлн кубометров. А по сланцевому газу ожидается, что разведанные запасы превысят 1,5 трлн кубометров.

В 2020 г., по ожиданиям китайских чиновников, потребление вырастет до 346,8 млрд кубометров, а собственная добыча — до 220 млрд, из которых традиционный газ даст 170 млрд кубометров, сланцевый — 30 млрд, а еще 16 млрд — метан угольных пластов. Соответственно, ниша для импорта может вырасти ровно вдвое, примерно до 127 млрд кубометров¹³.

В связи с этим Китай вкладывает существенные инвестиции в импортируемый газ — как трубопроводный, так и СПГ.

К 2020 г. Китай планирует получать не менее 65 млрд кубометров газа из Средней Азии (в 2015 г. было поставлено около 30 млрд), в первую очередь, из Туркменистана, около 10 млрд кубометров в год — из Мьянмы.

Также Китай активно закупает сжиженный природный газ (СПГ). На данный момент законтрактованы поставки СПГ в объеме около 50 млрд кубометров/год, к 2019 г. этот показатель может вырасти до 60 млрд (включая 3,5 млн т с проекта Ямал СПГ). Пока Китай этот объем СПГ не выбирает, потребляя около 35 млрд кубометров/год. Эти поставки полностью закрывают потребности КНР в импорте газа до 2020 г., причем у китайских компаний остается возможность покрывать пики потребления за счет закупок СПГ на спотовом рынке¹⁴.

А с 2019 г. начинает действовать и контракт с «Газпромом» на поставку 38 млрд кубометров газа по газопроводу «Сила Сибири».

Такая сложная диспозиция по импорту природного газа вынудит Китай произвести корректировку объемов поступающего по газопроводам газа. На наш взгляд, российский газ по «Силе Сибири» будет выбран в полном объеме за счет сокращения туркменского газа из-за лучшего качества российского газа и сокращения затрат на подготовку к транспорту сероводородсодержащего туркменского газа и его сверхдальнюю транспортировку на 7 тыс. км в южные регионы Китая. В то время как российский газ весьма нужен в промышленности Северо-Востока Китая.

Наличие разветвленной диверсифицированной сети поставок природного газа в Китай позволяет значительно снизить экономические риски в случае возможных сбоев одного из маршрутов поставок. Поэтому построенные магистральные газопроводы из Центральной Азии всегда будут играть важнейшую роль стратегической подпитки всей системы газоснабжения Китая.

Энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии

ЦА является одной из перспективных мировых ресурсных баз углеводородов. Тем не менее этой ресурсной базе присущи наличие ряда геолого-промысловых и инфраструктурных проблем освоения, что оказывает соответствующее разнонаправленное влияние на энергетическую безопасность данных стран региона и на взаимодействие с важнейшими мировыми инвесторами.

Во-первых, самые легкодоступные запасы нефти и газа уже освоены. Теперь разработчики открывают перспективные структуры на значительно больших глубинах продуктивных горизонтов — более 4–6 тыс. м. Эти ресурсы отличаются более сложным компонентным составом, высоким содержанием такого агрессивного компонента, как сероводород, а также аномальными пластовыми давлениями. Все это существенно удорожает экономические характеристики разработки месторождений.

Во-вторых, высокое содержание в нефти и газе агрессивных компонентов требует обязательной и трудоемкой подготовки добытого сырья к транспортировке на газоперерабатывающих установках и заводах.

В-третьих, переход на более глубокие и сложные продуктивные горизонты требует иных, более совершенных технологий добычи, которыми в большей части не владеют национальные компании, что, в свою очередь, требует непременно привлечения квалифицированных сервисных компаний из развитых стран.

В-четвертых, текущий, достаточно низкий, уровень мировых цен на нефть и газ также оказывает негативное воздействие на эффективность разработки нефтяных и газовых месторождений, вынуждает выводить из оборота наиболее затратные или приостанавливать освоение новых месторождений, например, в Казахстане. А поскольку китайская доля в нефтяных активах РК значительна, то этот мировой ценовой тренд неблагоприятно сказывается на интенсивности энергетического сотрудничества КНР с Казахстаном.

В конечном итоге в условиях нынешних низких цен на углеводороды эффективность освоения ресурсов ЦА резко снижается, что ведет к сокращению инвестиций и меняет схемы и объемы поставок в страны-потребители. Это оказывает прямое влияние на энергетическую безопасность как стран — поставщиков энергии, так и стран-потребителей.

Особенно *знаковым* является недоинвестирование добычи ресурсов. Резкое сокращение финансирования сектора upstream, весьма капиталоемкого и дорогостоящего, отодвигает новые добывающие проекты на далекую перспективу. Это в свою очередь в обозримой перспективе приведет к резкому паданию предложения ресурсов, что при очередном цикле резкого увеличения спроса вызовет его всплеск с соответствующим спекулятивным скачком цен. Таким образом, подрывается стабильность энергобезопасности стран-потребителей.

Аналогичные проблемы сопутствуют нынешней стадии развития газодобывающей промышленности Туркмении, основного поставщика импортного природного газа в Китай.

Несмотря на эти сложности, Китай продолжает укреплять общее стратегическое партнерство с центральноазиатскими странами, тем самым превращая их в стабильных внешнеполитических союзников и экономических контрагентов.

Начало этому было положено в середине 1990-х годов. Причем позиции Пекина в отношении стран ЦА достаточно дифференцированы: появляются «приоритетные» для него государства, которым отдается ключевое значение в инвестиционном сотрудничестве и соответственно в развитии политических и экономических связей.

При этом для Китая сотрудничество со странами ЦА возведено в ранг стратегического. В связи с этим Китаем была введена в действие стратегия взаимодействия с этим регионом, прежде всего, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). При этом среди перечня задач данной стратегии, по мнению китайских экспертов¹⁵, главными являются: получение доступа к ресурс-

ному потенциалу Центрально-Азиатского региона путем участия в разработке залежей нефти, газа, гидроэнергоресурсов и других природных ресурсов региона; сооружение производственной и транспортной инфраструктуры для транспортировки ресурсов в Китай – автомобильные и железные дороги, трубопроводы.

Приоритетным страновым представителем Центрально-Азиатского региона для Китая в настоящее время является богатый ресурсами и динамично развивающийся Казахстан. Начиная с 1997 г. большие финансовые ресурсы стали направляться Китаем на покупку нефтяных активов в Казахстане. С учетом стоимости строительства трубопроводов из стран региона в Китай его совокупные вложения в нефтегазовой сфере составляют десятки миллиардов долларов¹⁶.

Кроме того, на протяжении последних 10 лет стали налаживаться экономические связи с новой страной-партнером, Туркменистаном.

Путем инвестирования в нефтегазовую сферу региона Китай не только обеспечивает себе доступ к его энергоресурсам, но и укрепляет общее стратегическое партнерство с центральноазиатскими странами, обеспечивая общую энергетическую безопасность пространства ШОС.

Китай интенсифицирует свое участие в разведке и разработке газовых ресурсов Узбекистана, Туркменистана и Казахстана посредством интенсивной скупки активов местных компаний. Здесь у Китая имеются два побудительных мотива.

Один мотив – стратегический. Китай хочет купить активы центральноазиатских газовых компаний практически любой ценой, чтобы иметь здесь стабильные и гарантированные объемы добычи газа. К тому же, с позиций энергетической безопасности, Китаю важно оперировать и здесь собственным газом, нежели заниматься покупкой его у других компаний.

Другой мотив – экономический. Скупка активов местных компаний происходит с целью минимизации затрат на покупку центральноазиатского газа. Эта практика китайских компаний нашла широкое применение в нефтегазовом секторе Казахстана, в котором китайские компании работают уже достаточно продолжительное время. В результате этих действий китайская сторона минимизирует ценовые составляющие за счет некоторого снижения налоговой нагрузки, и в конечном итоге основная затратная часть импорта углеводородов приходится на оплату тарифа по их транспортировке до границы Китая. Однако следствием этого является упущенная выгода газодобывающих стран Центральной Азии.

Такая же тактика скупки активов либо заключение соглашений о разделе продукции применяется сейчас в газовом секторе Туркмении и Узбекистана.

В начале XXI в. проявился заметный интерес Китая к газовым ресурсам Туркмении. Этот интерес материализовался в создании многониточной газотранспортной магистрали «Центральная Азия», протянувшейся от уникального по мировым меркам нефтегазового месторождения «Галкыныш» в Туркмении до Западного Китая. Общая протяженность магистрали около 7 тыс. км, из них только по территории Китая — около 5 тыс. км. Эта магистраль стала, по сути дела, вторым масштабным трубопроводным проектом Китая в Центральной Азии (после нефтепровода Западный Казахстан—Китай). В целом, эти трубопроводы являются наиболее надежным звеном системы энергобезопасности Китая.

Вопросы энергетической безопасности России. Восточный аспект

Кроме Китая и центральноазиатских игроков, на энергетическом пространстве ШОС заметное место занимает и Россия. В настоящее время она активно развивает сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном в сфере совместной разработки их нефтегазовых ресурсов.

С начала XXI в. вектор энергетического сотрудничества России с другими странами начал перемещаться на восток, прежде всего, в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, включая и Китай. Это во многом определяется тем, что сопредельные России страны Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Северо-Восточной Азии, располагают большим потенциалом динамичного развития и мощного энергопотребления. Согласно прогнозам экспертов, спрос на нефть в основных странах АТР в период до 2025 г. будет на 25% опережать общемировые потребности, причем почти исключительно за счет трехкратного роста потребления нефтепродуктов в Китае. Спрос на природный газ в странах АТР также будет опережать общемировые темпы. Но уже в 1,8 раза. К 2015–2020 гг. доля стран АТР должна подняться до 15–20%. В связи с этим Энергетическая стратегия России предусматривает резкую диверсификацию экспортных потоков нефти и газа¹⁷.

До недавнего времени отсутствовали сколько-нибудь серьезные проблемы в энергетической безопасности России. Правда, свое негативное влияние оказывали периодические резкие снижения цен на мировом энергетическом рынке. Кроме того, с 2014 г. раз-

витыми странами во главе с США против России были введены санкции, коснувшиеся и финансирования новых проектов в нефтегазовой промышленности. И российские компании ощутили весь негатив торговли с одним потребителем в лице Евросоюза. Так, Евросоюз в рамках действия «Энергетической хартии» и Договора к ней также ввел в действие ограничения на новые проекты «Газпрома», реализуемые совместно с европейскими компаниями, а также ограничения на использование транзитных возможностей газопроводов с российским газом. В целом Евросоюз попытался ограничить рост продаж российского газа в Европе, однако в связи с холодной зимой 2016–2017 гг. этого не произошло.

Российские власти загодя поняли серьезность угроз энергетической безопасности страны в формате работы на один энергетический рынок и инициировали «поворот на Восток» для развития энергетического потенциала восточных районов страны. Тем более в восточных регионах страны уже были сформированы запасы в виде разведанных уникальных нефтяных и газовых месторождений Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха.

И сейчас позитив в энергобезопасности России во многом определяется возможностью диверсификации поставок углеводородов на мировой рынок. Власти учли прошлый риск и не стали на Востоке страны уповать на одного потребителя, хоть и такого крупного, как Китай. А такие предложения (предложение компании «Юкос» о строительстве мощного нефтепровода Ангарск–Дацин) звучали в конце XX в.

В итоге сооружена нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан» до бухты Козьмино. Правительство России также утвердило расширение мощностей «ВСТО-1» (первый этап проекта ВСТО) до 80 млн т к 2020 г. (с учетом планов по транспортировке нефти по нефтепроводу-отводу Сковородино–Мохэ в объеме 30 млн т) и «ВСТО-2» (второй этап проекта) – до 50 млн т¹⁸.

После длительных, более чем десятилетних сложных переговоров о цене на сибирский газ в мае 2014 г. был подписан стратегический пакет соглашений о расширении и углублении кооперационных связей между компаниями России и Китая, прежде всего, в сфере энергетического сотрудничества, включая газовые контракты. Газпром и CNPC договорились об условиях совместного финансирования капиталоемкого проекта «Сила Сибири» по доставке газа с Чаяндинского (а позднее и с Ковыктинского газоконденсатного месторождения) до границы с Китаем общей стоимостью около 70 млрд долл. с приемлемой для обеих сторон ценой

реализации газа на границе Российской Федерации и КНР. Экспортная производительность газопровода рассчитана на 38 млрд кубометров природного газа¹⁹.

В данном случае газопровод не будет ориентирован только на подачу газа в Китай. Проектируется прокладка трубы до Хабаровска и соединение там с действующим газопроводом Сахалин–Хабаровск–Владивосток в целях как газификации прилегающих территорий Дальнего Востока России, так и подачи на проектируемый завод СПГ для дальнейшего экспорта морем.

В настоящее время условия финансирования данного проекта с китайской стороны корректируются, вследствие чего имеется задержка сроков введения в строй газопровода и неподтверждение Китаем контрактных объемов потребления российского газа.

Но главное, в конечном итоге реализована одна из важнейших задач по диверсификации экспортных потоков российских углеводородов – построен энергетический коридор между Европой и Азией (северная ветвь энергетического коридора Евразии).

Это существенно повысило энергетическую безопасность России, а вместе с тем и надежность топливоснабжения потребителей стран Северо-Восточной Азии.

Выводы

В настоящее время вопросы энергетической безопасности занимают принципиально важное место в национальных энергетических стратегиях. Энергетическая безопасность становится чувствительным местом стратегического развития отдельных стран.

Флуктуации на мировом энергетическом рынке самым прямым образом затрагивают и энергетическую безопасность всего круга стран – потребителей энергоресурсов.

На данный момент существует принципиальная разница в подходах к пониманию энергетической безопасности среди ведущих игроков мировой политики.

Эта же глобальная проблема не исчезает с повестки дня различных международных интеграционных группировок, в том числе и ШОС. Тем более, что в числе членов группировки находятся два крупнейших игрока мирового энергетического рынка – Россия и Китай. Правда, они принадлежат к разным звеньям глобальной энергетической цепочки. Россия – поставщик энергоресурсов, Китай – их потребитель, и это проявляется в различии их позиций. Если для России принципиально важной является диверсификация поставок энергии для потребителей, то для Китая – диверсифика-

ция источников энергии. Это – ключевые моменты национальной безопасности рассматриваемых стран.

В настоящее время на мировой арене доминирует (с подачи ведущих развитых стран «большой семерки») точка зрения, что энергетическая безопасность является, прежде всего, «безопасностью спроса». Однако с позиций основных мировых поставщиков энергоносителей такая концентрация всех рисков на стороне поставщика, в конечном счете, не способствует безопасности поставок.

В конечном итоге в условиях нынешних низких цен на углеводороды эффективность освоения ресурсов резко снижается, что ведет к сокращению инвестиций и меняет схемы и объемы поставок в страны-потребители. Это оказывает прямое влияние на энергетическую безопасность как стран – поставщиков энергии, так и стран-потребителей.

Особенно знаковым является недоинвестирование добычи ресурсов. Резкое сокращение финансирования сектора *upstream* (добычи), весьма капиталоемкого и дорогостоящего, отодвигает новые добывающие проекты на далекую перспективу, что в свою очередь в обозримой перспективе приведет к резкому падению предложения ресурсов, а при очередном цикле резкого увеличения спроса вызовет его всплеск с соответствующим спекулятивным скачком цен. Это и подрывает стабильность энергобезопасности стран-потребителей.

Для мировых потребителей наиболее важна диверсификация по источникам доставки ресурсов, что неизбежно приводит к диверсификации по направлениям поставки со стороны производителя. И здесь вопрос диверсификации тесно связан с дальнейшим развитием энергетической инфраструктуры мировых поставок энергоносителей, а именно, развития трубопроводных систем, сооружением заводов по сжижению газа и регазификационных установок СПГ, строительством все более мощных танкеров и газозовозов. В настоящее время это весьма капиталоемкий процесс. В условиях ниспадающего тренда мировых цен на углеводороды риски возможных ошибочных решений, прежде всего, в сфере разработки ресурсов резко возрастают.

Поэтому важную роль в разделении рисков призвано сыграть, например, взаимное участие в активах между национальными и транснациональными энергетическими компаниями. Это – один из инструментов повышения устойчивости глобального энергообеспечения. И эту принципиальную линию на сотрудничество на пространстве ШОС ведут российские, китайские, казахстанские нефтегазовые компании.

Особенно значим круг вопросов энергетической безопасности для быстрорастущего экономического потенциала экономики Китая. Это одна из важнейших стратегических проблем дальнейшего развития Китая. Власти страны реализуют политику самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы в развитии собственной добычи нефти и газа. Однако из-за высокого энергопотребления и покрытия недостающего спроса за счет импорта политика самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы – недостаточна. Это никак не устраивает государственные власти Китая, и в план 13-й пятилетки заложено снижение импортной зависимости по углеводородам за счет форсирования геолого-разведочных работ преимущественно в западных регионах страны.

Если взглянуть шире, то вхождение в эпоху глобализации и появление сопутствующих вызовов требуют от Пекина разработки и реализации на практике новых стратегических концепций для решения как внутренних, так и внешнеполитических задач.

Специфика нынешнего процесса целеполагания в китайской стратегической линии состоит в том, что сегодня, в эпоху глобализации, расширились возможности опоры на целый ряд факторов и внешнего, и внутреннего свойства. По замечанию Я.М. Бергера, «в подходах к исследованию Большой стратегии Китая, ее целей и средств реализации китайские ученые исходят из интегрального единства внутренних и внешних задач, стоящих перед страной»²⁰.

С точки зрения нашей темы, среди применяемых китайских геополитических стратегий можно выделить такую, как «продвижение на Запад». Стратегическая концепция «продвижения на Запад» (*си цзинь*) в последнее время получила особо широкое распространение в китайских политологических кругах. Ее содержание относится к двум уровням: внутри страны она подразумевает необходимость освоения западных районов, а в международном плане – принципиально более высокую ступень активности КНР в той части Евразийского континента, которая лежит к западу от страны²¹.

Стратегия «продвижения на Запад» имеет четко выраженный геополитический аспект. В условиях американского «возвращения в Азию» и возрождения Вашингтоном политики «сдерживания Китая» Пекин стремится создать за своими границами собственную ресурсную и сбытовую базу, раскинувшуюся вплоть до Атлантики.

Применительно к энергетике правительство Китая продолжает делать ставку на приоритетность формирования нефтегазового комплекса в западных регионах страны, прежде всего, в Синьцзяне, где продолжается активная разведка и открытие все новых ресурсов

углеводородов. А вовне всемерно активизируется энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Кроме того, следует отметить совпадение интересов движения России на Восток за счет активного развития нефтяного и газового комплексов Восточной Сибири и Дальнего Востока России с потребностями в энергетической модернизации старопромышленных баз Северо-Востока Китая.

В настоящее время между «Газпромом» и CNPC реализуется договор об организации поставок российского газа в Китай («Сила Сибири-1»). Контракт заключен на 30 лет с объемом поставок на экспорт 38 млрд кубометров газа в год, начиная с 2019–2020 гг. Однако, судя по всему, стороны воспользуются предусмотренной в контракте возможностью перенести начало поставок в пределах двух лет, поскольку в данный период Китай в расширении импорта газа не нуждается²².

В народном хозяйстве Китая в настоящее время происходит сложный модернизационный переход в промышленной и коммунальной энергетике от угля к газу и к широкому международному сотрудничеству между Россией и Китаем в газовой сфере (строительство газопроводов, подземных хранилищ газа, замена бензина газомоторным топливом, эффективная газификация производственных комплексов и потребителей), что будет идти на пользу обеим странам.

Таким образом, на наш взгляд, принципиально важным является развитие сотрудничества в энергетической сфере и согласованности в понимании путей достижения региональной и даже глобальной энергетической безопасности со стороны России и Китая.

Кроме того, Россия и Китай как ведущие страны ШОС могут возглавить процессы гармонизации национальных энергетических стратегий стран-членов и формирования мозгового центра для принятия сбалансированных решений в сфере топлива и энергии в формате Энергетического клуба ШОС.

Важно отметить такой вектор дальнейшего развития ШОС, как попытка формирования на ее пространстве группировки государств, объединенных в единый, самодостаточный энергетический блок, что резко повысит их энергетическую безопасность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скрыбина М.С. Стратегия энергетической безопасности во внешней политике Китая: 1993–2012 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М., 2013.

² Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001.

³ *Скрябина М.С.* Стратегия энергетической безопасности во внешней политике Китая: 1993–2012 гг.

⁴ *Ху Цзиньтао.* Доклад на 18-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> [Doklad Hu Jintao na 18 s'ezde KPK. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>]

⁵ *Ли Син, Ван Чэнсин.* Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика и геополитика. 2013. № 2 (12).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351

¹³ URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1484809320>

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Бао И.* Китай: стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5 (17). С. 117.

¹⁶ *Джекшенкулов А.* Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000. С. 167.

¹⁷ *Штыров В.* Нефтегазовый комплекс Востока России: становление Якутского центра добычи нефти и газа. М., 2016.

¹⁸ URL: <http://www.transport-nefti.com/news/3968/>

¹⁹ URL: <http://top.rbc.ru/economics/26/05/2014/926066.shtml>

²⁰ *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 22.

²¹ *Ларин А.Г., Матвеев В.А.* Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

²² URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351

А.В. Шлындов
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Центра изучения проблем
СВА и ШОС ИДВ РАН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ШОС В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА, БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ

Аннотация. В статье анализируются угрозы и вызовы безопасности в Центральном-Азиатском регионе, с которыми сталкиваются Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Взаимодействие двух стран в рамках Шанхайской организации сотрудничества обусловлено их общими интересами по обеспечению безопасного стабильного развития региона. Это исключает появление принципиальных разногласий и противоречий между Россией и Китаем как в настоящее время, так и в обозримом будущем, закладывает прочный фундамент для дальнейшего развития ШОС и усиления ее позитивного влияния не только в регионе, но и во всем мире. В заключение автором предлагаются некоторые варианты направления и варианты модернизации структур ШОС, связанных с обеспечением безопасности.

Ключевые слова. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Центральном-Азиатский регион, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, безопасность, национальный интерес, терроризм, экстремизм, сепаратизм.

Alexander V. SLYNDOV

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE FRAMEWORK OF THE SCO AND ITS INFLUENCE ON THE ACTIVITIES OF THE SCO IN THE FIELD OF PEACE, SECURITY AND STABLE DEVELOPMENT OF PARTICIPATING COUNTRIES

Abstract. The article analyzes the threats and challenges to security in the Central Asian region faced by the Russian Federation and The People's

Republic of China. The interaction between the two countries in the framework of the Shanghai Cooperation Organization is governed by their common interests of ensuring secure and stable development of the region. This eliminates fundamental differences and contradictions between Russia and China nowadays and in the prospect. This also lays firm basis for further development of the SCO and strengthening of its positive impact not only in the region but also throughout the world. In conclusion, the author offers some directions and options for upgrading the SCO's structure connected with region's security.

Key words. the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Central Asian region, the Russian Federation, the People's Republic of China, security, national interest, terrorism, extremism, separatism.

Потребность в создании Шанхайской пятерки, а затем Шанхайской организации сотрудничества (далее ШОС) обусловила необходимость решения проблем, связанных с региональной безопасностью и межгосударственными отношениями. События 11 сентября 2001 г. и их последствия стали катализатором расширения и углубления отношений государств-участников организации в этой сфере. Борьба с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом является одной из приоритетных задач ШОС, а их совокупное проявление в Центральной Азии наиболее масштабно и представляет собой одну из основных угроз безопасности в этом регионе.

Так, в Концепции сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой 5 июля 2005 г. в Астане, сказано:

«Государства — члены ШОС убеждены в том, что главным центром регулирования международных отношений и развития сотрудничества в сфере обеспечения международной безопасности является Организация Объединенных Наций.

Государства — члены ШОС подтверждают свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим общепризнанным принципам и нормам международного права, касающимся поддержания международного мира, безопасности и развития добрососедских и дружественных отношений, а также сотрудничества между государствами.

Государства — члены ШОС намерены активно участвовать в антитеррористических мероприятиях, проводимых как под эгидой ООН, так и в рамках региональных организаций. Необходимость и степень такого участия будут соизмеряться с их национальными интересами и международными обязательствами.

Государства – члены ШОС намерены принимать все возможные меры по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС и не предоставлять убежище лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении таких деяний.

Государства – члены ШОС рассматривают борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в рамках ШОС как важнейшую внешнеполитическую задачу и считают, что разработка дополнительных механизмов международного сотрудничества в этой области должна стать адекватной мерой по наращиванию и модернизации потенциала быстрого антикризисного реагирования и способствовать эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противодействию новым вызовам и угрозам.

Государства – члены ШОС исходят из того, что борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС своими собственными силами имеет для них приоритетное значение»¹.

Следует отметить, что к решению проблем противодействия международному терроризму ШОС подходит с более широких позиций, чем США и их союзники. Если в Вашингтоне на первое место ставят военную силу с нанесением военных ударов по террористическим центрам и оказание давления на государства, поддерживающие терроризм, то с точки зрения Шанхайской организации сотрудничества ликвидация террористической деятельности напрямую связана с нейтрализацией деятельности религиозных экстремистских и сепаратистских организаций, а также требует решения социально-политических проблем. Таким образом, координируя свою деятельность с Соединенными Штатами, государства-члены ШОС действуют по собственной программе, тесно увязывая анти-террористическую борьбу с обеспечением своей территориальной целостности и гарантированием сохранения светских режимов у власти в Центральной Азии².

Более того, членов ШОС серьезно настораживает экспансионистский курс США, направленный на включение центральноазиатских республик бывшего СССР в сферу американского влияния, проводившийся под пропагандистским лозунгом распространения демократии. Угроза дестабилизации положения в Центральной Азии путем оказания материальной и финансовой помощи оппозиционным антиправительственным силам, подпиткой сепаратистских движений, создания условий для реализации концепции управляемого хаоса может привести к таким же последствиям, которые мы наблюдали в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Страны-участницы ШОС исходят из того, что процессы глобализации усиливают взаимозависимость государств, в результате

чего их безопасность и развитие становятся неделимыми, а также то, что современным вызовам и угрозам безопасности можно эффективно противостоять лишь через объединение усилий на основе согласованных принципов и в рамках многосторонних механизмов. Сотрудничество в противодействии новым вызовам и угрозам должно осуществляться последовательно, без применения двойных стандартов, через строгое соблюдение норм международного права, а построение глобальной системы безопасности необходимо реализовывать только под эгидой ООН и при строгом соблюдении ее Устава. Государства – члены ШОС принципиально не приемлют односторонние акции, поскольку такие акции не способны решить существующие в мире проблемы³.

Общая озабоченность негативными последствиями военного присутствия США в Центральной Азии побудила страны–участницы ШОС обязать Вашингтон установить поэтапный график вывода военных баз США с территории Узбекистана и Кыргызстана. Причем вопрос об американских базах в Центральной Азии связан не только с угрозой дестабилизации ситуации в центральноазиатских республиках бывшего СССР, но и имеет стратегическое для Российской Федерации и КНР измерение. Указанные базы представляли реальную угрозу военной безопасности двух стран в силу того, что они находились в непосредственной близости от национальных границ и в случае их сохранения на перманентной основе могли обеспечить США условия для нанесения ударов крылатыми ракетами воздушного базирования (КРВБ) по жизненно важным военным и экономическим объектам России и Китая, недоступным с других направлений. В этом случае в зону досягаемости крылатых ракет в соответствии с установками американской стратегии быстрого глобального удара (БГУ) попадала вся территория России и Китая. По расчетам военных экспертов США, полученным в результате компьютерного моделирования, при нанесении первыми массированных ударов по достаточно крупному индустриально развитому государству наряду обычных высокоточных средств в количестве 3500–4000 ед. в течение нескольких часов последнее несет неприемлемые потери и лишается возможности сопротивляться⁴.

Рассматривая соотношение интересов России и Китая внутри самой организации, можно, прежде всего, отметить, что Китай не оспаривает главенствующую роль Российской Федерации в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Более того, он признает и поддерживает ее, воздерживаясь от любых действий, которые могут дать повод быть истолкованными как посягательство на эту ведущую роль. Пекин не имеет в настоящее время и не доби-

вается создания в будущем военных баз на территории республик бывшего СССР. КНР серьезно ограничивает себя в налаживании военного и сколько-нибудь значительного военно-технического сотрудничества с центральноазиатскими республиками, признавая прерогативы Москвы в этой чувствительной для России сфере; дополняет усилия России в экономической составляющей укрепления безопасности и стабильности в регионе по тем направлениям, где Россия обладает недостаточными возможностями в силу кризисного состояния ее экономики и бюджетных ограничений, а именно, в сфере оказания финансовой помощи и реализации крупных инфраструктурных проектов, таких как строительство железных и автомобильных дорог, трубопроводов и т.д.

Серьезную обеспокоенность Москва и Пекин проявляют в отношении ситуации в Афганистане. Особую тревогу вызывают перспективы развития обстановки в этой стране после полного сворачивания военной операции США. Это связано с тем, что Афганистан имеет общую границу с Китаем, и в случае победы там радикальных исламских сил последние получают возможность не только оказывать прямую поддержку исламским сепаратистам в китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), но и сформировать общий фронт борьбы с центральной властью.

Еще более опасное положение для России и Китая сложится в том случае, если радикальные силы расширят свое влияние на центральноазиатские республики бывшего СССР и попытаются создать в регионе исламский халифат наподобие ИГИЛ. В Центральной Азии наблюдается нарастающая радикализация населения. В ряде постсоветских республик, особенно в Кыргызстане и Таджикистане, открыто действуют пропагандисты из ИГИЛ. Наиболее опасными районами Центральной Азии являются прилегающая к Афганистану Горно-Бадахшанская автономная область Таджикистана и Ферганская долина, которая граничит с Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. В этом стратегически важном регионе наблюдается повышенная активность не только пропагандистов экстремизма, но и боевиков ИГИЛ. С разгромом в Сирии и Ираке они, скорее всего, перебазируются на подготовленные позиции в Центрально-Азиатском регионе.

Для России такое развитие ситуации будет представлять серьезную угрозу, поскольку она имеет протяженную и почти неохраняемую границу с Казахстаном, который расположен в непосредственной близости от нестабильных районов Северного Кавказа и имеющих значительную долю исповедующего ислам населения республик России – Татарстана и Башкортостана, где уже в настоя-

щее время наблюдается усиление влияния радикальных исламских и националистических сепаратистских движений. В интересах противодействия таким угрозам у России и Китая сложилась, если так можно выразиться, своеобразная система разделения труда. Россия в силу своего бóльшего влияния на центральноазиатские республики бывшего СССР и сохранения военного присутствия в регионе берет на себя львиную долю оказания военной и военно-технической помощи этим государствам. Китай же оказывает значительную финансово-экономическую помощь, которая служит укреплению внутренней стабильности стран ЦАР.

Кроме того, Китай предпринимает серьезные усилия в интересах усиления безопасности и стабильности в Афганистане. В 2006 г. между двумя странами был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, содержащий положение о совместной борьбе с триединым злом — терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Китай поддерживает и развивает широкие и многоуровневые связи с руководством Афганистана, включая его высшее звено. В 2013 г. официальный визит в КНР совершил бывший в то время президентом Афганистана Х. Карзай, а в 2014 г. в Пекине побывал новый афганский президент А. Гани.

В совместном заявлении по окончании визита Х. Карзая в КНР китайская сторона выразила серьезную озабоченность состоянием безопасности китайских представительств, предприятий и граждан в этой стране. Встречаясь с А. Гани, председатель КНР Си Цзиньпин выразил надежду, что Афганистан будет постоянно предпринимать активные меры по обеспечению безопасности китайских учреждений и их персонала. В ходе переговоров с новым афганским президентом китайская сторона подтвердила готовность КНР оказывать Кабулу необходимую помощь в решении этой задачи⁵.

О серьезной заинтересованности КНР в укреплении безопасности и стабильности в Афганистане свидетельствует и тот факт, что на следующий день после встречи Си Цзиньпина с А. Гани в Пекине был проведен организованный афганским правительством под патронтом КНР очередной раунд многосторонней конференции под названием «Процессы, происходящие в сердце Азии», имевшей своей целью углубление сотрудничества и взаимодействия стран региона в решении задач в сфере экономики и укрепления безопасности. В работе первой части этой конференции, посвященной экономическому сотрудничеству, китайские представители участвовали лишь в качестве наблюдателей. Во второй части, предметом обсуждения которой являлись вопросы укрепления безопасности в регионе, Китай принял непосредственное участие. Этот

факт свидетельствовал о первостепенной значимости для Пекина задач борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и распространением наркотиков. От участия в обсуждении вопросов, касающихся сотрудничества в осуществлении проектов развития производственной и инфраструктурной сферы, китайская сторона воздержалась, по всей видимости, для того чтобы избежать подозрений в экономической экспансии КНР в регионе⁶.

Как известно, еще в 2002 г. для охраны китайских представительств и учреждений в Афганистане в эту страну была направлена довольно многочисленная группа сотрудников элитного спецформирования Народной полиции КНР «Снежные барсы». Помимо своего непосредственного предназначения по охране китайских учреждений на территории Афганистана, они приняли участие совместно с афганскими силами правопорядка и армейскими подразделениями в создании пояса безопасности вокруг Айнакского медного рудника, который строился и обслуживался китайским персоналом⁷.

В результате состоявшегося в сентябре 2012 г. визита в Кабул министра общественной безопасности КНР, члена Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкан было подписано двустороннее соглашение о прохождении курса обучения в КНР 300 афганских полицейских⁸.

Подготовка в КНР персонала афганских правоохранительных органов в довольно значительных масштабах осуществлялась и раньше. В ходе международной конференции по Афганистану, состоявшейся в июле 2010 г. в Кабуле, тогдашний министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в своем докладе отметил, что в Китае прошли подготовку и обучение 784 сотрудника афганских служб, отвечающих за обеспечение безопасности и правопорядка⁹.

Опираясь на свое сильное влияние на правительство Афганистана и имея определенные связи с оппозиционными ему группировками, включая «Талибан», с которым китайские представители уже длительное время поддерживают довольно широкие неформальные контакты, Пекин в интересах стабилизации положения в Афганистане предпринимает определенные шаги для налаживания диалога афганского правительства и оппозиции, главным образом в лице «Талибана». Так, в начале 2015 г. Китай организовал в Пекине встречу представителей афганского правительства и талибов с участием сотрудников разведывательных служб Пакистана¹⁰.

Следует отметить, что пакистанская военная разведка имеет в «Талибанах», «Аль-Каиде» и других радикальных исламских организациях свою агентурную сеть, а некоторые боевые отряды исламской оппозиции, базирующиеся по обе стороны афгано-пакистанской

границы, открыто курирует еще со времен ввода в Афганистан так называемого ограниченного контингента советских войск.

Все это позволяет констатировать, что Китай вносит весомый вклад в дело укрепления безопасности и стабилизации экономической ситуации в Афганистане. При этом он, не ограничиваясь сотрудничеством с правительством этой страны, делает попытки оказать содействие официальным властям Афганистана в налаживании диалога с оппозиционными силами. С одной стороны, такая тактика позволяет Пекину показать свою позитивную роль миротворца в урегулировании межафганского конфликта, а с другой — расширить окно возможностей для сохранения своих позиций в Афганистане в случае победы антиправительственных сил.

В целом такой курс КНР в отношении Афганистана не противоречит интересам России. Более того, он во многом выгоден ей, поскольку позволяет концентрировать усилия обеих наших стран в интересах укрепления безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе на тех направлениях, где они обладают большими возможностями. Россия сохраняет свои сильные позиции в центральноазиатских республиках бывшего СССР. Китай, в свою очередь, в значительно большей степени вовлечен в процессы, происходящие в Афганистане. При этом усилению значимости Пекина в афганских делах способствуют его тесные, фактически союзнические отношения с Пакистаном, который играет одну из ведущих ролей в афганском конфликте.

Рассматривая отношения Китая с Афганистаном и Пакистаном в контексте выявления точек совпадения или расхождения интересов Российской Федерации и КНР в Центрально-Азиатском регионе, представляется возможность оспорить точку зрения некоторых авторов, в том числе китайских, которые утверждают, что между нашими странами имеются принципиальные разногласия относительно возможностей расширения ШОС. В частности, китайский исследователь Лю Цян отмечает, что в отношении вступления в ШОС новых государств позиции Китая и России имеют существенные различия. Он утверждает, что в настоящее время около 10 стран изъявляют желание вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества, но не все государства, претендующие на членство в ШОС, в одинаковой степени поддерживаются Москвой и Пекином. Например, Россия, утверждает Лю Цян, выступает против вступления в ШОС Пакистана. Китай аналогичную позицию занимает в отношении Индии¹¹.

В конечном итоге Лю Цян приходит к выводу, что в случае вступления в ШОС Индии и Пакистана противоречия между ними

могут стать проблемой, которую придется решать в рамках ШОС, а это отнюдь не способствует здоровому развитию Организации¹². С такой трактовкой позиций России и Китая в отношении вступления в ШОС Индии и Пакистана и особенно с таким выводом о возможных последствиях их членства в организации трудно согласиться, тем более, что он не подтверждается на официальном уровне. В подтверждение ошибочности точки зрения китайского исследователя о наличии разногласий между КНР и Россией по вопросу о вступлении Индии и Пакистана в ШОС можно сослаться на совместное индийско-китайское заявление, подписанное высшими руководителями двух стран — премьер-министром Индии Монмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао, по результатам визита последнего в Индию, состоявшегося 20–23 ноября 2006 г. В нем зафиксирована официальная позиция Дели и Пекина по всему спектру поднятых в ходе переговоров вопросов. В частности, в указанном документе изложена точка зрения каждой из сторон в отношении участия другой в международных организациях, а именно: Индия и Китай признают интересы друг друга в соответствующих международных организациях, они позитивно воспринимают участие каждой из сторон в межрегиональных, региональных и субрегиональных организациях.

В этом контексте обе стороны выражают свое принципиальное согласие наладить тесное сотрудничество в рамках саммита Восточной Азии (East Asia Summit). Индийская сторона поддерживает получение Китаем статуса наблюдателя в Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии, китайская сторона приветствует членство Индии в Диалоге Европа–Азия (Asia–Europe Meeting). Обе стороны выразили согласие расширять свое взаимодействие по вопросам, представляющим взаимный интерес в Шанхайской организации сотрудничества¹³.

Россия не возражала против приема в ШОС в качестве наблюдателя Афганистана, кандидатура которого была предложена Китаем в июне 2012 г. На саммите ШОС в Душанбе в 2014 г. Россия поддержала предложение КНР о расширении ШОС. В случае приема в ШОС Индии и Пакистана Россия, поддерживающая всесторонние тесные отношения с Индией, и Китай, являющийся фактическим союзником Пакистана, могли бы сыграть существенную роль в примирении и последующем сближении Дели и Исламабада. Вывод Лю Цяня о якобы нежелании России и Китая поддержать инициативу Казахстана, лоббирующего прием в ШОС Ирана, также представляется неубедительным в свете информации о координации действий России, Ирана и Турции в Сирии, и про-

ведении совместных операций ВКС России и ВВС Турции против террористических сил, действующих на территории этой страны. Этот вывод также опровергается участием представителей России, Турции, Ирана в процессе налаживания межсирийского диалога и мирного урегулирования вооруженного конфликта в Сирии в ходе переговоров в Астане, состоявшихся в январе 2017 г. Китай поддержал эту встречу и положительно оценил ее результаты.

Существует точка зрения, тиражируемая многими зарубежными исследователями, занимающимися проблематикой ШОС и отношениями России и Китая в двустороннем и многостороннем форматах, в том числе и с центральноазиатскими странами, согласно которой между Китаем и Россией имеются серьезные разногласия в подходах к распределению энергетических ресурсов центральноазиатских стран и маршрутов их поставки. Обострение такой конкуренции, утверждает турецкий исследователь А.Т. Тюркер, становится все более вероятным по мере того, как запросы России растут, а пропускная способность ее трубопроводов остается недостаточной¹⁴.

Подобные утверждения на первый взгляд кажутся убедительными. Но если подойти к вопросу с точки зрения реалий сегодняшнего дня, они могут вызывать серьезные сомнения. В условиях недавно принятого решения нефтедобывающих стран о сокращении добычи нефти в интересах формирования справедливых цен на этот вид энергоресурсов (цены на газ также привязаны к текущим ценам на нефть) и истощения запасов нефти и газа в традиционных районах их добычи на территории России, последняя не может в полном объеме удовлетворить растущие потребности Китая в углеводородах. В частности, по некоторым источникам, Россия может уже сейчас испытывать определенные трудности с реализацией проектных поставок газа по трубопроводу «Сила Сибири». Поэтому поставки энергоресурсов из стран Центральной Азии следует рассматривать не через призму конкурентной борьбы, а как элемент взаимовыгодного сотрудничества стран – членов ШОС.

Также можно подвергнуть сомнению выводы некоторых исследователей о том, что с продвижением своего проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) Пекин бросает вызов российским интересам в Центральной Азии. Точка зрения авторитетного российского исследователя С. Караганова кажется более убедительной: в своем интервью еженедельнику «Аргументы недели» он утверждал, что России и Китаю «удалось с умом» избежать соперничества за Центральную Азию, объявив о сопряжении ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), которые

взаимно дополняют друг друга¹⁵. Указанный проект выгоден России, так как сухопутный маршрут Шелкового пути будет проходить через территорию нашей страны. Участие в нем обеспечит России развитие регионов, по которым он будет прокладываться, не говоря уже о пополнении местных бюджетов за счет платы за транзит грузов и использование инфраструктуры.

В целом можно констатировать наличие общих интересов России и Китая по основным направлениям деятельности ШОС при незначительном расхождении позиций по отдельным второстепенным вопросам. Более того, как отмечает российский исследователь Т. Бордачев, и с ним нельзя не согласиться, «за последние годы Москва и Пекин сделали очень много для того, чтобы устранить даже эти незначительные объективные факторы конкуренции»¹⁶. Это создает надежную основу для дальнейшего развития ШОС. Указанное объединение имеет хорошие перспективы как в плане своего количественного расширения, так и в плане увеличения его возможностей и спектра решаемых задач.

В связи с этим важно, чтобы договорно-правовая база ШОС соответствовала новым реалиям быстро меняющейся политической, экономической и военно-стратегической обстановки в мире. В настоящее время назрела необходимость внесения изменений в основополагающие документы ШОС. В первую очередь следует обновить и дополнить Хартию ШОС, в том числе в части, касающейся приема новых государств-членов и расширения силовой составляющей в ее аппарате. Представляется целесообразным обозначить в этом основополагающем документе важность взаимодействия ОДКБ и ШОС как важнейших структур, ответственных за обеспечение мира, безопасности и стабильности, а также определить направления и формы такого взаимодействия.

В современных условиях терроризм, сепаратизм и экстремизм приобретают международный характер, располагают мощной финансовой подпиткой со стороны мафиозных криминальных структур и доходов от наркобизнеса; их структуры, как это было с ИГИЛ, «Ан-Нусра», «Аль-Каида» и другими террористическими организациями, способны сформировать фактически регулярные вооруженные силы, оснащенные современным вооружением и военной техникой, включая танки и даже оперативно-тактические ракеты.

Борьба с такими формированиями, как это показал опыт Чечни, Афганистана, Ирака и Сирии, становится эффективной только в случае объединения усилий правоохранительных структур, специальных служб и формирований вооруженных сил. Учет этих новых обстоятельств делает необходимым в перспективе внесение

в повестку дня ШОС вопроса о преобразовании Региональной анти-террористической структуры (РАТС) в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами. Указанное предложение было высказано министром иностранных дел Российской Федерации С. Лавровым на заседании Совета министров иностранных дел ШОС, состоявшемся в сентябре 2014 г. в Душанбе. Для укрепления безопасности стран – членов ШОС он предложил распространить деятельность новой организации на сферу борьбы с наркобизнесом¹⁷.

В развитие идеи С. Лаврова для обсуждения экспертным сообществом стран ШОС можно предложить включить в структуру нового Центра формирование быстрого реагирования, в составе которого целесообразно иметь три специализированные группы, нацеленные на противодействие терроризму, экстремизму и сепаратизму, на борьбу с наркобизнесом и на проведение спасательных операций и ликвидацию последствий природных и техногенных катастроф.

Для повышения эффективности деятельности указанного Центра целесообразно предоставить его персоналу право свободного (безвизового) пересечения государственных границ внутри пространства ШОС на всех видах транспорта вместе с соответствующим оборудованием и техникой, включая специальную и военную.

Это право наряду с полномочиями, функциями, целями и задачами Центра, а также системой и принципами его комплектования, условиями применения приданных сил и средств должны быть закреплены соответствующими нормативно-правовыми документами, одобренными и утвержденными всеми государствами-членами ШОС. Все это позволит более эффективно и в максимально короткие сроки адекватно отвечать на внезапно возникающие угрозы и, по возможности, нейтрализовать их на начальных стадиях формирования.

Актуальность укрепления силовой составляющей ШОС подтверждается событиями, имевшими место в июне 2016 г. в казахстанском городе Актобе, когда организованные группы экстремистов одновременно совершили вооруженные нападения на казармы республиканской национальной гвардии и оружейные магазины города. Эта заранее спланированная, тщательно подготовленная и достаточно масштабная вылазка застала врасплох местные правоохранительные органы, которым довольно длительное время не удавалось взять ситуацию под контроль.

Борьба с наркобизнесом, который в настоящее время превратился в хорошо организованный международный синдикат, то есть имеет наднациональный характер, является общей задачей для всех стран ШОС и поэтому требует объединения их усилий.

Необходимость консолидации действий стран ШОС в проведении спасательных операций диктуется тем фактом, что все государства-члены — как в их нынешнем, так и в перспективном составе — находятся в зоне повышенной сейсмической опасности, а по их территории проходит сеть газо- и нефтепроводов, которые также относятся к категории потенциально опасных объектов.

На первом этапе можно было бы на основании Хартии ШОС в существующей ее редакции, прокламирующей эту организацию как многопрофильную, реализовать идею министра обороны Российской Федерации С. Шойгу о создании при ШОС аппарата военных советников. С этой инициативой он выступил на совещании глав оборонных ведомств стран — участниц ШОС, состоявшемся в июне 2015 г. в Санкт-Петербурге. В своем выступлении министр отметил, что такой орган мог бы стать генератором идей для руководства этой организации в плане выработки предложений по повышению эффективности совместных действий государств-членов ШОС в сфере обеспечения безопасности в регионе¹⁸. Конкретизируя предложения С. Шойгу, можно добавить, что на экспертов аппарата советников могла бы быть возложена задача по подготовке новой редакции Хартии ШОС в части, касающейся вопросов обеспечения безопасности, а также по разработке новой нормативно-правовой базы в этой сфере.

Будущее ШОС, ее становление как полноценной международно-признанной структуры по обеспечению безопасности и сотрудничества зависит от того, насколько своевременно она будет реагировать на вызовы времени, будет ли она обладать потенциалом, обеспечивающим возможность эффективно нейтрализовать весь спектр существующих и перспективных вызовов и угроз. Пятнадцатилетняя годовщина существования ШОС, результаты деятельности этой организации свидетельствуют о том, что она уверенно вошла в число влиятельных международных организаций и вносит и будет вносить свой достойный вклад в дело укрепления мира, безопасности и стабильного развития не только на пространстве Евразии, но и за ее пределами.

В интервью агентству «Синьхуа» накануне своего визита в КНР в июне 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин выразил пожелание, чтобы ШОС наращивала свои масштабы и приобретала всемирное значение¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <http://www.sectsc.org/>

² Васильев Л.Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М., 2017. 216 с.

³ Противодействие терроризму в рамках ШОС. URL: <http://politvektor.ru/> (24.06.2010).

⁴ Военно-промышленный курьер. 2016. № 25.

⁵ *Parello-Plesner J., Duchâtel M.* China's Strong Arm. Protection Citizens and Assets Abroad / The International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2015. P. 73.

⁶ Ibid. P. 73.

⁷ Ibid. P. 74.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 75.

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Лю Цян.* Расхождения интересов России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 106—107.

¹² Там же. С. 108.

¹³ *Kishan S.R., Uberoi P.* India's Noth East States. The BCIM Forum and Regional Integration / Institute of Chinese Studies. New Delhi, 2012. P. 88.

¹⁴ *Тюркер Ахмет Толга.* Российские и китайские интересы в Центральной Азии: Сравнительный анализ // Региональная политика: Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 1. С. 129.

¹⁵ Аргументы недели. 22.12.2016. № 50.

¹⁶ *Бордачев Т.* Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Валдайская записка № 50. 28. 06.2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-50>

¹⁷ URL: <https://russian.rt.com//article/49335>

¹⁸ URL: www.rosbalt.ru/2015/06/30/1413986.html

¹⁹ Жэньминь жибао. 24.06.2016.

ОБ АВТОРАХ

АЛИМОВ Рашид Кутбиддинович, доктор политических наук, Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества
E-mail: sco@sectsco.org

ВАСИЛЬЕВ Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук
E-mail: levdvina@mail.ru

КАШИН Василий Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук
E-mail: kashinvb@yandex.ru

КЛИМЕНКО Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук
E-mail: klimenko46@mail.ru

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока Российской академии наук, профессор МГИМО МИД РФ
E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

МАТВЕЕВ Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук

E-mail: matveevva152@gmail.com

МОРОЗОВ Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук

E-mail: morozov@ifes-ras.ru

САФРОНОВА Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока Российской академии наук

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

СЫСОЕВ Евгений Сергеевич, генерал-полковник, директор Исполкома Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества

E-mail: ecrats@mail.ru

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук

E-mail: svuyav@yahoo.com

ШЛЫНДОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока Российской академии наук

E-mail: pdv@ifes-ras.ru

П78 Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС/ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 168 с.

ISBN 978-5-7777-0688-1

Сборник содержит аналитические статьи по оценке ситуации в Центрально-Азиатском регионе, в которых рассматриваются причины и условия возникновения новых угроз и вызовов региональной безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Кроме того, в работе дана оценка состояния и перспектив борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии и проведен анализ деятельности в этом направлении региональных международных организаций, прежде всего ШОС, а также Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. В сборнике представлены также мнения экспертов о возможных вызовах региональной безопасности в Центральной Азии в связи с реализацией проекта Экономический пояс Шелкового пути.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Центрально-Азиатский регион, безопасность, геополитика, терроризм, Экономический пояс Шелкового пути, Россия, Китай.

УДК 327.7
ББК 66.4 (2Рос)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Научное издание

**Проблемы обеспечения безопасности
на пространстве ШОС**

Редакторы: *И. Ушаков, Е. Белилина*

Корректор: *Е. Феоктистова*

Художник: *Е. Ильин*

Верстка: *С. Голодко*

Подписано в печать 17.05.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
127214, Москва, ул. Софьи Ковалевской, 1 стр. 52.
Тел./факс: (495) 632-47-04
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ЗАО «Новые печатные технологии».
Тел.: (495) 223-92-00
e-mail: infor@web2book.ru

ISBN 978-5-7777-0688-1

9 785777 706881

Сборник содержит аналитические статьи по оценке ситуации в Центрально-Азиатском регионе, в которых рассматриваются причины и условия возникновения новых угроз и вызовов региональной безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества. Кроме того, в работе дана оценка состояния и перспектив борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии и проведен анализ деятельности в этом направлении региональных международных организаций, прежде всего Шанхайской организации сотрудничества, а также Региональной антитеррористической структуры ШОС.

В сборнике представлены также мнения экспертов о возможных вызовах региональной безопасности в Центральной Азии в связи с реализацией проекта Экономический пояс Шелкового пути.

ВЕСЬ
МИР

www.vesmirbooks.ru